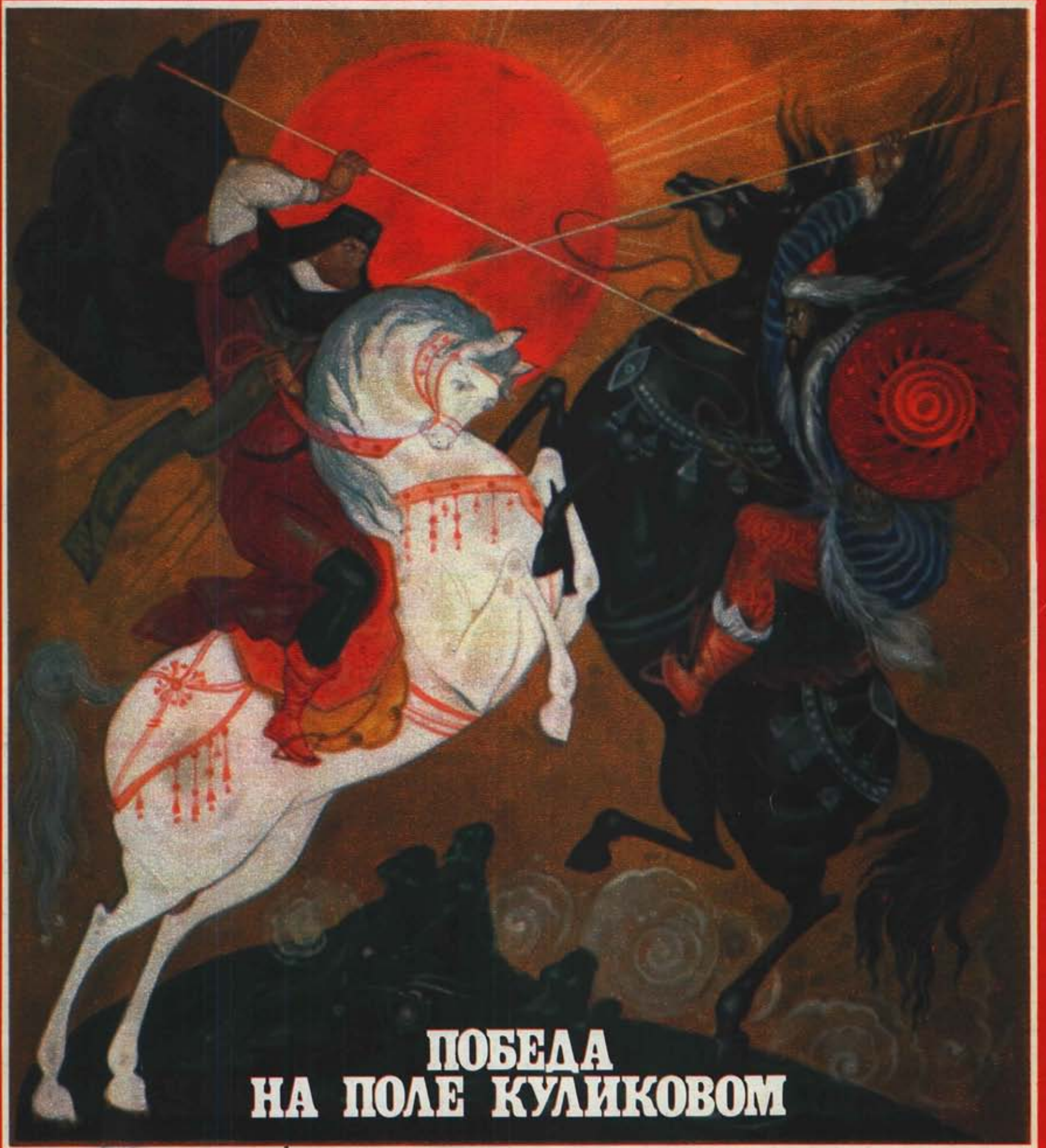

СМЕНА

№ 17 СЕНТЯБРЬ 1980

**ПОБЕДА
НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ**

Как уже сообщалось в «Смене» (№ 3), редакция журнала и Государственный комитет СССР по профессионально-техническому образованию проводили Всесоюзный творческий конкурс сочинений среди учащихся средних ПТУ. Часть лучших работ, присланных на конкурс, была опубликована в «Смене» № 8 в подборке «Думаю. Знаю. Мечтаю» и в других номерах журнала. Сегодня мы публикуем еще несколько работ, которые привлекли внимание жюри.

Подведены окончательные итоги Всесоюзного творческого конкурса сочинений на рабочую тему. Победителями конкурса стали:

БЕКБУЛАТОВ Роман, СПТУ-10, Кузнецк, Пензенская обл.
БЕЛОГЛАЗОВ Владимир, СПТУ-2, Астрахань.
ВАДИЛЬНИКОВ Юрий, СПТУ-13, Полоцк
ГАЙЗОВА Рамина, СПТУ-9, Ташкент
ГОРБАЧЕВ Илья, СПТУ-85, г. Березовский, Кемеровская обл.
ДАНИЛАВИЧУТЕ Вита, СПТУ-50, г. Майский, Литовская ССР
КИСЛАЯ Евгения, СПТУ-64, Москва
КИРЮШКИН Павел, СПТУ-49, Ленинград
КАЛАШНИК Алла, СПТУ-8, Ковтонг
КУРДОГЛО Михаил, СПТУ-18, г. Кагул, Молдавская ССР
МУКТАСИМОВА Рюма, СПТУ-5, п. Средний Егорлык, Ростовская обл.
МАГЕРРАМОВ Вагиф, СПТУ-11, Баку
ОРЕХОВ Андрей, СПТУ-8, Курганский, Краснодарский край
ПРОСВИРИН Андрей, СПТУ-21, Красноярск
ПАНФИЛОВ Александр, СПТУ-2, Елизовский район, Камчатская обл.
САНДИН Анатолий, СПТУ-1, г. Орск
ТИХОНИНА Наталья, СПТУ-1, г. Сапожок, Рязанская обл.
ХОДОТОВ Иван, СПТУ-23, Таганрог
ЧАБАН Николай, СПТУ-128, Москва
ЯРИЕВА Тамара, СПТУ-186, Самарканд

стану горняком. Моя специальность — машинист электровоза. Не могу сказать, что всегда хотел работать именно в шахте. И первые два года в училище были для меня не особенно радостным временем. Хотя учился я неплохо и преподаватели относились ко мне хорошо. Так было до практики.

Именно практика, первая самостоятельная смена все перевернули во мне. Первый спуск в крошечную темень шахты, первое ясное ощущение своей полезности...

Я попал в хорошую бригаду. Среди этих добрых, отзывчивых людей я как бы даже и не чувствовал себя практикантом. В любой момент они были готовы прийти мне на помощь, подсказать, научить, уберечь. Я чувствовал в них настоящую теплоту и заботу. Правда, бывало, я и обижался на них. Иногда. За что? Я очень хотел поскорее освоить машину и приступить к самостоятельной работе. А меня придерживали. И, конечно, правильно делали, теперь я это понимаю.

Сейчас мне трудно описать ту атмосферу, которая царит в забое при повышенной добыче. Бегают машинисты, ругают накатчиков батарей, что те тянут смену назад. А в дежурке стоит тишина, и только ходики своим постукиванием да вагоны на опрокиде нарушают ее. Но вот послышался гул, идущий как будто

летят в голубой вышине, крики ликующих слышатся мне». — поет моя бабушка Мария Евграфовна, в прошлом знаменитый охотник и оленевод. Это она впервые показала мне, как у оленей оголяются рога и молодые самцы начинают свои смертельные поединки. Сразу тундра наполняется их ревом и торжественными криками победителей. С гордо поднятой головой, украшенной ветвистой короной, вожак возвышается над трехтысячным стадом, устремленным вслед за ним. Их тысячи, умных, спокойных, пугливых, горячих, упрямых, но они теперь, как один, беспрекословно подчиняются каждому приказу победителя.

Мне кажется, что моя бабушка, которая свою долгую жизнь прожила в тайге или в тундре, — тоже вожак большой семьи моего поселка-стойбища. Это и коряки, и чукчи, и этельмены, и русские, и многие другие национальности — все знают бабушку, любят ее слушать. У нее оленеводческому делу учились все и учатся до сих пор. Мне иногда кажется, что бабушка была бы прекрасным учителем: так она всех любит, добра ко всем.

Края у нас суровые. Иной раз пурга завоет, как ведьма злая, и нет ей конца. Не видно ни зги, в трех метрах не заметишь человека, кругом белая пустыня. Олени сгрудятся, дрожат. Малы-

XXIII НАВСТРЕЧУ СЪЕЗДУ КПСС РАБОЧЕЕ ДЕЛО: МЕЧТА И РЕАЛЬНОСТЬ

ВСЕСОЮЗНЫЙ КОНКУРС СОЧИНЕНИЙ УЧАЩИХСЯ ПТУ

Павел КИРЮШКИН,
СПТУ-49,
Ленинград

ПАМЯТЬ

Мне 16 лет, зовут меня Павел. До сентября 1978 года я был просто мальчишкой, как и многие мои сверстники. Но вот я поступил в профтехучилище и теперь будущий рабочий. Но я буду не просто рабочим, а продолжателем своего рабочего рода.

Мой прадед был каменщиком, строил дома, фабрики. Этому же ремеслу обучил он и своего сына, моего деда.

Дедушку своего я не видел ни разу — он погиб, защищая Орел. Сохранилась одна-единственная фотография, на которой дедушка держит на руках сына, моего отца. Когда сын солдата повзрослел, он твердо решил, что станет продолжать дело своих отцов — будет строить. И папа стал строителем-монтажником.

Однажды, когда мы с отцом поехали на рыбалку, у нас зашел разговор о работе. Я спросил отца, почему он решил стать строителем, а не слесарем, например, или токарем. Папа сказал мне тогда: «Я плохо помню своего отца, но я твердо знаю, что он никого не хотел убивать, он был строителем, а не разрушителем. И в память о нем я тоже решил строить. И еще... Я не знаю, где похоронен мой отец, и не могу поставить памятник на его могилу. Поэтому каждая стройка, на которой я тружусь, — памятник моему отцу и твою деду».

Вот тогда, после этого разговора, я раз и навсегда решил, что буду только строителем. А кому же им быть, если не мне, потому что рабочих-строителей?!

Я стану монтажником. Почему? Потому что монтажники на всех стройках ведут самые главные и ответственные работы. А как здорово работать наверху! На высоте птичьего полета вести монтаж — такому позавидует каждый.

Пока мы изучаем свою будущую профессию в учебных кабинетах и мастерских, но я часто бываю и на стройке, где работает отец. А как он работает! Стройка — его жизнь. И таких, как мой отец, много.

Я счастлив, что родился и живу в такой замечательной стране. Я рад, что рядом со мной живут и трудятся замечательные люди, которые с готовностью помогают мне — сыну, внуку, правнуку рабочих-строителей.

И сегодня я клянусь светлой памяти моего деда, отдавшего жизнь за Родину, рабочей чести моего отца, что постараюсь достойно пронести по жизни гордое звание рабочего человека и передать его своим детям. Рабочая династия будет жить и жить, оставляя после себя города, неся людям радость.

Илья ГОРБАЧЕВ,
СПТУ-85,
г. Березовский,
Кемеровская обл.

ПЕРВАЯ ШАХТА

Наш Кузбасс — это уголь, сталь, прокат. Но не был бы так могуч он, если бы не советские люди, своими руками создавшие жизнь в этом таежном краю. Велика в этом заслуга наших шахтеров. Вот об их труде я и хочу написать.

Через год я закончу училище и сам

из-под земли; нарастая, он переходит в стук колес вагонеток. Это очередная партия угля. Машина «воет» на подъеме, ей тяжело, но слышать этот «вой» даже приятно — значит, угля много.

Случается и такое, что пора домой, а на участке еще грузят. И ни один машинист не пойдет к подъемной клетке, пока не соберутся все. Поворчат немного и усаживаются ждать.

Те, кто не имел дела с шахтой, может, думают, что машинист не имеет никакого отношения к добытому углю? Так вот, они глубоко ошибаются. Без машинистов уголь не вывезешь. А сколько надо побегать, чтобы набрать порожняк и доставить состав на участок! А тут еще телефон названивает: «Порожняк! Срочно! Стоим!»

...Пройдет много лет работы, много будет вывезено «черного золота», но никогда не забудется мгновение, когда я впервые взялся за ручку контроллера на своей первой шахте.

Александр ПАНФИЛОВ,
СПТУ-2,
Елизовский район,
Камчатская область

ГУСИ В ВЫШИНЕ

Я сын пастуха-оленьевода, родился и жил в Майском, в маленьком поселке на Камчатке. Здесь моя родина, дом-чум, отсюда я поехал учиться на тракториста в СПТУ-2, сюда, в мою колыбель, я и вернусь работать.

Весна!

«Небо лазурное над головой, гуси

шам легче: они в середине. А те, что по краям, самоотверженно стоят живым заслоном, защищая и обогревая других. Вот в такие дни особенно трудно бывает всем пастухам, не знают они покоя ни днем, ни ночью. Нужно быстро найти укрытие, да такое, чтоб там был и корм, который олени сами добывают из-под снега. Помогают опыт, чутье. Всем хватает работы в стаде зимой: и летчикам, и трактористам, и радистам, и шоферам. Бабушка говорит, что сейчас легче: по-

Сергей ВАХРУШИН,
СПТУ-20,
Хабаровск

Люблю свою будущую работу. Работа монтажника — это постоянные встречи с новым. Но чтобы стать настоящим монтажником, надо иметь соответствующий характер, склад души. Не каждый выдержит постоянные командировки, работу на открытом воздухе зимой и летом. Но я свою профессию ни на какую другую не променяю.

Елена ЯКОВЛЕВА,
СПТУ-5,
Ленинград

Конечно, совсем не всегда моя работа получается у меня пока так, как хотелось бы, как надо. Но я очень стараюсь. Много еще придется потрудиться, чтобы работа моя всегда только радовала людей. А их радость, их благодарность — это, по-моему, то, в чем и заключается красота моей профессии портнихи.

мощников много. Раньше уставали очень, спали порою прямо на нартах. «А сейчас,— говорит,— жалко даже, что состарилась. Только бы и работать».

Но отступает зима. Тундра превращается в цветущий луг. Вот приветливо подмигивают синеглазые подснежники. На ольхе набухают почки. Прозрачными глазами озер смотрит на меня моя родная земля, моя тундра. А небо! Оно, как классная доска, исчерчено живыми прямыми углами, треугольниками летящих друзей тундры и весны — птицами. Пробежал заяц, оставив след из шерсти. Лиса из рыжей красавицы стала безобразной, облезлой. Все вдруг зашевелилось, зазелело.

Но заботы в стаде не кончились: рождаются маленькие оленята, их сотни! А иногда в это красивое весеннее время морозы случаются. Опасно это: ледяной корочкой земля покрывается. Как спасти маленьких, беспомощных оленей от мороза и голода? Я всегда помогал оленеводам после занятий, а уроки в стойбище делал; потом на попутных машинах в интернат возвращался. И когда бы я ни прибежал к оленям, моя бабушка всегда хлопочет: то она ножку олененку перевязывает, то в чум отогреться носит, то лед на ягеле долбит, то пойдет искать отбившихся несмышленишек. Я много раз спрашивал: «Ведь тяжело, молодых много, отдохни, разве не устала?» И неизменно ответ был таким: «Для молодых потяжелее, побеспокойнее работа есть, а эту вот мы с тобой делать будем. А работа эта нужная, внучек». Сколько нужно энергии, сил, бессонных ночей, чтобы ни один олененок не погиб!

Это бабушка научила меня любить тундру и дружить с оленями, пасти стада, собирать и разбирать жилище. Она сама умеет это делать не хуже любого мужчины в стойбище.

Поэтому сейчас я учусь в училище, но днем и ночью мечтаю о возвращении домой. Пока я только на I курсе, но время пролетит быстро. Я обязательно стану хорошим трактористом, научусь здесь также ремонтировать и собирать приемники, чтобы в любую минуту быть нужным там, в моей тундре. Я не пропускаю ни одного занятия кружка «Юный радиолобитель», который ведет учитель физики Евгений Иванович Обликов, ни одного урока. Мне все интересно. Я хочу унести с собой в большую жизнь знания и опыт всех преподавателей — ведь в жизни надо много знать, тогда много сможешь. Я хочу много сделать для своей тундры.

«Небо лазурное над головой, гуси летят в голубой вышине, крики ликующего слышатся мне». С этой песней я засыпаю, чтобы завтра снова отправиться за знаниями, которых ждет от меня моя тундра, моя будущая работа.

Наталья ТИХОНИНА,
СГПТУ-1,
г. Сапожок,
Рязанская область

СТЫД ЗА «ТРОЙКУ»

Мой отец — потомственный механик. Еще когда я была в седьмом классе, он научил меня управлять трактором, позднее — комбайном.

Много было разговоров и споров в семье, с друзьями — о том, куда пойти учиться. Перед окончанием учебного года в школу пришел председатель нашего колхоза. Рассказал о хозяйстве, о людях, о будущем нашего села, а закончил рассказ словами: «Молодежь нам нужна. Особенно механизаторы — это сейчас самая важная и почетная на селе профессия». Я и раньше думала о работе на тракторе. Но когда встал вопрос о выборе профессии, то растерялась. Поддержал мой выбор председатель колхоза. Дома за ужином рассказала о своем решении родителям. Мать была недовольна: «Вздумала тоже! Девичье ли дело с машинами возиться? Уж лучше дояркой, что ли». Уладил спор отец: «Правильно, дочка. Землю пахать, хлеб растить — нет ничего важнее».

А вечером к нам пришла «доброжелательная» соседка и заговорила: «Одумайся, Наташка! Ты же отлично училась в школе! И все для чего? Трактор гонять?» Потом был «бой» с подругой: «Послушай, это детство в тебе играет. Лучше уж иди в медицинское училище, на продавицу выучись, телефонистку или счетовода». Было обидно, что самая близкая подруга не поддержала меня в трудную минуту, но решения я не изменила.

...Учиться у нас интересно. Стыдно получить оценку «три»: ведь объясняют нам и все показывают на настоящих «живых» тракторах. Но если что непонятно, мальчишки (я ведь единственная девочка в группе) всегда придут на помощь. Не секрет, что ребята осваивают технику быстрее, вот и приходят порой обращаться к ним за помощью. А уж по общеобразовательным предметам они идут за помощью ко мне... Все мы делаем вместе: к занятиям готовимся, работаем, отдыхаем.

Часто бываю дома, встречаюсь с бывшими одноклассниками. Некоторые пошли в девятый класс, другие уехали в город. Никак не могу этого понять: хоть кем, но в город! А я люблю свою Смолеевку, буду заниматься здесь любимым делом — растить хлеб. То, что это мое дело, я почувствовала прошлым летом. Дождей долго не было, рожь стояла невысокая. Тощие колоски, мел-

кие зернышки. Высыпал их отец на руку, и таким горем повеяло от этого сильного человека, что сердцем почувствовала я, какое великое богатство — хлеб.

Роман БЕКБУЛАТОВ,
СГПТУ-10,
Кузнецк,
Пензенская область

ПУСК

Шумно и торжественно сегодня в зале училища. Все знают: будут награждать создателей действующей модели токарно-винторезного станка I «А» 616. Все знают: сейчас модель находится на ВДНХ, она награждена серебряной медалью.

Вот на сцену поднимается главный конструктор модели Петр Степанович Мишалов. Мне хочется хлопнуть громче и долше других. Ведь это человек, который разбудил во мне желание думать, изобретать, часами просиживать над схемой, чтобы потом своими руками сделать то, что так долго владело мыслями.

А вот лучший мастер производственного обучения Геннадий Иванович Люблянин. Выпускник нашего училища, за семнадцать лет работы он выпустил в трудовую жизнь более трехсот учеников. Один из них, Юрий Александрович Ульянов, теперь сам мастер производственного обучения, сейчас поднимается на сцену вслед за своим бывшим мастером. Это он, энергичный, деловой и веселый, руководил группой учащих-ся, слесарей-ремонтников, которым досталась самая тяжелая и трудная часть работы при создании станка.

Зал аплодирует награжденным, торжественно звучит оркестр. И, конечно, каждого мастера особенно активно приветствует его собственная группа.

Но вот объявляют, что группе учащих-ся присуждены медали «Юный участник ВДНХ», премия. И я с волнением и гордостью поднимаюсь на сцену и принимаю награду. Почему один? Потому что все остальные ребята уже окончили училище и разъехались в разные стороны: Борис Балакирев служит в армии, Сергей Троцкий учится в индустриально-педагогическом техникуме в Москве, Коля Савостин, окончив училище с отличием, поступил в Пензенский политехнический институт.

После вручения наград я пошел в комнату технического творчества. Несколько месяцев подряд спешили мы сюда почти ежедневно — думать, работать, спорить, радоваться успехам и огорчаться неудачам, которые были то-

же нередки. При изготовлении корпусных деталей понадобились модели для отливки. Изготовить их в условиях училища было невозможно. Что же делать? Спорили много. Потом мастер Люблянин предложил изготавливать каждую деталь из цельного куска алюминиевого сплава. Выход был сложный, но интересный. Пришлось делать специальные инструменты.

А как долго мы не могли найти двигатель, соответствующий мощности станка! А когда подобрали, то оказалось, что сделанные мною шестерни не годятся... Пришлось нам с Петром Степановичем сидеть за перерасчеты. И уже совсем к концу подошла, казалось, работа, когда обнаружилось, что из-за сложности некоторых деталей коробки подачу нужно изменять кинематическую схему. А это опять перерасчеты, по существу, возвращение к самому началу...

Тут нужны были не только умение, но и упорство и терпение. Не только делать модели учил нас Петр Степанович Мишалов, но еще и спокойствию, уверенности, с какими надо идти к поставленной цели. Четыре года назад он ушел на пенсию, но и месяца не смог прожить без любимой работы, которой посвятил тридцать лет жизни, вернулся в училище руководить кружком технического творчества.

И вот он наступил, радостный день, — пуск станка. Сияющими глазами смотрели мы на этот работающий станок, такой маленький, но в который было вложено столько сил, мыслей. И любви. Бережно, из рук в руки передавали друг другу цилиндрический валик — первую деталь, обработанную Петром Степановичем на нашем станке. Как выразить все чувства, которые тогда владели мною!

И сейчас, уже с другими ребятами, я каждый вечер прихожу в комнату технического творчества, теперь мы работаем над действующими моделями уже двух станков. И что с того, что иногда возвращаешься домой уставшим!

Тамара ЯРИБЕВА,
СГПТУ-186,
Самарканд

МАСТЕРОК В РУКЕ

Как-то раз, возвращаясь из музыкальной школы, шла я мимо стройки. Там работала бригада штукатуров. Я остановилась. И засмотрелась на женщин, которые работали очень высоко, но ни капельки не боялись этой высоты. Они все работали очень ловко, но особенно мне нравилось наблюдать за одной из них. За бригадиром. Нравилось потому, что она не только сама работала, но и другим успевала помогать, подбадривала. И еще успевала к советам подруг прислушиваться.

Всего этого, конечно, за один раз не заметишь. Но ведь я ходила мимо стройки каждый день и каждый раз останавливалась. И вот сегодня я вновь засмотрелась на свою любимицу.

Наверное, она почувствовала в мою сторону, задорно подмигнула и... нечаянно выронила мастерок. Она посмотрела вниз, а потом вдруг крикнула:

— Подкинь мастерок, девочка, вон он у бочки лежит.

В руках у меня были музыкальная папка, портфель, я не знала, куда их положить, и поэтому несколько помедлила. И тогда услышала другой голос:

— Да ты не надейся. Видно же, что в грязь побойтся полезть.

Я вновь посмотрела вверх, наклонила голову, перешла через лужи и не стала подбрасывать мастерок, а сама поднялась наверх. Подала мастерок хозяйке.

— Спасибо, девочка, — улыбнулась она. — Как же на нее не надеяться, если больше-то некому в руки мастерок взять.

Она была очень красивой: выющиеся

Абзацы и строки

Александр РУКОСУЕВ,
СГПТУ-4,
г. Тулун,
Иркутская область

Во власти каждого человека открыть для себя красоту труда. На совершенную, красивую работу можно любоваться как на картину художника. Но еще большую радость она приносит самому работающему.

Анна ВЕЛИК,
СГПТУ-104,
Ташкент

Труд, он как человек. Если относишься к нему с душой, то и он откроет свое самое сокровенное.

Не только человек может рассказать о своей работе, но и дело может рассказать о человеке. Например, в наших магазинах много тканей некрасивых расцветок, выглядят они неряшливо, похвалить их не хочется. Видимо, люди, ответственные за их выпуск, небороговестны и равнодушны.

Ольга САЗОНОВА,
СГПТУ-2,
Ульяновск

По-моему, каждый человек, какой бы скромный пост он ни занимал, должен взглянуть на свою, пусть даже малозаметную работу с государственной точки зрения. Тогда работа приобретает в его глазах совсем иной смысл.

Анатолий САНДИН,
СГПТУ-1,
Орск

Становясь к станкам подручными и опытных рабочих, мы вместе с мастерством перенимаем у них основные качества советского рабочего человека.

Юрий РУСУ,
СГПТУ-35,
Кишинев

Мне кажется, что по-настоящему красиво работают рационализаторы. Они не просто автоматически выполняют задание, а работают с душой, с умом. В общем, красиво.

Елена ДАРЬИНА,
СГПТУ-7,
Борисоглебск

Мое Отечество вступило в свое седьмое героическое десятилетие. Оно, как могучий океанский лайнер, за штурвалом которого партия, плывет к коммунизму. Я верю, что мое поколение будет называться корчагинцами восьмидесятых!

Наша обложка:
Битва Пересвета
с Челубеем.

Работа
палехской художницы
Раисы СМЕРНОВОЙ.
Очерк
Виктора БУГАНОВА
«И СИЛЫ БРАЛИ
У РОДНОЙ ЗЕМЛИ...»
на 20-й странице.

- 1** «РАБОЧЕЕ ДЕЛО: МЕЧТА И РЕАЛЬНОСТЬ». Весоюзный конкурс сочинений учащихся ПТУ.
- 3** Новое имя. «И СМОТРИТСЯ И ВИДИТСЯ ДАЛЕКО». Стихи Алексея МАЛЬЦЕВА.
- 6** Владимир БУЛЫЧЕВ. «СУД ЧЕСТИ».
- 8** Рассказ Дмитрия ХОЛЕНДРО «НА ЗАКАТЕ».
- 12** БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ. Юрий КИЕНКО, директор Госцентра «Природа». «ЗАБОТЫ КОСМОСА».
- 16** РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ. Борис ВАСИЛЬЕВ. «ОБНАРУЖИТЬ И ЗАДЕРЖАТЬ!»
- 18** «А ЧТО У ВАС?». Информационная страница «Смены».
- 20** ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ. К 600-ЛЕТИЮ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ. Виктор БУГАНОВ. «И СИЛЫ БРАЛИ У РОДНОЙ ЗЕМЛИ...»
- 23** АВТОБИОГРАФИИ. Валентин ФИЛАТОВ, народный артист СССР. «ЦИРК — ЭТО ЮНОСТЬ...»
- 26** МИР КАПИТАЛА: ПРАВО НА БЕСПРАВИЕ.
- 29** Повесть Николая ОГАНЕСОВА «МАЛЬЧИК НА КАЧЕЛЯХ».
- 32** Сергей КОШЕЧКИН. «ПОЭТ И СКУЛЬПТОР». Из цикла этюдов о Есенине.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛШЕВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. СЯУШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

русые волосы, темные голубые глаза. Но дело было не только в этом. Есть люди, одно появление которых сразу вызывает уважение окружающих, к которым все тянутся. Она была из них. Я тогда растерялась и забыла спросить ее имя, но потом про себя назвала ее Нурией — излучающей свет. А потом я узнала, что это была бригадир Каттакурганской ПМК-9 Галина Новикова.

Сейчас я по-прежнему учусь в музыкальной школе. Но произошли в моей жизни и перемены — после восьмого класса я поступила учиться в строительное ПТУ. Чуть-чуть трудно учиться, теперь я позднее возвращаюсь домой, а ведь надо еще помочь родителям по хозяйству. Но я ни о чем не жалею. И стройка мне нравится по-прежнему.

Вита ДАНИЛАВИЧУТЕ
СГПТУ-50,
г. Мажейкяй, Литовская ССР

ПИСЬМО МАМЕ

Я вернулась, мама. Так отчего же эти слезы? Знаю, тебе не верится, что твоя дочь становится совсем взрослой.

Ты плакала и три года назад, когда впервые провожала меня в училище. Ты плакала, когда я уезжала на первую практику, впервые так далеко от тебя. Может быть, ты вспоминала свою молодость, лучшие годы которой отняла война? И ты желала мне, своей дочери, настоящего счастья. Я рада, мама, что эти слезы не от боли, а от материнской гордости. Я довольна, что избрала путь работницы, как ты, мама. Только специальность у меня другая. Я будущая машинистка компрессоров. Работа кажется привлекательной уже потому, что у нас в Литве не было такой профессии. А родилась она вместе с моим училищем и заводом, на котором буду работать. Не только я, но и мои подруги. Их много, около тридцати. Девушки все такие молодые, что даже трудно представить их на огромном заводе, среди множества машин. Но я знаю, что они будут переживать из-за неудач и радоваться успехам. Ведь мы будем работать на самом большом заводе в городе, мама. Но ты не думай, что мы не сумеем. Зачем же мы ездим в далекий Казахстан? Как раз для того, чтобы обрести навыки по своей работе. Нашим друзьям-казахам эта работа уже хорошо знакома.

Приближается праздник. Наш Мажейкяйский нефтеперерабатывающий завод должен начать свою жизнь. А нам еще предстоит хорошо сдать экзамены и еще раз проверить себя на практике.

Я знаю, мама, что ты одобряешь мой путь. И я хочу быть похожей на тебя. Ты всегда жила заботами своего завода.

Ты все плачешь, мама. Отчего, ведь я вернулась в свой город? Теперь я часто буду приезжать к тебе, и мы будем говорить о машинах и людях, с которыми вместе работаем, о жизни.

Владимир БЕЛОГЛАЗОВ,
СГПТУ-2,
Астрахань

РЕЧНИКИ-ТРУДОЛЮБЫ

Много кораблей ходит по матушке Волге. Маленьких и больших, красивых и неприметных...

Вахта... Для кого-то это томительные часы, их надо «отстоять», избежать неприятностей в пути и нареканий по службе. Для меня, курсанта СГПТУ-2, это были часы решения сложной задачи: то трудный участок плеса, то расхождение со встречным судном. Бывает, плывут оторвавшиеся от плотов бревна и могут попасть в гребную насадку... Держи ухо востро!

Но все это было позже. А сначала два года учебы с досадными срывами, ошибками и промахами. Осознавая их,

через маленькие победы над собой, я учился радости труда, учился уважать людей, умеющих трудиться.

Плавательская практика, первая в моей жизни, проходила не на большом комфортабельном лайнере, о котором я мечтал, а на простом маленьком суденышке с громким названием «Удалой». Все-таки в дальнейшем я понял, что имя это оно заслужил по праву — неутомимым трудом.

Тянулись берега. Бесконечно несли свои воды Волга в Каспий. Изредка пробьют склянки, и малиновый их звон льется по плесу. В открытое окно штурманской рубки струится теплый ветерок. Здесь главный пост управления караваном. Мне за месяцы моей практики полюбили, стали ближе и понятней люди, с которыми я познавал искусство работы речника. Может, потому, что они всем сердцем хотели помочь, объяснить, раскрыть секреты профессионального мастерства, искренне желали, чтобы мы почувствовали значимость своего труда и научились уважать его.

У нас на «Удалом» работы много. Разной работы, чистой и грязной, которую хочется или не хочется делать. Но по законам всей команды любую работу надо было делать на совесть. Теплоход наш маленький, но сердце у него сильное, и коллектив упорный и сплоченный. С такими людьми чувствуешь себя спокойной и уверенно, знаешь: любое, даже самое трудное дело по плечу.

За месяц моей работы мотористом стали близкими люди, с которыми я стоял вахту. Вот у штурвала — трудолюбивый Максимиш. Хорошо, когда плес спокойный, изведанный, караван устойчивый на курсе, а штурвал в надежных руках. И все же, казалось, толкаем мы слишком медленно, хотя цифры пройденных километров говорили, что мы превышаем заданную скорость.

— Медленно идем, Максимиш!

— Что ты, Володька! Нормально. Даже скоро. Против течения идем, какую силу ломаем!

Скорость! О ней думали на каждом толкаче, днем и ночью. Капитаны и штурманы склонялись над картами, прикидывая, на чем выиграть.

Занятый своими мыслями, я не сразу прислушался к воркотне Максимиша:

— Говорят, иди без задержек! Чего бы лучше? Знай отсчитывай километры! А на деле все тебе препятствует. Недавно встретился один баркас. На отмашку не отвечает, молчит. Матрос махал флажком, только после третьего раза там спохватились... А то хоть на якорь вставай. А вчера было еще чище: глядим, близ села небольшое суденышко с приспущенным флагом. И суденышко-то с наперсток, а помогать надо. К нему не подойдешь — меляк. Вот незадача! Спустили шлюпку. Оказалось, нарочно встали на мель, чтобы в кино сходить. Наши их отругали, а они смеются: «На ошибках учимся...»

Я не отходил от Максимиша, просил:

— Дай-ка поштурвалить!

— Выйдем на простор, тогда дам. Мы не на гулянке — баржи ведем... Коренная — та грузная, вишь, какая крупная, от нее волна хлещет, а малая баржонка — звание одно, на пять тысяч тонн...

Несведущему человеку может показаться скучным мой рассказ, мол, чего это он нашел в этих баржах? Действительно, ничего особенного. Но в год прохождения практики, в год большого паводка, я видел, как ждали эти баржи люди. Наш толкач работал по укреплению берегов. Где мы только не побывали! Вроде бы что особенного: баржа с песком — привели, выгрузили, увели, и все. Но надо было видеть глаза людей, ту открытую радость, с которой они встречали наши баржи. Только здесь я до конца осознал, в чем секрет так часто употребляемого преподавателями понятия «радость труда». Радость труда — это человеческая благодарность, это ощущение своей значимости и необходимости людям, это, в конце концов, твоя причастность к большой жизни твоей страны, твоего народа.

НОВОЕ ИМЯ

Нет-нет, да и возникает в литературе новое имя вовсе не молодого человека. Поздний дебют — что это такое? Закономерность развития? Усложненность судьбы? Или сдержанная скромность, которая останавливает от публикаций человека требовательного? Одна примечательная общность: поздний дебют означает безусловную зрелость творчества. Стихи Алексея Михайловича Мальцева, представляемые «Сменой» на суд читателя, на наш взгляд, подтверждают это правило. Кто же он, начинающий и в то же время зрелый поэт?

Ему за пятьдесят. На его плечи, как и на плечи всего его поколения, легла тяжесть войны. Недоедание, бессонные ночи, потом тяжелейшая болезнь, из которой не всякому дано выкарабкаться. Факультет журналистики МГУ — в высшей гимнастерке. Работа на радио. И вдруг за перевалом пятидесятилетия, как озарение, как новая жизнь, — стихи.

Они негромки, стихи Алексея Михайловича Мальцева, но эта негромкость звучнее многих восклицаний. В чем-то они похожи на прозу, хотя сравнение это может показаться спорным. Но, сравнивая эти стихи с прозой, мы имели в виду их сюжетность, покойность их течения и углубленное содержание. Так что этим сравнением мы вовсе не хотели задеть поэзию. Итак, стихи Алексея Мальцева — большая, необычно большая подборка, оценку которой читателями с волнением ждут как автор, так и редакция.

Алексей МАЛЬЦЕВ

“И СМОТРИТСЯ И ВИДИТСЯ ДАЛЕКО”

Ровеснику

Ты не стыдись суровой правды зеркала,
Ровесник мой, уже не молодой.
Ты подходи совсем с иными мерками
К тому, что называют красотой.

И ни к чему нам спорить с близорукими,
Что в нас не видят новой красоты.
Нас годы щедро метили зарубками,
На наших лицах — Времени следы.

Мы знали в жизни звездные мгновения.
Нам не цвести, как прежде, — ну и что ж?
Погожий день, дыханьем гроз овеянный,
И на закате все-таки хорош!

Памяти Алексея ПЛЕХАНОВА

Деревенька. Одна из многих.
Если глянуть откуда-то сверху —
Две шеренги домов у дороги,
Словно выстроились на поверку.

Я сквозь строй прохожу в тревоге,
Озираясь на окна и шторы.
Пуще слов беспощадно-строгих,
Я боюсь их немного укора.

Вот от этих кривых проселков
В мир шагнул через все невзгоды
Удалой, бесшабашный, веселый
Мой товарищ по третьему взводу.

Нас война похватала из дому
И свела, хоть ненадолго, вместе.
От тоски по всему родному
Он спасал нас веселою песней.

А потом молодых офицеров
Раскидала судьба по фронту.
Кто вернется живым и целым?
На кого принесут похоронку?

Где-то в дальнем краю, на чужбине,
Осеклась его песнь молодая.
Он упал, не дойдя до Берлина,
И с тех пор мне его не хватает.

...А в деревне людей не густо.
Редко-редко мелькнет прохожий.
Я смотрю со щемящим чувством.
Я уже не надеюсь на чудо,
Но ищу на него похожих.

Бессмертие

Никто и знать о том не знал
В тысячелетии далеком,
А я уже существовал —
Пускай в предчувствии, намеком.

Когда, свершая путь земной,
Мой предок брал жену по нраву,
В его потомстве проблеск мой
Перенимал от внука правнук.

И сколько ж их на всем веку
Сошлось во мне, кровинки малых,
Влилось притоками в реку,
Чтоб я собою продолжал их.

Теперь мой род в моих руках.
И от меня пойдут по свету
Побеги новые, в веках
Передавая эстафету.

И если наши сыновья
Избегнут атомного смерча,
Частицей в них продлюсь и я.
А разве это не бессмертье?

Р. С.

Ты помнишь?
Той далекой ночью поздней
В росе два следа, будто на снегу.
И небо нам подмигивало звездами,
И губы жгло прикосновенье губ.

О, эти звезды, летние, падучие!
Мелькнут — и нет.
И бледный след простыл.
Вот так и наша
Скрылась за тучю,
И разминулись, врзвь пошли следы.

Кого винить?
За что винить?
И надо ли...
Не все подвластно нам в своей судьбе.
А звезды загорались вновь
И падали,
Тревожа в сердце память о тебе.

Ужель совсем погасла путеводная?
Ужель не вспыхнет больше впереди?
Далекий проблеск вижу и сегодня я.
А ты не видишь?
Нет, ты погляди!

Дневник

Отец под старость вел дневник —
Дела и мысли по порядку
Вносил на память, как в тайник,
В свою заветную тетрадку.

Где был, что видел и узнал.
И что подумалось при этом.
Не в каждой строчке новизна,
Но все же — времени приметы.

И мог бы он когда-нибудь,
Перелистав их на досуге,
Осмыслить вновь свой долгий путь,
Всю жизнь схватить в глубинной сути.

Не довелось. Сразила вдруг
Души изношенной усталость.
И карандаш упал из рук,
И суть несхваченной осталась.

А сын тетрадку полистал
Со снисходительной улыбкой.
Должно быть, он предпочитал
Умнеть на собственных ошибках.

Он отложил на поздний срок
Всю мудрость, что ему вверялась.
И не пошла наука впрок —
Тетрадка вскоре потерялась.

Вразумить, наставить, воспитать...
Дети — наша главная забота.
Жар сердец готовы им отдать,
Весь приобретенный в жизни опыт.

Не свернули б с истинных путей,
Выросли б надежною подмогой...
И сроднилась радость за детей
С вечною родительской тревогой.

От беды стараясь уберечь,
Обращаем их к добру и правде.
Отчего ж так часто нашу речь
Заглушает жизнь, внося поправки?

У нее подход совсем иной:
Учит наших неслухов-мальчишек
Незаемной мудрости земной,
Синяков наставив им и шишек.

И она, наверное, права...
Лишь бы мы в ней сами не споткнулись,
Лишь бы наши строгие слова —
На поверку — с ней не разминулись.

Счастье

Счастье всем рисуется по-разному,
Тут уж каждый сам себе судья.
Кто-то хочет легкого и праздного,
Кто-то мерит меркой бытия.

Вот — купили мебель заграничную,
Полировке радуется глаз.
Иногда и эта радость личная
Для кого-то — счастье в самый раз.

А мечта какой-нибудь красавицы —
Пыль пустить в глаза, другим назло...
Как легко порой у нас бросаются
Золотым запасом вечных слов!

С голоду, наверное, покажется
Черствый хлеб вкуснее калача.
А наелся, дальше что прикажете —
Сытость тоже счастьем величать?

Как бы там по свету ни злословили,
Жизнь трудна, но все же хороша.
А для счастья первое условие —
Чуткая к добру и злу душа.

До сих пор земля дымитесь войнами,
Слезы, кровь... И так из года в год.
Разве можно счастья ждать спокойного
Рядом с миром бедствий и невзгод?

Разве можно до своей жилплощади
Сузить свет в зашторенном окне?
Счастье — это благо слишком общее,
Чтоб его вкушать наедине.

На вид довольно молодая,
Весьма приглядная собой.
А голова — совсем седая.
Не повезло, видать с судьбой.

Какие ж горести и раны
Могли обжечь тебя так рано,
Оставив пепел в волосах?
Да нет...
Флакончик блондорана
Меняет цвет за полчаса.

Ну что ж, хоть рыжей, хоть муругой
Красуйся властью.
Но седина...
Как будто кто не по заслугам
Надел чужие ордена.

Половодье В Слемских Борках

А вы когда-нибудь видали
Разлив весенний на Оке?
Когда затопленные дали
Растают, словно в молоке.

Не различить за пеленою,
Где край воды, где край небес.
И лишь зубчатую стеною
Плывет в тумане темный лес.

А если ветер дунет с Ловец—
Держись, мой бедный старый дом!
Взыграет вал-белоголовец,
Ярся и пенясь за окном.

Река предстанет бурным морем
В своей неистовой игре.
Того гляди—деревню смочет,
Что притулилась на бугре.

Но вот вода пойдет на убыль,
Оставив блестящие луга.
Река, смилив свой норов грубый,
Спокойно входит в берега.

И вновь, не буйствуя напрасно,
Течет, как много лет текла.
И—словно люди, справив праздник,—
Опять впрягается в дела.

✱
День состарился как-то сразу.
Был он весел, горяч, деловит,
А потом, будто кто его сглазил,
Потерял молодецкий свой вид.

Потускнел, как-то вдруг увянув,
Вместо солнышка—дым без огня.
И с низин напозавших туманов
Хилый ветер не мог разогнать.

Дальше—больше. Нашла морока:
Морось, хмарь, непроглядная мгла.
Так и кончился он до срока,
И без времени ночь подошла.

Рассвет

В тот час, когда в лугах некошенных
Кричат-поют перепела,
Я ждал тебя, моя хороша,
А ты взяла и не пришла.

Зарделось небо ранней зорькою,
Уж было ждать невмоготу.
Но даже в ту минуту горькую
Я всюду видел красоту.

Я видел первый, самый трепетный
Рассветный луч на тополях.
Его улыбкой ясной встретила
Росой умытая земля.

И пусть я был душою раненый,
Но, сам не знаю, почему,—
Я улыбнулся утру раннему
И даже горю своему.

Ах, эти ночи, ночи летние!
Зачем вы были коротки?
Зачем сегодня все заметней
Посеребрённые виски?

Прошла весна, прошла и молодость.
И сердцу грустно от потерь.
Иных забот иные болести
Одолевают нас теперь.

Но тот рассвет в лугах некошенных
Всегда со мной, всегда во мне.
Порой нежданно и непрошено
Он вдруг приводится во сне.

Как будто вновь вернется прошлое.
И, полный радости большой,
Опять к тебе, моя хороша,
Тянусь я трепетной душой.

✱
Ей доброты не занимать,
И в сердце нежности хватает.
Была бы ласковая мать
И даже теща золотая.

Но счастье плыло стороной,
Не завернув и на минутку.
Не довелось ей быть женой,
Растить детей и нянчить внуков.

И никогда уж не звенеть
В избе горластому народу.
Усохла крохотная ветвь
В могучем дереве природы.

Какие ж тяжкие грехи
Судили ей такую старость?
К другим вернулись женихи,
А ей—калеки не досталось...

Она не ропщет. Не сбылось—
Таков удел. Но вот поди ж ты!
Порой расстроится до слез,
Приветив чьих-нибудь детишек.

Вот так и мается одна.
Давно затихло поле брани,
Но что поделаешь—война
И до сих пор кого-то ранит.

Осень

В роще стало глуше и светлей.
Отгорели пламенем верхушки.
Только ворох тлеющих углей
Разметает ветер на опушке.

Чуть дымится в озере вода.
Запах прели, стынущий и кислый.
На высоковольтных проводах
Ключья туч, как простыни, повисли.

В сером небе—клики журавлей.
Голоса тоскливы и натужны.
И как будто иней на крыле
От настигшей их в дороге стужи.

Каждый год, как в замкнутом кругу,
Повторяет жизнь одно и то же.
Отчего ж привыкнуть не могу?
Отчего печаль меня тревожит?

Я ведь знаю, будущей весной
В том кругу начнется все сначала.
Только мне не вспыхнуть новизной,
Песнь моей весны уж отзвучала...

✱
Зачем итожить жизнь заранее?
Итог потомки подведут.
А нам самим, при всем старании,
Он не по силам, этот труд.

Уж сколько раз нам прежде виделось,
Как, воспевая жизнь свою,
Мираж мечтаний за действительность
Чистосердечно выдают.

Иной спешит свои деяния
Провозгласить на целый свет.
Но поглядишь на расстояния—
А где они? Пропал и след.

При жизни в почестях купается
И носит нимб над головой.
Но одуванчик осыпается,
Чуть дунет ветер низовой.

А кто-то, канувший в безвременье,
Кому закрыть старались рот,
Приходит к нам из тьмы забвения
И наши души в плен берет.

И дань признания огромного
Находит именно его...
Недаром встарь суда загробного
Боялись более всего.

✱
Придержи горячего мустанга,
Оглянись, какая благодать!
До того ль глухого полустанка
Не зазорно к сроку опоздать.

На заре проснутся в рощах птицы,
Зазвенят в рассветной тихой мгле.
Не спеши с мечтами распростишься,
Погуляй подольше по земле.

Ничего, что ты устал. Надейся!
Слушай радость—птичьего голоса.
Ты ж еще глядел—не нагляделся
В глубь небес и в синие глаза.

Вон родник чуть слышно бьет в подгорье.
Он с весной умеет молодеть.
Отразись в его прозрачном взоре,
Припади к его живой воде.

Обними любовным долгим взглядом
Эту землю, где ты рос и жил.
Поклонись всему, что видишь рядом,
Дальним далям шапкой помаша.

И цветы и травы понемногу
Станут меркнуть на закате дня.
Вот тогда пускайся в путь-дорогу,
Не держи горячего коня.

Пусть он вскинет резвые копыта
И поспорит с ветрами в полях.
А на взгорке, дымкою повитом,
Заклубится пылью старый шлях...

Учительница

Он не был в школе много-много лет.
Зашел случайно—так, взглянуть с порога.
И тут ему пришлось держать ответ
Перед своей учительницей строгой.

Чем занят он, кем стал и как живет.
В своих дерзанных далеко ль ушел он.
Достиг ли всех намеченных высот,
И помогла ли в том родная школа.

Нелегкую задачку задала...
Перед ее пристрастными глазами
Отчитывался он в своих делах,
Как будто вновь и вновь держал экзамен.

Его вела таежная тропа
В краю суровом и неповторимом.
И школьной географии строка
Вдруг оживала явственно и зримо.

Он ночевал в палатке у костра.
Шагал по горным кручам, оскользаясь.
А у нее, хотя уже стара,
Растроганной слезой светилась зависть.

Ну что же, ей отстать немудрено.
Уходят в мир большой ее ребята.
А ей, наверно, так уж суждено
Из года в год сидеть в шестом, в девятом.

Но пробуждают дебри ото сна
Ее ребята первыми из первых.
И с ними вместе шестует она
Частицею своей души и нервов.

Бесперспективная деревня

Сидят старушки под окном
И судят, рядят об одном...

Им надо все заране взвесить.
Как жизнь пойдет на их земле.
И что тут станет через десять,
Через пятнадцать, двадцать лет.

И нет у них иного мнения,
И спору нет на этот счет:
Придет деревня в запустенье,
Глухой крапивою зарастет.

Одни куда-нибудь уедут,
Кто сердцем к месту не прирос.
Других снесут к отцам и дедам
(Кому нести-то? Вот вопрос!)

А чтоб земля не пустовала—
От пепелищ какой же прок?—
Придет бульдозер, самосвалы,
Сровняют каждый бугорок.

И кто найдет потом приметью,
Где жили в радости, в беде?
Земля, что издавна пригрета,
Осиротеет без людей.

Но вот поодаль, в переулке,
В бревно врубается топор
И отдается эхом гулким,
Речам старух наперекор.

Они смолкают, сбиты с толку,
И вот уж новый разговор:
Должно быть, жить собрался долго
К селу прибившийся шофер.

Откуда взялся—неизвестно,
Не понадеясь на невест
(И то—какие тут невесты?),
Свою привез из дальних мест.

В селе прибавилась доярка,
А сам—машину взял себе.
Хоть молодой, а держит марку,
Не хочет жить в чужой избе.

И вот уж сруб встает под крышу,
И вот уж ползает у ног
Недавно этот мир открывший
Помощник будущий—сын.

И, может, жизнь от их порога
Займется вновь повеселей?
Лишь только сменится порода—
Тут пришлых не было в селе.

Эх, лошади!..

Эх, лошади!..
Ни топота копыт,
Ни ржания—как трубный глас победы.
И санный полоз больше не скрипит
По унавоженному следу.

Увы, не стало резвых табунов.
В совхозе лошадей—четыре штуки.
На них дивятся, будто на слонов,
Вчерашних коноводов внуки.

Ну что тут скажешь?
Век стальных коней!
По сотне лошадиных сил моторы.
И все ж за лошадей обидно мне,
Что их списали мы так скоро.

Из тьмы веков, смиренная уздой,
Пришла к нам эта тягловая сила
И всю страну, со всей ее нуждой,
Веками к свету вывозила.

Причастный к человеческой судьбе,
Был конь в хозяйстве самым первым другом.
Я эту дружбу знаю по себе,
Когда-то сам ходил за плугом.

А ратный подвиг? Кони и в бою
Несли своих наездников в атаку.
Так что ж им нынче места нет в строю?
Везде ли их заменит трактор?

Я не держусь душой за старину.
Я понимаю, в этот век железный,
Преобразивший нищую страну,
С прогрессом спорить бесполезно.

И речь веду я вовсе не о том.
Живой душе близки чужие раны!
Я видел, как размахистым кнутом
На бойню гнали ветеранов...

Деревня утонула без дорог.
Бывало, не пройти и не проехать.
И люди пробирались, кто как мог,
И грязь для них всю жизнь была помехой.

Теперь дорога гладкая—катись!
Отрадная для жителя картина.
Он мог бы вдоль по улице пройтись,
Не замарав своих полуботинок.

Он мог бы мотоцикл стогнать в район,
Купит в сельмаге ходкие обновы,
Попить пивка, зайти на стадион
И в тот же день домой вернуться снова.

И был бы он ухватистей в делах,
Ногой почуяв твердую опору.
Но... житель тот уехал из села.
Он ждать не стал и перебрался в город.

Теперь дорога гладкая—катись!
И катятся автобусы с народом.
В селе—без горожан не обойтись,
Без шефства над совхозным огородом.

А местные старушки сей вопрос
Между собой бедово обсуждали:
Опять, похоже, новеньких привез.
Они, поди, и тяпки не видали.

Вернул бы наших молодцев в село,
У них бы дело лучше получилось.
А чуть спустя вздыхали тяжело:
Теперь, поди, и наши разучились.

И старый дед, беззубый рот крестя,
Кивал согласно, будто знал заранее:
Все меньше нынче истинных крестьян,
Стираются различия и грани.

Рисунок Аллы СОЛОВКИНОЙ

Облака

Я лежу на примятой траве.
Облака все плывут и плывут,
Словно мысли в моей голове,
Словно грезы мои наяву.

Так вот сотни и тысячи лет
Проплывают они чередой.
Провожал их глазами мой дед,
Будет внук провожать молодой.

Все растает бесследно во мгле,
Уплывет далеко, далеко.
Так и мы вот пройдем по земле,
Словно легкая тень облаков.

Растворимся, шагнув за межу,
Позабросив земные дела...
Отчего ж я спокойно лежу,
Не срываюсь куда-то стремглав?

Я смотрю зачарованно ввысь,
Я спокоен, как этот вот день.
И случайную грустную мысль
Отгоняет дремотная лень.

А иначе не может и быть.
Может, в том-то и счастья залог:
Знать и все же до срока забыть,
Что уход наш не так уж далек.

— Здравствуй, столбик межевой!
Как я рад, что ты живой.—
Воротившись издалеча
На глухой лесной кордон,
Я по-дружески при встрече
Протянул к нему ладонь.
С темным номером из жести,
С почерневшей головой
Он стоит на том же месте,
Как бессменный часовой.
И в лихую непогоду,
И зимой в снегу по грудь
Заплутавшим пешеходам
Помогает сверить путь.
Он и выюгами завьюжен,
Он и зноем обожжен...
Раз поставлен, значит, нужен—
Вот и весь его резон.

Мы привыкли к ветрам странствий,
Нас манит за далью даль...
Вдруг чего-то стало жаль:
Может, счастье—в постоянстве?

Щедрость

Мы, конечно, верим в братство,
Верим в дружбу всех народов.
Ну, а если кровный брат свой
Нам не пишет по три года?

Если друг ко дню рожденья
Позвонить не захотел нам,—
Нет ли в этом расхожденья
Между лозунгом и делом?

Мы встречаемся на свадьбах
Или в дни большой печали.
Нас иначе не созвать бы,
Но уж если повстречались,

Начинаем охать, ахать,
Слыша стоны всей планеты.
Хоть последнюю рубаху
Скинем в пользу неодетых.

Через даль морей готовы
Протянуть на дружбу руки.
А разведемся—и снова
Забываем друг о друге.

И опять, до встреч печальных,—
Ни открытки, ни записки...
Нам, при щедрости глобальной,
Быть бы чуть щедрее к близким!

Благословляю зрелые лета
И не страшусь, что сам уже старею.
Возможно, зоркость глаз уже не та,
Но чуткость сердца с каждым днем острее.

С ума не сводит птичий перезвон,
Не застигает взора поволока.
Осенним днем яснее горизонт—
И смотрится и видится далеко.

Пускай до горизонта не дойти
И не догнать нам радужных видений,
Мы обозначим вехи на пути,
Ориентир для новых поколений.

А если явь развеет миражи
И не оставит тех наметок зыбких.
Потомкам службу можем сослужить
Хотя б ценою искренней ошибки.

У мальчишки сломалась игрушка.
Безутешные слезы горьки.
И, врачю мальчишечью душу,
Мать сказала: не плачь, пустыки.
Завтра купим другую, получше.

Завтра купим... Ну что за вопрос!
Пусть утешится маленький мальчик.
Пусть приснится ему Дед Мороз
С новогодним подарком.
А дальше?

Дальше будет утешить трудней.
Жизнь подхватит его и закружит.
Он в расцвете безоблачных дней
Вдруг извернется в девичьей дружбе.

А потом полетит все подряд,
Вырастая из детской одежды,
Будет он то и дело терять
И друзей, и мечты, и надежды.

Такова наша грешная жизнь,
Любит людям показывать кулики.
Хочешь, ссорься с ней, хочешь, дружись,
Но взамен дубликатов не купишь.

Только что до того малышу?
Он уймется—

до новой утраты.
Я, вздохнув, на него погляжу,
Но сказать ничего не скажу—
Пусть подольше не ведает правды.

Сколько ни живи, а нам все мало...

Вот уже полвека миновало.
Не могу осмыслить до конца:
Скоро, за ближайшим перевалом,
Стану старше своего отца.

По моим тогдашним давним меркам
Он ушел весьма солидных лет.
И с тех пор за давностью не меркнет
Для меня его авторитет.

Он, матрос кронштадтского закала,
Очевидец тех великих дней,
Был душою прям в большом и малом
И хотел того же от людей.

Если жизнь меня швыряет круто
Или сам чего-то не пойму,
Я иду за словом не к кому-то—
Обращаюсь мысленно к нему.

Но теперь, за близким перевалом,
У подножья новой крутизны
Вроде как бы даже не пристало
Брать у младших мудрости взаймы...

И еще тревожит мысль при этом:
Заглянувши вечности в лицо,
Я смогу ли быть авторитетом
Для моих всезнающих юнцов?

Каждый год в День Победы Парк культуры имени Горького в Москве встречает фронтовиков. Не удивить его в этот день ни слезами, ни радостью, ни орденами. Однако мимо этого человека никто не может пройти, не остановившись. Потому что на плакате, который держит этот человек в руке, аккуратно выведены всего три слова: «Ищу детей Освенцима». Чуть ниже номер барака—46, его, узника страшного концлагеря, порядковый номер—81425 и фотография.

Я с трудом пробился к нему сквозь окружающую его толпу. Люди с сединами и морщинами, ходившие под пулями и снарядами, сами израненные и калеки, жмут ему руку—молча, взволнованно. Несколько кинокамер внимательно следят за драматизмом момента. То и дело кто-нибудь негромко задает человеку вопрос: «Что там было, в концлагере?»

Он отвечает, голос его дрожит. Он стоит здесь уже больше шести часов. Стоит без еды—только иногда выпивает стакан кофе из термоса, протянутый женой. Стоит, курит трубку и рассказывает. Высокий смуглый мужчина в черном берет.

Я искал встречи с этим человеком. И судьба сама будто помогала мне, сталкивая меня с людьми, знавшими его близко, с историями и фактами из его жизни.

Первое упоминание о Викторе Григорьевиче Марченко появилось в центральной печати два года назад. Тогда и пошли в Киров, где он живет сейчас, письма с таким адресом: «Город Киров, художнику Марченко». Со всех концов страны письма, от самых разных людей, но больше всего—от школьников.

Я договорился со своим земляком о встрече именно тогда, 9 мая, в Парке имени Горького в Москве. Но

первые дни войны. Виктор с матерью, рассказывает он, оставались в блокированном Ленинграде. Мать работала хирургом в госпитале. Днем и ночью шли операции, и Витя жил прямо в сестринской комнате, где хранилось белье и халаты. Один халат выдали ему: закатали рукава, подшили его снизу, и ходил он по больнице, как маленький доктор.

Мать неожиданно заболела, у нее начали пухнуть суставы на пальцах, оперировать она больше не могла, и ее с сыном решили отправить на Большую землю.

Именно с «Дороги жизни», с той неширокой полосы на льду Ладожского озера началась для него с матерью другая дорога: дорога неисчислимых страданий, дорога, которая много раз проходила всего лишь в двух шагах от смерти...

Машину с эвакуированными, в которой ехали и он с матерью, захватили немцы. Раненых расстреляли, а женщин и их детей погнали пешком на запад. В какой-то деревне простояли трое суток. Мать, как выяснилось потом, хотели оставить работать в немецком госпитале, но она отказалась. И снова путь.

Во время одной из остановок больная женщина-еврейка попросила мать взять ее сына, ровесника Вити. Ту женщину вскоре расстреляли. Так у матери к моменту, когда привезли их в Освенцим, оказалось на руках двое приемных сыновей. Виктор помнит, как фашисты, толкая ее в грудь стволом автомата, смеялись: «Интернационале муттер» — «Интернациональная мать» потому, что мальчика пришлось выдать за чеха.

Всех троих поместили в разные бараки, и больше он с матерью не виделся да самого освобождения, а с мальчиком этим никогда.

В Освенциме, продолжает рассказ Марченко, он находился два года. Слово это, кажется, не требует расшифровки. И все же напомним читателю, что несколько блоков в этом концлагере было выделено для детей: в одних над ними проводились медицин-

крылся как раз на той странице, где было напечатано одно из стихотворений, которое Марченко выдавал за свое.

Учительницу словно током ударило. Ребятам она тогда решила ничего не говорить, но объяснила, что писать больше писать не нужно. Потому что человек Марченко занятый и незачем его отвлекать.

Факт неприятный, несомненно. Но, наверное, не было бы так трудно учительнице—а она никак о нем забыть не могла,—если бы не Освенцим, если бы не история его жизни, такая, что кричать хотелось, что ночами от нее не спалось. Видно, так уж устроены мы, что живет в нас вера, хорошая вера в то, что тот, кто прошел войну, названную в песне священной, должен и сам быть свят.

Эта мысль и мне не давала покоя. После заочного знакомства с Марченко по его письмам я все откладывал с ним встречу. Иногда ругал про себя, грешным делом, книжку, что открылась на той странице, обстоятельство, которые свели меня с учительницей и ее классом. Ибо рушился тот аккорд, который создавал я уже давно, бережно, звук к звуку. Рушился от одной фальшивой ноты.

Только, видно, решила судьба испытать до конца мое терпение и столкнула с еще одним фактом из его биографии. Узнал я от совершенно посторонних людей, что Марченко был судим за изготовление фальшивых денег.

Но и тогда мне все казалось, что не к чему ворошить старое. Поэтому только лишь ради того, чтобы быть во всех деталях его жизни до мелочей точным, обратился я к двухтомному делу Марченко, что хранится в областном суде.

Я листал это дело быстро, надеясь где-нибудь в конце найти страницу, которая поведаст: случайно впутывался он во все происходившее с ним истории.

Но не было в деле такой страницы. Зато была другая, на которой в тексте последнего приговора машинка категорично отстучала три слова: «особо опасный рецидивист».

Суд чести

ЖОШУ

случилось так, что еще до нашей личной встречи я узнал о непростой судьбе Марченко, находясь в командировке в одном из районов Кировской области. Ученики десятого класса Котельнической школы когда-то переписывались с Марченко, и многочисленные письма от него занимают в школьном музее самое почетное место—ребята знают их чуть ли не наизусть. Действительно, эти письма не могут не взволновать, не могут не тронуть. В них вся его история. Вот эта история, рассказанная отчасти в письмах, а отчасти услышанная мною позднее от самого Марченко, когда мы познакомились с ним ближе.

Его настоящее имя —Витторио Хуан де Варгас. Впрочем, этим именем его никто и никогда не называл. Он родился в 1935 году в Испании, в маленьком городке в провинции Валенсия. Родители мальчика погибли во время гражданской войны, и он в числе других детей коммунистов семимесячным ребенком был привезен в Советский Союз и определен в Одесский дом младенца. Позже его перевели в Кировскую область, в город Котельнич, в детский дом.

Говорят, самые ранние воспоминания, которые остаются у человека в памяти на всю жизнь, относятся, как правило, к трем годам. Он как будто и вправду помнит, как в 1938 году приехала в детский дом молодая пара. Статный усатый мужчина и его светленькая веселая жена. Пожили немножко, попригляделись и выбрали себе сына. Так он обрел родителей, и их дом стал его домом, а их фамилия—его фамилией. Фамилия была Марченко, а дом находился в Ленинграде. Отец в то время служил на флоте, мать работала врачом.

То ли по стопам отца, то ли потому, что сам он, испанец Витторио, родился на берегу моря, Марченко подался в моряки. Окончил мореходное училище в Ленинграде.

В море много дорог. И одна из них спустя двадцать с лишним лет привела-таки его в провинцию Валенсия. По паспорту он значился испанцем, и его отпустили на родину. Там, в маленьком портовом городке, старый священник показал Витторио дом, в котором он родился. Посмотрел он на этот домик у скал, прислушался к своему сердцу, а сердце молчало. Не признавало оно той родины, а значит, стала ему родной другая страна. Та страна, где он вырос и стал человеком. И он вернулся в СССР.

Было все это после войны. Мы же обратимся сейчас снова к детским годам нашего героя.

1941 год. Отец, командир подводной лодки, погиб в

ские эксперименты, в других брали только кровь. Именно в таком блоке и оказался Марченко.

Ему было тогда семь лет, столько же, сколько и остальным мальчикам и девочкам—его соседям по блоку. Всех их фашисты использовали в качестве доноров для прямого переливания крови. Кормили в том блоке лучше, чем в других, и все равно каждый день многие из них тихо умирали—умирали оттого, что кровь их потребовалась во время операции вся, до последней капли. До него очередь стать донором так и не дошла—советские солдаты освободили узников Освенцима.

Когда я знакомился с его бережно хранимыми в школьном музее письмами, мне показалось, что переписка ребят с Марченко обрывалась на полуслове. В последнем письме он называл две книги, над которыми сейчас работает, и посылал два своих стихотворения. Стихи ребятам понравились, и они попросили новые.

Я читал эти письма и стихи Марченко и все более утверждался в желании написать о нем очерк. Мысли, образы, слова находились как будто сами собой. Действительно, ведь не часто случается испытать такое чувство, когда садишься и пишешь, лишь страницы успевай переворачивать.

Что приводит его вот уже несколько лет подряд в Парк Горького? Фронтовики там встречаются со своими боевыми друзьями. Он пока не нашел никого из детей Освенцима, да если и найдет, разве узнают они друг друга, пусть даже в одном блоке были, разве смогут вспомнить все то, что увидели в семилетнем возрасте...

Нет, в другом тут дело. Встреча фронтовиков в День Победы—это своего рода демонстрация. Только без лозунгов и транспарантов. С одними табличками: такой-то батальон такого-то пехотного полка или такая-то танковая дивизия. Но лозунг все же есть, хоть он и не выписан буквами на листе бумаги. Он в самих этих людях, съезжающихся в Москву из разных концов страны, в их боевых орденах и седилах, в том, что с каждым годом их остается все меньше и меньше. Лозунг этот: пусть не будет больше войн! А раз уж они пережили эту самую страшную из войн, то их страдания принадлежат не только им, они должны стать памятью человечества, совестью человечества, уроком человечеству.

Вот из таких примерно мыслей рождался очерк. Только рассказала мне учительница той школы, как однажды она, разбирая дома свои книжки, уронила на пол сборник стихов известной поэтессы, и он рас-

Вот тогда я и вернулся к первой странице судебного дела. Неизвестно, откуда тянулись его грехи. Известно только, что первая за них расплата Виктора Марченко, двадцатидвухлетнего человека без документов и прописки, застала в городе Ростове-на-Дону. Там он, как гласит копия приговора, «совершил два разбойных нападения с целью овладения имуществом». Там он и был осужден за грабеж и приговорен к 15 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Из документов этого дела мне хотелось бы процитировать одно заявление Марченко, с которым он в своем последнем слове обратился тогда к суду: «Марченко просит учесть, что перенес тяжелое детство, остался сиротой, воспитывался в детдоме, а теперь осознал свою ошибку». Важно для нас заявление. Потому что с тех пор Марченко нигде и никогда не осознал своих ошибок. Ни на словах, ни тем более на деле.

А ошибок этих было более чем достаточно. В 1962 году в местах лишения свободы, где Марченко отбывал наказание, появились фальшивые деньги. Замечу, кстати, что в колонии он работал художником (специального образования не имел; но с детства любил рисовать), и деньги эти—дело его рук.

Тогда, в первый раз, состава преступления в его занятии не обнаружили. Слишком уж мало те деньги походили на настоящие. И заключил прокурор из этого, что имеет место элементарное мошенничество.

Но Марченко тем временем совершенствовался, и следующую партию денег—десяти-, пяти- и трехрублевые билеты—уже можно было принять за настоящие. Особенно, если всучить их в темноте. Или кому-нибудь изрядно выпившему, как и было, видно, им задумано.

На допросах Марченко говорил, что хотел с помощью этих денег наказать спекулянтов. И еще—хотел перейти в другую колонию, потому что здесь появилось много врагов, а много пути, как судимость, не видел. Этакий страдалец и даже немножко борец за справедливость: мол, наказать спекулянтов—благородная задача.

Но документы судебного дела говорят о другом. Вот записка самого Марченко, отправленная им товарищу, по тону которой можно судить, насколько осознанными были все его действия:

«Саня, дружок, привет! Еду сейчас в Центральный по делу с деньгами. Вновь. Не знаю, как обернется дело, возможно, опять затрется, а может, поплыву как «золотой». Не любит закон, когда замешана

фальшь в монете. В общем, я напишу тебе позже подробнее. С приветом, Витек».

Знал он все-таки, на что идет. И закон знал. Достаточно хорошо, чтобы, поняв, что не сойдут ему с рук фальшивые деньги, стал ходатайствовать о проведении судебно-психиатрической экспертизы. Основание придумал серьезное: маниакальные явления, навязчивое желание умереть, многочисленные травмы и перелом позвоночника. Отклонили тогда это ходатайство, потому что логически продуманными были и все показания подсудимого, и защита его от предъявленного ему обвинения, и слишком искусно найдены были им самим причины для экспертизы. Так что нечего было сказать защитнику на суде, и потому получилось выступление его сдержанным и немногословным.

Стоп! А почему же Марченко не вспомнил тогда, на процессе, Освенцим, не рассказал о нем ни своему защитнику, ни судьям, если уж всяческими путями хотел уйти от наказания? Остановил меня этот вопрос. И подумал я тогда, что, видимо, осталось все же что-то святое у этого человека. И этим святым было его горькое военное детство, его страдания, которые он не мог вспоминать и дергать по пустякам. Не мог рассказать обо всем на суде, потому что все то, пережитое в концлагере, словно обвязывало его ко многому. Он же был сейчас пережитого—увя!—не достоин.

Нет, потом, когда выйдет на свободу, он скажет об этом. Скажет во весь голос. Скажет потому, что не одному ему принадлежат страдания.

О них скажет, а о своих судимостях умолчит. Как сейчас умолчал об Освенциме. Потому что несовместимы эти две части его жизни. И что делать, если так переплелись они, перепутались...

Вот только выйти на свободу он, кажется, не спешил. Полтора года спустя получил он новый срок наказания в ИТК особого режима и был признан особо опасным рецидивистом. И вот снова вооружается карандашами и рисует денежные купюры.

родился и не жил никогда, был послан запрос в Запорожскую область.

Копия ответа исполкома Ореховского райсовета народных депутатов гласила: «Марченко Григорий Константинович и Марченко Виктор Григорьевич действительно уроженцы Ореховского района».

Когда Марченко были предъявлены эти доказательства о его месте рождения, он признал: «Да, я родился в Запорожской области, где и жил с родителями до 1944 года».

Снова и снова перелистываю невеселые страницы двухтомного дела. И не верю, не хочу верить своим глазам. Вспоминаю 9 мая, кинокамеры и микрофоны, фотографию изможденного семилетнего узника...

Так неужели же не было Освенцима?! Неужели не было ни Испании, ни детского дома, ни блокадного Ленинграда? Такое вот страшное подозрение рождал эти страницы.

Тщательная проверка установила доподлинно, что ни Виктор Марченко, ни его мать никогда в Освенциме не были.

Как фальшивы были сделанные им деньги, как фальшива оказалась вся его биография с провинцией Валенсия и погибшими родителями—испанскими коммунистами, так и страдания и лишения, перенесенные якобы им в концлагере, оказались фальшивыми.

Больше я не откладывал встречи с ним.

Виктор Григорьевич Марченко вежливо пригласил меня в свою комнату. Он любит журналистов. В Москве он охотно улыбался перед объективами фотоаппаратов и кинокамер. Хотя, что я говорю, не улыбался, конечно же, а грустил. Две студии, по его словам—Одесская и Свердловская,—решили включить его рассказ о военном детстве и эпизоды, снятые в московском Парке имени Горького, в свои документальные фильмы. И он пошел им навстречу, специально приехал в Одессу на время, что оставалось у него от отпуска.

действию» и из других книг, что стоят у него в комнате на полке. Это из них брал он информацию для своей искусно выстроенной легенды. Да, мы знаем, помним: Освенцим был, и, наверное, номер этот, 81425, тоже был у какого-нибудь семилетнего узника, сожженного в лагерной печи. Вы, Марченко, украли этот номер, вы присвоили себе его страдания и продаете их теперь по частям—в письмах, в выступлениях, в интервью журналистам. Плата за них—внимание и уважение, которых настоящей своей жизнью вы добиться не смогли. Ваше имя знают сотни людей, и настолько дорога вам слава «того самого Марченко», что на пути к ней вы потеряли самое главное—человеческую совесть.

Вы рассказывали мне, как, простояв шесть часов в Парке имени Горького, пошли в кафе вместе с фронтовиками. Они, танкисты, были в числе тех наших славных воинов, которые освобождали Освенцим. Вы вместе с ними поднимали тосты друг за друга и поклялись впредь в День Победы стоять рядом с ними. Это в то время, когда вы недостойны даже подходить близко к этим людям. А сколько настоящих героев жали вам руку, а кто-то и обнимал вас, преклоняясь перед страданиями, которых вы вовсе не испытали...

И все же, думал я, когда вся подлинная жизнь Марченко была мне уже известна, может быть, произошла какая-то нелепая ошибка? Могли ведь ошибиться и документы, пускай даже скрепленные печатями и подписями. Честно говоря, я уцепился за эту мысль, и, кажется, скажи мне тогда Марченко, что был он все-таки там, в Освенциме, и отодвинь он в сторону все предъявленные ему обвинения, я поверил бы ему с готовностью. Ибо всегда горько и больно встречаться с низостью и подлостью человеческой и еще больнее осознавать, что и им порою нет границ.

Но когда мы встретились на другой день для окончательного разговора, он не пытался что-нибудь опровергать или отрицать. Нет, с тем же цинизмом, с которым писал когда-то на изготовленных им деньгах:

ДЕШЕВЫЕ

Странно? По меньшей мере.

И еще непостижимая уму деталь. Все изготовленные им двадцатипятирублевые купюры имеют одинаковые серию и номер и разные—нигде не повторился Марченко—надписи.

Вместо слов: «Банковские билеты обеспечиваются золотом, драгоценными металлами и прочими активами Государственного банка»,—на его денежных знаках были обнаружены следующие:

«Банковские билеты обеспечиваются металлами и прочей штуковиной».

«Банковские билеты оцениваются количеством затраченной энергии».

«Банковский билет обеспечит смех одним и слезы другим».

«Банковский билет фальшивый»... и так далее.

Не случайно процитировал я эти сделанные им на фальшивых купюрах надписи. Не для того, чтобы зубоскалить над ними. Не для того, чтобы усмехнуться...

Побоюсь назвать деньги чем-то святым, но уж никак не побоюсь требующими к себе уважения. И потому отдают эти надписи отнюдь не чувством юмора Марченко, а самым настоящим его цинизмом. Мол, работайте, люди, наживайте мозоли, моя же энергия уйдет на то лишь, чтобы карандаш в руках держать. Копирка, час старания—и готово. «Смех одним и слезы другим»... Смех ему, Марченко, а слезы тем, кому эти деньги достанутся.

Так постепенно, по фактам, отдельным деталям и штрихам вырисовывался истинный портрет Марченко.

По-прежнему многое в его биографии оставалось непонятным. До четвертого процесса родиной Марченко называлось село Ново-Солошино, Ореховского района, Запорожской области. А вот на последнем суде в показаниях его всплыла все-таки страна солнца—Испания:

«Уточняю. Я родился в провинции Валенсия, в Испании. В семимесячном возрасте летом 1936 года я был привезен в СССР на пароходе «Чичерин» с группой испанских детей и позже был усыновлен Григорием Константиновичем Марченко. С этого времени я жил с семьей в Ленинграде, где рос, учился и работал. Ранее, на следствии и суде, я назвал местом рождения Запорожскую область, так как не хотел возбуждать никаких вопросов, а по делу это значения не имело».

Следствие приняло к сведению это заявление, и, чтобы проверить, что Марченко действительно там не

А свердловский фильм должен, кажется, называться «Война и дети». Напрягает память: «Да, именно так».

Встречает он меня в рубашке с закатанными рукавами. Выше запястья, на левой руке—татуировка, лагерный номер: 81425. И хочется—еле сдерживаюсь—спросить: кто, когда и в каком бараке исправительно-трудовой колонии особого режима сделал вам, Марченко, эту наколку? Но не спрашиваю, а выслушиваю снова его историю, так хорошо уже мне знакомую, стараясь не пропустить ни одной детали.

А на детали Марченко не скупится. Он рассказывает, как в Освенциме брали у детей кровь, и показывает мне шрамы на обеих руках. И снова хочется остановить его, потому что в моем блокноте—вот тут, буквально в двух строчках от мнимой его биографии, полной подвогов и страданий,—слова из характеристики, данной ему в колонии: «...объявлял голодовку, участвовал в групповом избиении заключенного, вскрывал себе вены в локтевом суставе».

И поэтому я не останавливаю его. Больше деталей, Марченко, пусть завтра, когда я раскрою перед вами страницы записной книжки и все документы из ваших судебных дел, пусть обернутся они, эти детали, против вас.

В своей украденной биографии вы похоронили родного отца на несколько лет раньше его действительной смерти. Да, вы заставили его погибнуть в первые годы войны. А он был жив. Воевал, а потом, когда война кончилась, работал председателем Ореховского горсовета. К сожалению, дальнейшая его судьба мне неизвестна, но я уверен, что жизнь его в отличие от вашей не нуждается в исправлениях и не нужны ему несуществующие подвиги и биография, та, другая, которой не было.

Вы заставили свою мать мучиться в концлагере. Оттуда, где в действительности она, как известно, не была, она вернулась, по вашим словам, полутрупом, без ресниц и бровей, почти без волос и кое-как доживала свою жизнь в больницах, на лекарствах и уколах.

На самом же деле ваша мать умерла в Донецке в 1963 году, быть может, и оттого, что сын ее с двадцати лет не выходит из заключения.

Проблема деталей, Марченко. Чем больше вспоминаете вы их, тем омерзительней выглядят все ваши сказки.

Он действительно много знает про Освенцим, тот, который был на самом деле. Знает из книги «СС в

«Банковский билет фальшивый»,—он, глядя мне прямо в глаза, без тени смущения сказал:

— Да, Освенцим фальшивый.

Мне показалось в тот момент, что вот сейчас что-то должно случиться: день превратится в ночь или земля закачается под ногами. Но день оставался днем, а земля была так же тверда, как и раньше. Много повидала она: уживаются на ней рядом подлость и благородство, мужество и трусость. А она, земля, все незыблема, потому что таких, как Марченко, на ней единицы, а героев—тысячи. И один человек, пусть даже самый подлый, никогда не сможет бросить тень на армию настоящих героев.

Еще поразило меня спокойствие Марченко. Гораздо позднее, уже расставшись с ним, нашел я объяснение этому спокойствию—его и невозмутимости. Объяснение заключается в том, что если и научила его, наконец, чему-то жизнь, то это знанию Уголовного кодекса. Нет в нем, к сожалению, статьи, по которой Марченко можно было бы снова осудить за его поступки. Потому что нет в них, согласно кодексу, даже корысти: ведь и в Москву он ездил за свой счет и квартиры за якобы пережитое им на войне не добивался. Одно только неведомо ему, что есть другой кодекс и другой суд—суд людской совести и чести. И коли уж судить Марченко этим судом, то преступление его носит чрезвычайный характер. Ибо в сравнении со спекуляцией человеческой памятью, памятью многочисленных жертв фашизма, к тому же детей, меркнут даже такие преступления, как бандитизм и изготовление фальшивых купюр.

Во имя чего же он все это придумал? Когда я задал ему этот вопрос, он поведал хорошо знакомую и слышанную уже не однажды «философию снежного кома», философию людей, оправдывающих его свою слабость и бесконечные свои ошибки.

Жизнь его действительно подобна снежному кому. Катится ком с горы, наматывает на себя все больше снега, и не остановить его и не раскрутить обратно. Однажды он, желая скрыть свое прошлое, сказал, что был в Освенциме. Потом нужно было назвать годы и номер барака. Вслед за этим стали появляться подробности, начались выступления, возникла переписка со школьниками, и не мог он больше отказаться от своих слов. И, самое главное, не хотел.

Шло время, и настолько большим и прочным становился этот ком, что не было уже рядом с Марченко людей (с тех пор, как он освободился и работает художником-оформителем), которые бы знали его истинную биографию от начала до конца. Даже среди

самых близких людей, даже в его новой семье. Верили все, да и сам он, кажется, уже тоже верил в свою выдумку. Потому и не понял он, что вовсе не безобидна его ложь, а, наоборот, отвратительна. Да, наверное, уже и не поймет. Ведь он не только не считает себя неправым, но и пытается внушить себе и мне внушить пытался, что делает нужное дело: кто, мол, как не он, расскажет людям об ужасах Освенцима?

Что ж, отвечу. Тот, кто был там. И даже тот, кто не был. Но никак не от первого лица и никак не ожидая за свой рассказ рукоплесканий, славы, цветов.

Перед нашей заключительной беседой я был свидетелем его последнего (именно последнего, как он сказал) выступления перед школьниками.

Его пригласили на торжественную линейку в школу и посадили в президиум. Рядом с заслуженными людьми — рабочими, ветеранами комсомола, старыми учителями. Как всегда, он немного выпил перед этим для храбрости. Его очень деликатно попросили объяснить, и он объяснил — без тени смущения, потому что нет слов, способных его смутить, — что пьет сильные лекарства: ведь пережил такое... Тут директор школы и завуч поняли свою ошибку и вежливо перед ним извинились. Когда ему предоставили слово, он говорил очень вдохновенно, с трудом сдерживал слезы, и слушали его ребята, открыв рты, и не было в зале других звуков, кроме его голоса. Говорил он об Испании, о блокаде, Освенциме, мореходном училище...

Потом он еще читал стихи. На сей раз, мне кажется, действительно свои. Мне запомнились тогда такие строчки из одного стихотворения:

*И от лица всех сожженных когда-то
Верю вам, парни и девочки, верю...*

Я желаю ему самого худшего. Желаю, чтобы приснился ему когда-нибудь один из этих сожженных — тот семилетний узник Освенцима, чей номер он выколдовал на своей руке.

После выступления ему, как всегда, подарили цветы. Это были красные гвоздики. И он, привыкший уже к цветам, которые всегда относил своей жене, и сейчас не забыл, не оставил их случайно на столе. Эти цветы до сих пор не дают мне покоя. Потому что перед глазами стоят все время другие гвоздики.

Те, что лежат на могилах настоящих узников концлагерей.

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Читать такое тяжело. И сознавать, что топчет где-то землю существо, к которому не приложимо имя «человек», тоже тяжело.

На какой-то миг точно слепнешь: в негодовании, захлестнувшим сердце, меркнет все окрест. Слава богу, на миг. Пигмеею солнца не закрыты...

Все становится по своим местам. Обретает истинные свои размеры. Подлость на планете не изжита. Равно как и ее сестра — трусость. Но что они, подлость и трусость, рядом с человеческим величием! Благородством и мужеством!

Миллионы их — героев. Известных всему миру и пока безымянных. Вершинных подвиги во имя жизни и добра.

Единицы их — человеческих подвиги. Творивших свои «подвиги» всего-то навсего корысти ради. Никогда бы не знали их имен, да надо!

Надо знать этих марченко — с большой буквы пишущих они лишь по недоразумению, по инерции, — надо! Чтобы не запятели они невзначай имен героев.

Да нет, не запятели. Не дотянутся — куда там. И мы не позволим. Памятью своей, совестью своей, честью своей оградим от них ветеранов Великой Отечественной.

И придем к ним, славоносцам, с низким поклоном. И трепетно будем внимать легендам, созданным их ратным трудом.

Это нынче нарекаем мы легендами то, что тогда, в огненные сороковые, звалось просто военными буднями. Не для красного словца нарекаем — чтобы высветить великие примеры гражданственности, нравственности, патриотизма.

И каждому слову война поверим.

И не ошибемся.

Воины не лгут.

Лжет ворье — марченки, которых единицы. Распознавши, отряхнем себя от них.

Идите, люди, к героям живым, чтобы послушать и крепко — в знак высочайшего признания — пожать руку.

Идите, люди, к героям павшим, чтобы возложить к обелискам — в знак того же высочайшего признания — гвоздики и полевые ромашки.

Идите, люди, к героям, чтобы выполнить перед ними свой долг, чтобы припасть к светлому слову правды, чтобы стать чище в помыслах и делах.

Идите, люди, к героям!

Автобус пьяно качался. Без всякой надобности он так шарахался из стороны в сторону и так подпрыгивал на вспучинах и глубоких трещинах асфальта, незаметных на эдаком бегу кочках и ямах, что для полной схожести с лихим гулякой, которому море по колено, ему оставалось только затянуть удалую. Да, собственно, мотор и тянул во все горло, выжимая из себя остаток силы, но не веря, что ее больше нет.

То ли к вечеру шофер спешил разделаться с очередным загородным рейсом, то ли Виктор Степанович сверх меры набегался по городу, намааялся и теперь едва стоял со своей сумкой, заметно клонящей его вбок. В щели между пассажирами он с трудом достал спинку ближнего сиденья и отчаянно схватился за ее угол. Кто-то тут же надавил, чуть не вывернув локоть в сторону, не предусмотренную малоповоротливой природой, но Виктор Степанович не поддался и спинки не отпустил. Потихоньку все соседи смирились.

А через час людей раскидало по разным сельским остановкам, и в железной коробке автобуса если не опустело, так поредело. Даже окна обнажились. На закате в них зарозовел лес, и контуры березовых листьев потемнели от этого не своего цвета, очень теплого, хоть и короткого, и обрисовались четче, будто приблизились. Виктор Степанович старательно вглядывался в лес, потому что любил его, неисчерпаемо, бездонно ласковый, и потому что ему надо было отвлечься. Локоть ничего, его больше, хоть и нечаянно, не выламывали, задышалось проще, а вот нога — та заняла всю, хоть стой, хоть падай, как шутит дочка. А серьезно говоря, — хоть кричи. Но он молчал, потому что ничего не поправить.

Она мучила с тех далеких-предалеких дней, когда рядом с их минометом вдрут засвистело, грохнуло, и подносчика подкинуло в воздух, высоко. Рассказывали, он полетел, простирая руки крыльями. «Точно птица!» Так леталось во сне. А это было наяву, правда, уже без сознания. Шлепнулся на сырую землю весеннего оврага и, разбрызгивая грязь, веретеном закрутился вниз по склону. Госпитальный врач сказал: приземлился на ровное, отшибло бы все нутро, начиная с сердца, а так, дескать, вышла какая-никакая амортизация. Он еще воевал после и дошел до Бреслау, где во время уличного боя его ранило одной пулей, куда легче, чем первый раз, когда была и контузия, а из ноги долго вынимали осколки чужого снаряда и своих костей. Вторая рана совсем забылась в житейской круговерти, а первая — нет, не оставляла до сих пор, садилась в автобус, ехала, учила терпению до конца. И он учился, терпел.

Лес стал тихо меркнуть, хотя где-то далеко-далеко из-за него еще выстреливали в небо солнечные лучи, но он был такой огромный, что этого света, устремленного только ввысь, на него уже не хватало...

— И дача будет твоя?

— А чья же?

— А невестинго папашу куда? Он ведь еще шустрит.

— Шустрит, пока дает гастрит.

Защипел какой-то угодливый, спонявый хрип вместо смеха.

По давней привычке Виктор Степанович никогда не вслушивался в чужие разговоры, даже если их вели вблизи, а сейчас он еще гадал, что там, за лесом, куда закатилось солнце, уже не первый год живет за городом, а не побывал и не рвался туда, за лес, вдруг что-то заурядное, скучное или ничего, лучше пусть остается тайна, так думалось, и до судороги в глазах болела проклятая нога, но эти негромкие слова вторглись в его сознание. Оттого, видно, что автобус давно вез тишину, к гулу мотора пассажиры привыкли и устало ехали, заняты своими мыслями и книгами, а многие дремали всерьез, увлеченные снами, часто бывающими занятой жизни.

Он перевел взгляд на сиденье, за спинку которого держался. Его уютно занимали молодой человек в куртке из вызывающе блестящей искусственной кожи, в фуражке «Аэрофлота», при отсутствии еще чего-либо летного в наряде, неожиданной на этой голове, щедро осыпанной белыми кудрями, и художественный парень, почти мальчишка, весь в длинных локонах, как у французского пажа давних пор. Мнимый летчик с сиятельной кокардой был неподдельно красив, спокойствие, приправленное иронией, так что непонятно было, может быть, он все время шутит, царило в его глазах, больших и темноватых, он и пажу отвечал с иронией, а тот облизывал губы, будто его кормили чем-то особенно вкусным, снова фыркал от радости, что у него такой друг, который держится с ним на равных, и спрашивал:

— Считаешь, с папашей не придется долго мыкаться?

— Не знаю. Пока он мне даже пригодится.

— Чем?

— Возьмем машину без очереди. Фронтвикам выделяют.

— А у тебя уже вся сумма на старте?

— Он добавит.

— В принципе бывшие фронтвики — не банкиры.

— Дурачок ты, Пузо! — Видно, это была — по контрасту — кличка тощего пажа. — Рассчитываю я лишь на себя. Помогу ему меньше тратить на дачу — кирпич, тес, шифер, она пока дохленькая, а он мне добавит на машину. Любимой дочке, конечно, но в подтексте — кто?

— Значит: «Я прошу руки вашей дочери?» Когда, Фельд?

— Хоть завтра.

— Колоссально! Полдачи можно сдавать, — торопливо подсказал паж, демонстрируя свои способности к соображению.

— Почему пол? Всю. Там есть времянка для себя.

— Дача — источник!

— Непересыхающий.

— А с невестой согласовано? Как она?

— Она у меня...

— В кармане?

— Светка? В двух пальцах... Как комарик!

Виктор Степанович вздрогнул — меньше всего он ждал, что услышит в этом разговоре имя дочери. Сразу и пристальной всмотрелся в собеседников, будто его магнитом потянуло. Под этим взглядом паж костляво поежился и со всех сторон поправил локоны. Его прямые сверху волосы такими смешными, неживыми и рыжеватыми висюльками болтались на висках, ушах, шее, что Виктор Степанович невольно улыбнулся, представив, как парень накручивается на ночь и спит в папилютках, иначе откуда эти кукольные завитушки? На коленях он держал огненную сумку, один бок которой украшала фабричная надпись «Футбол-хоккей», а другой — вышитая белым контуром роза и слово «Любовь», стиснутое в четыре английских буквы, отражавшиеся в окне. Сам вышивал, наверное... «Нет, — подумал Виктор Степанович, — очень уж дешевые для Светы знакомые. Она учительница, хоть и молодая... Как мать и отец... Правда, явно дешевым был Пузо... А «летчик» Федя? Он по-своему, может быть, даже умен. И красив к тому же... Однако скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты. Пузо с его сумкой и локонами от старинного парика — этикетка этой пары, и... мало ли еще Свет в окрестностях!»

Автобус резко затормозил, Виктора Степановича, в задумчивости ослабившего руку, оторвало от спинки сиденья и повалило бы на молодых людей, не успей он со всего маху вцепиться в плечо Феде. Тот повысил голос:

— Эй, дяденька! — и страхнул с себя руку, на которой набрякли вены. — Мало казаться интеллигентным, еще не мешает, между прочим, держаться на своих двоих!

— Извините, — пробормотал Виктор Степанович, жмурясь от боли.

На этом бы и точка, но толстая женщина в ярком плащике, распахнутом вразброс и никогда, вероятно, не сходявшемся на ее выразительном животе, до сих пор дремавшая рядышком на ногах и ухитрившаяся не проснуться даже при жестоком торможении, вдруг открыла глаза.

— Посмотрите на него, — пригласила она и других. — Сидит и учит старого человека, как себя вести, вместо того чтобы уступить ему место!

Федя выдернул книгу, бывшую наготове, как оружие в расстегнутой кобуре, из-под брючного пояса, но прежде чем уткнуться в нее, не сдержался, ответил:

— Старый человек может досыта сидеть дома и в город ездить в любое время, когда в автобусах есть места, а я с утра уже вкальвал на стройке.

И теперь открыл книгу, где попал, энергично и обиженно дунув на страницы. Судя по таблицам и цифрам в тексте, это был какой-то учебник.

— А я считал тебя за летчика, — оглянувшись, присоединился к разговору скусающий богатырь. — Фуражка-то! Значит, чужая?

— Это несбывшаяся мечта, — ехидно прибавила сзади еще одна разговорчивая.

— Правильно, — не поднимая глаз и кивая, откликнулся Федя. — До чего у нас догадливый народ пошел!

— Он вкальвает! Такие навкальвают — дожدهшься! Все ведь ты врешь, наглец, и не моргнешь. Кнута на тебя нет! — как с трибуны провозгласила толстая пассажирка, у которой оказались неожиданные запасы голоса, далеко еще не исчерпанные до дна.

Паж драчливо вскинулся, чтобы защитить друга:

— Он прораб!

А сам Федя взмолился миролюбиво:

— Я здесь никому не родственник, граждане, так что прошу не «тыкать», это неприлично. Вот даже и старый человек может вам подтвердить. Правда?

Виктор Степанович всегда стеснялся привлекать к себе внимание, буркнул: «Правда, правда» — лишь бы отделаться, и согнулся в надежде спрятаться ото всех. Не удалось. Встала кондукторша с облезлой, раздутой сумкой и хрипло гаркнула на весь автобус:

— А ну, молодежь! Уступите место инвалиду Отечественной войны! Живо! Еще несколько голосов неразборчиво зашумело в защиту Виктора Степановича, но были и такие:

— На лбу не написано, у кого права.

— И то! Повесь жетон на лацкан — никакой проблемы!

— Ох, ох! Один без всякого жетона уступит, а другой, глядя на жетон, еще скорей глаза зажмет.

— И крепче, — подхватил кто-то.

Поохавшая женщина ехнула в дамскую сумочку небольшую книжку с колен, щелкнула замком и встала, приглушив на миг всех, потому что поразила спутников своей неброской, отвечающей, но еще пригожей миловидностью.

— Садитесь, — пригласила она певуче, повернувшись к Виктору Степановичу, и тот не успел поблагодарить, как Федя, разглядывая женщину, сказал ей:

— А у инвалидов есть свои места. Законные. Вон, пожалуйста! — И, мотнув головой так, что съехала и покосилась фуражка, а все кудри подпрыгнули, опять прилип глазами к книжной странице. При этом он подтолкнул локтем пажа.

Тот все эти минуты острым перочинным ножиком вырезал из куска фанеры гитару величиной с ладонь, изящную игрушку, которую можно было, наверно, привязать к сумке как брелок. Отрывался только для того, чтобы тонкими пальцами собрать со своих штанов щепочки и сунуть их в щель сиденья. Но после толчка вскинул голову — щеки стали сразу и необычно пунцовыми — и пискнул:

— Там по-русски написано!

На «законных» местах для инвалидов, привалясь плечом к плечу, спали двое, тоже молодые, их откровенно громкое, безмятежное дыхание прослушивалось даже сквозь гул мотора. Похрапывали дуэтом. Встал богатырь, на всякий случай взамен себя кинув на сиденье клетчатую кепку с ломаным козырьком, угрожающе пообещал:

— Счас...

И тут Виктор Степанович перехватил его молящим окликом:

— Не надо! Спасибо вам всем, но... успокойтесь, товарищи! Во-первых, я сейчас схожу, а во-вторых, я вовсе не инвалид.

— Я знаю, где вам сходить, — неодобрительно и ворчливо отозвалась на это кондукторша. — Остановка «Поселок инвалидов ВОВ», тось Великой Отечественной войны... Вожу и вижу.

— Да нет, вы спутали!

— Как хотите, — сказала кондукторша и села, кряхтя.

Рисунок
Геннадия НОВОЖИЛОВА

Оба молодца, и Федя и паж, с видом победителей усталились на Виктора Степановича, а он, унося свою боль, стараясь не хромать, осторожно двинулся вперед и раньше времени вышел из автобуса, чтобы подождать другого.

2

От своей остановки он брел к поселку сосновым бором. Здесь хорошо бывало утрами. Свежее солнце рябит в соснах... Как тем летом, когда он приходил сюда с Аней за грибами... Незаметный ветер шевелил тогда ветвями, и слепящие зайчики перескакивали с места на место по вечной и мягкой хвое, по траве, по ромашкам... Лепестки у ромашек были такие упругие и тугие, что казалось, сразу зазвенят, только задень. Казалось — или Аня велела:

— Посмотри!

Тем летом Аня была еще жива. Сердечная недостаточность, как врачи говорили, не пускала ее далеко, но сюда они добиралась... Раз или два...

Сейчас, в полутьме, Аня снова неслышно шла с ним под теми же соснами. А он, покашливая, делился с ней своей любовью к дочери, своей безмолвной, постоянной, но бесполезной заботой о ней, отчего и эта любовь превращалась в муку, точно лишаясь смысла и цены. Не перенесешь и не откажешься... Никогда.

«Понимаешь,—говорил он,—ей давно пора бы свою жизнь строить, свою судьбу, все свое, а тут я... Мои слабости, мои привычки, мои бессонницы, мои капризы... Короче, она еще со мной, Аня... Как ты обрадовалась бы! Наша Светка готовит все твои блюда, иногда у нее вкуснее получается, чем у тебя, прости. Все время завидовала: «Мама у нас непревзойденный кулинар и кондитер, а я — бездарность! Ничего, кроме личицы...» А теперь! Но при этом всегда читает, как пассажир в автобусе бесконечного следования. Картошку с мясом в жаровню, а сама — читать. Пирог — в духовку, а сама — за книгу. Чайник — на плиту, а сама... И позже, вымыв посуду, сидит с книгой у настольной лампочки — до двух, а иногда даже и трех часов. Я, бывало, как идиот, гордился этим, а сейчас без конца хожу мимо, желаю спокойной ночи, упрашиваю, гоною, а она отмахивается, все куда-то едет в своем автобусе, бедняга... Куда? Наконец, сдается, уходит, но вдоль двери в ее комнату еще долго мерцает светлая прорезь, как беззвучная молния во тьме. Честно говоря, я не знаю, что она там? снова читает или плачет немо, как мышонок? Сам выползаю на кухню, нахожу недокуренную сигарету, а то и две — Света задымила, мать, — сижу, докуриваю... С улицы каждый вечер залетают в нашу кухню песни, нетрезвые, понятно, но и незлые, какие-то детские по настроению, хотя мне кажется, поют их местные кавалеры только для шума, но, может быть, и против одиночества, которого не любят, как дети, кто знает. На них залаивают собаки, кавалеры передразнивают их, и ночь стихает. Я слушаю ее, как только что слушала Света.

Знаешь, страшно, потому что не поправишь, но я, пожалуй, жалею, что она пошла по нашим стопам и тоже — географ. У географа даже нет университетских тетрадей, с которыми таскаются словесники, математики и еще многие прочие. Как они ни кланут свой непремный груз, а это — общение с близкими друзьями, которым готов отдать все, это — молчаливое продолжение споров и разговоров. Еще подумал, что благодаря профессии Света безостановочно путешествует по всей земле, а между тем год за годом сидит в маленьком поселке. Не пугайся, но мы отказались от городской квартиры. Совсем. Ты не хотела, Аня, и я соглашался, оба надеялись, что отдадим эту кооперативную коробочку Свете, и там будут прыгать, подрастая, внуки, но вышло иначе. Нам стало не по силам рваться на два дома, приезжая туда, расстраивались, что очень уж там все напоминает тебя, а неживое, запущенное, на подоконниках — желтые круги от горшочков твоих цветов, как после пожара. Не беспокойся и не брани. Я знаю, что ты хочешь спросить. Все, возвращенное кооперативом, вложили в ремонт дачи. Ее ведь сначала сбили не ах как крепко, иные гвозди сами заколачивали, а теперь — не дача, а красавица, прохожие любуются, все, как ты хотела. И кажется, что ты здесь, с нами...

Виктор Степанович вдруг понял, что, конечно, был прав. Пузо и прораб Федя не могли быть знакомыми Светы. «Дача дохленькая», — оценил прораб, а про его дачу, подкрашенную и как бы даже подпудренную, с верандой в каракулевой шубе из цемента, этого не скажешь. Все знакомые приезжали, хвалили. Правда, и ругали. Его, а не дачу. За то, что отказался от городской прописки. И Света тоже. Оба прописались здесь, по месту работы в сельской школе. Его бывшей работы, теперь он — полный пенсионер, ее — нынешней. Недавно он почему-то спросил у дочери: «Не жалешь?» Света засмеялась: «Чего? Не все равно, где человек прописан?» Какой она веселой бывала, когда так смеялась! Какой она дом могла бы устроить, какую семью сотворить и держать! Веселую, без фальши. Увез бы ее кто отсюда. Куда угодно, хоть на край света! Вот именно, там, говорят, настоящая любовь. А он?... В этом случае он отпустил бы ее, не задумываясь. И счастлив был бы. Я был бы счастлив, слышишь, Света?!

Когда она училась в девятом или в десятом, однажды вечером вдруг спросила его:

— Папа! Почему за мной не ухаживают мальчишки?

Да, вдруг, — он не ожидал этого. Смотрел телевизор, она ходила по комнате с чашкой чая в руке — на ночь ничего больше, строгая диета! Отвернувшись от телевизора, продолжавшего разбираться в мировой политике, он растерянно улыбался.

— Думаю, они боятся.

— Кого?

— Тебя. Ты очень привлекательная, но для них слишком умная. Слишком, понимаешь? А помнишь, как сказал Александр Сергеевич? «Поэзия должна быть глуповата...»

— Чему ты учишь дочь! — крикнула Аня, поливая цветы.

— Смотри, папа! Я ведь тебе верю на все сто, даже на тысячу, но... Нет, мальчишки сейчас сами умные, по-моему, тут фигура — дура. Завтра же начинаю ходить в бассейн!

— Придумала! — сказала мать. — И так как карандашик!

— Ты отстала от современной моды, мама. Надо быть, как спичка!

«Понимаешь, Аня, для нее это важно. Для нее... Это... Ты понимаешь, я понимаю, а что делать?»

Домик встретил его темнотой и пустотой, и он сразу догадался, что Света побежала на шоссе, к остановке, чтобы помочь отцугащить сумку. Ну, конечно, она — по дороге, а он — тропой, через бор, и — разминулись. Сейчас она вернется, а он пока разложит покупок и сам приготовит ужин, он ведь тоже умеет кое-что...

Дочь долго не возвращалась. Ни через полчаса, ни через час... Значит, ждет его на шоссе. Она упрямая, до последнего автобуса будет стоять. Придется сходить за ней. Наплевать на ногу... У сарайчика, подпирающего забор с калиткой, припасено несколько замечательных самодельных палок для прогулок. Прямых и крепких. Возьмет одну...

Но едва он дотопал до калитки, как за ней вырисовалась Света.

— Папа!

— Меня бегала встречать?

Какое-то раздумчивое молчание и неспешный, добрый, душевный голос:

— Не-ет...

— А куда?

— Туда.

— Куда? — повторил он, заинтригованный.

— Туда же, на шоссе, но встречала не тебя, а...

— Кого?

— Одно молодого человека.

«В летной фуражке?» — чуть было не спросил он, но прикусил язык.

— Я болгарские голубцы привез. Кушать хочешь?

Света засмеялась, как только она умела в такие самые важные, самые ответственные моменты смеяться — искренне и легко, счастливо. Рядом с ней, с этим смехом, легче становилось жить.

— Больше тебя ничего не интересует? — спросила она.

— Ну, почему же! Расскажешь за ужином, а то кормить не буду!

Ела она, пробежавшись километра за три, со вкусом, аппетитно отхватывала молодыми зубами куски горбушки и рассказывала:

— Познакомились — ты думаешь, где? В автобусе. Самое людное в нашей округности место. Как танцплощадка! Он строитель. Зовут... — Она провела бумажной салфеткой по волнисто очерченной, с острыми углами в серединке, абсолютно материнской верхней губе, а он чуть не крикнул: «Федя!» И она будто бы повторила за ним:

— Федя.

— Жених?

Она немножко и невольно поиграла бровями.

— Хочется — называй так.

А он затряс головой, мелко-мелко. Вернее, голова сама затряслась, рассыпая по лбу седые космы, нет, не седые, а цвета пепла в тухнущем костре. У него были густые космы, как у молодого, и тряс он ими, даже не замечая этого, когда очень волновался, дочь знала и перестала усмехаться.

— Мы знакомы давно, и уже...

— Что?

— Он уже сказал, что ему больше никого не нужно.

— Света! Как давно ты знакома с ним?

— Ну, давно — по нынешним временам, конечно. Но ведь мы живем в нынешние времена. Полтора месяца... помнишь, полтора месяца назад я стала говорить тебе, что повела в школе кружок любителей путешествий, которые якобы собираются вечерами...

— Якобы?

— Я обманывала тебя, папа. Не сердись! — Она просительно дотронулась до него. — Бегаю на свидания, во все времена влюбленные обманывали родителей. За тысячи лет не придумали ничего лучше.

— Ты — влюбленная?

Обо всем забыв, Виктор Степанович с интересом смотрел на дочь.

— Он умный, — сказала Света. — Этого тебе мало? Что ты молчишь?

— Просто характер, по-моему, в подобных случаях важнее ума. Сейчас много образованных, это запросто принимают за ум, а характер...

— Ой, папка! — засмеялась Света. — Началось!

— И закончилось, — сказал он. — Тебе не кажется, что нам с Федей не грех бы познакомиться?

— Сегодня он как раз говорил об этом. — Света вздохнула и улыбнулась робко. — Как ты ехал?

— Прекрасно. Автобус — почти пустой, и я сидел от самого города, как король на своем троне!

— Не ври. В это время не бывает пустых автобусов.

— А вот был! Не рейсовый, а какой-то служебный.

— Слава богу!

— Когда он придет?

— Федя? Обещал в субботу. С дружкой, Сережей, которому больше нравится, когда его называют Сержем.

«Это Пузо!» — чуть не вырвалось у Виктора Степановича.

— Смешной такой этот Сержик. Они вместе работают.

— Надо нам...

— Позаботиться о бутылке вина? Запомнила.

— Нет, это моя забота.

3

Субботним вечером, когда краски заката уже разлеглись по небу над соснами, Федя явился принаряженный. Тонкая белая рубашка, галстук в косую полоску, легкий серый костюм и та же фуражка на голове. При всем этом параде она выглядела нелепо и как-то мило.

— Здравствуйте! — улыбаясь, сказал он открывшему дверь Виктору Степановичу. — Света дома?

— Конечно!

— Вы ее отец?

— Да.

Он улыбнулся еще свободней.

— Можно?

— Прошу, прошу...

Федя тщательно вытер ноги. Похоже, он не узнавал недавнего автобусного спутника. Каждый будний день — туда и обратно, сотни разных людей вокруг, запутаешься. А если и узнал, не подал вида. Ни один мускул, как говорят, не дрогнул на его лице, приветливом и уверенном, спокойном, во всяком случае. Вот Пузо, Сержик, тот вытаращил глаза и заупоковел, Виктор Степанович еще в автобусе отметил этот его дар — моментально делаться багровым. Он безостановочно багровел все дальше, стало даже жалко и божно: спорит, уже обогнал по цвету алые розы, букетик которых сжимал за колючие стебли, и суматошно, изо всех сил топтал тряпку, ковриком кинутую на крыльцо. Говоря по-военному, отработывал шаг на месте, пока не выбежала Света и не засмеялась:

— Да проходите вы!

Как легко она смеялась опять!

— Сержик!

Он пошел, неся перед собой факел роз, побледневший на фоне его лица.

Стоял уже был накрыт, Света испекла пирог с мясом, не терпящий пауз, а гости чуть запоздали, из вежливости, наверно, Виктор Степанович быстро раскупорил бутылку, и застолье началось. Выпили за знакомство. Сержик никак не мог справиться с розами, перекладывая их из руки в руку, и взял бы рюмку левой, если бы Федя не подсказал:

— Я тебя выручу. Отдай розы Свете.
Сержик с облегчением протянул ей букет, а она засмеялась еще громче, протянув нараспев:

— Спаси-и-ибо!
И, когда отец налил по второй, предложила выпить за цветы, которые, сказала, любит, но Федя вдруг кашлянул, потупился и нахмурился.

— Позже. А сейчас у меня другой тост и другой текст. Прости, Света, но мне важно это сказать. Виктор Степанович любезно не узнает нас, ничего не было, дескать, а было, и такое, что вспоминать жутко. Мне гадко и совестно, как никогда. Не дави на ногу, Серж!

— А что было?—еще улыбаясь, но уже меняясь в лице, с тревогой спросила Света.

— Три дня назад мы вместе ехали в автобусе. Я, Серж и Виктор Степанович. И мы с Сержем сидели, а Виктор Степанович стоял возле нас. Всю дорогу. Но этого мало. Мы молולי бог знает что и заставили Виктора Степановича выйти из автобуса на несколько остановок раньше. Я понимаю, Света, что тебе интересны подробности, но они так омерзительны... Простите нас, Виктор Степанович. Если можете... Прошу вас, и Сержик просит.

— Да,—подтвердил тот.
— В знак вашего прощения мы и чокнемся. А не можете, я лучше уйду. Все.
— Да что вы!—Виктор Степанович протянул рюмку в его сторону.—Какая чепуха! Выпили и забыли.

Сержик тоже чокнулся с ним. И наступило безмолвие, которое нарушила Света:

— Конечно, для меня важно, что это был мой папа. Ну, а если бы кто-то другой?

— Теперь я буду уступать место всем, кто хоть на капельку старше меня!
— Только теперь?

— На ошибках учатся.
— Хватит! Федя провел день на стройке, нужной для всех, а я ездил в город за покупками, в свое удовольствие, можно сказать. Хватит!

— А то еще заскучаем ни с того, ни с сего,—поддержал Федя.
— Все хорошо, что хорошо кончается,—попробовал пошутить Сержик, уморительно корча ржуху, но снова потянулась неловкая тишина.

— У нас на веранду прилетают синицы,—сказала Света,—и прыгают по столу, когда мы завтракаем.

— Синица сейчас тоже стала пронырливой,—не отказался от попытки рассмешить компанию Серж, опять неудачно.

— Просто Света насыпает им много крошек,—пояснил Федя и, не пережидая молчания и понимая, что тема не исчерпана, взял ее в свои руки.— Чтобы больше не возвращаться к этому, Виктор Степанович, хочу спросить вас лишь об одном. Почему вы не предъявили инвалидной книжки? И более того — даже отказались от этого почетного звания!

— Я могу ответить,—стремглав прорвалась Света, опережая отца.— Из-за хорошего отношения к людям, в том числе к тебе.

Федя повертел рюмку в руках.
— Нет, у нас общество справедливое, каждому по заслугам, лишнего не получишь, и свое надо брать...

— До чего же у вас дошло! — поразились Света, Федя сощурился.

— Виктор Степанович, а вы не рассказывали ей?
— О чем? Ничего особенного. Все в порядке вещей.

Федя пригладил кудри, глянул на Свету.
— Есть сигаретка? Угости и разреши закурить. Мы взволнованы, потому что все дело в папе.

Вместо того, чтобы еще раз решительно оборвать всех, как хотелось, Виктор Степанович с той же решительностью возразил:

— Да при чем тут я? Уступи мне кто-нибудь место, я предложил бы его... Там же ехали женщины! И немолодые. Одна даже дремала стоя.

— Как лошадь,—сокрушено подтвердил Федя и опять помотал головой, рассыпая кудри.— Наломалась, сердечная.

— Тогда бы и пожалел ее! — вскрикнула Света.
— Позор! — согласился Федя.— Я же не отрицаю. Застрелиться?

Виктор Степанович подхватил его тон:
— Все это пустяки! И ничего, ничего не обидело меня, кроме одного! Я тоже хочу спросить вас, Федя.

Тот придал с сигарету в пепельнице, плоской, как дощечка, и выпрямился, изготывая слушать.

— Почему вы назвали нашу дачу дохленькой?
Раскрепощенно сверкнув глазами, Федя ответил по-деловому, даже сердито:

— Как специалист. Проходил, видел.
— Мы же недавно сделали такой ремонт!

— Не вы. Халтурщики.
— Вот только на забор денег не хватило!

Сержик опять попробовал пошутить:
— Знаете, как говорят в Одессе? «Продай дачу, построй забор!» Ха-ха!

— Я пришлю со стройки хороших мастеров,—пообещал Федя.— И материал можно достать.

— Какой?
— Хоть вагонку, хоть натуральную олифу, хоть... Любой!

— А вот этого не надо!
— Вопросов нет.

— А у меня к вам еще вопрос. Вы действительно мечтали стать летчиком?
Федя ухмыльнулся и спросил:

— Фуражка?
— Это из-за меня,—сказала Света торопливо и даже ласково, уж отец-то умел разбираться в ее тоне.— Как-то я разоткровенничалась и призналась, что с детства любила военных...

— Скажи-ка! С кого же это началось?

— С тебя! В День Победы ты всегда надеваешь старую гимнастерку. Ордена, медали... Для себя надеваешь, но... Вот и я полюбила форму! Не форму, конечно, но с военных я не спускала глаз, и особенно меня гипнотизировала авиационная кокарда, еще в детском саду. Вспомнила, призналась Феде, и на другой день он явился в этой фуражке. Приехал... Достал где-то.

— Ай да Федя! — воскликнул Виктор Степанович, чувствуя в этом поступке что-то от глуповатой поэзии.

— А почему у тебя до сих пор полная рюмка? — спросил Федя.— Свет! И слезы в глазах! Вот это уже...

Он так и не договорил. Она вскочила и выбежала, цокая своими высокими каблуками. Виктор Степанович тут же успокоил гостей жестом и пошел за ней, еще улавливая доносившиеся сквозь приоткрытую дверь голоса из-за стола:

— Эх, ты! — отчаиваясь, обвинял Сержик.— Давлю, давлению, а ты начал... Она ничего и не знала!

— Но он-то знал! Одни твои букли за сто верст видать.
— Еще потешается...

Дочь Виктор Степанович нашел не в кухне, а в ее комнате. Света плакала, как всегда, чуть слышно, но визгливо и жалобно оттого, что придавливала себя. Она плакала редко и одинаково, скрываясь, как мать.

— Чего ты ревешь?
— Охота.

— Унеслась от жениха! Ты с ума сошла?
— Как раз я в своем уме.

— Значит, у тебя плохой ум, недобрый. А Федя...
— Никогда не думала, что он такой подонок,—прошептала дочь.

— Ну уж!
— Ах, перебор! Что у него такие недостатки...

Он опустился перед дочерью на колени, чтобы прижаться к ней и приласкать.

— А у меня? А у тебя их нет? Например, эта твоя категоричность... С недостатками известно, что делать.

— Что?
— Бороться. Сама стань лучше и помоги ему стать лучше. На Востоке существует пословица: «Женщина делает мужчину».

— Боюсь, он уже сделан. Не перекуешь. Или принять такого, или...
— Не торопись.

— Сейчас я хочу, чтобы они ушли. Слышишь, папа?
Уговоры, самые нежные и суровые, не помогли. Когда Виктор Степанович вернулся, Федя доедал кусок еще теплого пирога, вполне по-светски, нож — в правой руке, вилка — в левой. А Сержик печально мял свои локоны. Не замечая крошек мяса на блестящем от жира подбородке, Федя встал и заговорил:

— Жуткий парадокс! Автобусное происшествие торопит события... Полагалось бы подождать... по всем патриархальным правилам... но я сделаю это сегодня... Виктор Степанович! Мы со Светой любим друг друга, и я прошу руки вашей дочери. Что вы молчите? Какие вам еще нужны доказательства? Можете сначала казнить меня!

— За что, Федя?
— Ну, вы же слышали всю нашу болтовню в автобусе.— Он махнул рукой на Сержика, лицо которого напоминало ободранную свеклу.— А чего не скажет один молодой балбес другому, чтобы похвастаться? Не молчите, ради всего!

— Вы сами все сказали.
— Я прошу руки вашей дочери.

Вдруг Виктора Степановича осенило: да ведь этот молодой человек изворотлив до наглости! Он блестящий наглец! Верно окрестила его та толстуха в автобусе. Сейчас засучить бы рукава и выставить его за дверь ради Светы, ради справедливости, ради... Но вместо этого Виктор Степанович обронил:

— Дочь, конечно, моя, но это ее рука... А ведь издавна говорится, что своя рука — владыка.

— Позовите Свету.
— Она расклеилась.

— Ладно. Ответ за ней. Передайте Свете, что только она для меня и есть свет в окошке, а мы пойдём. До свидания.

Серж ушел без слова. Видно, от обиды за друга.
За накрытым столом Виктор Степанович сидел одиноко и в тишине. Под ребрами горячо разрасталось чувство непоправимой вины перед дочкой. Не желая, он наступил своей хромой ногой на ее любовь. Не на что-нибудь, а любовь! Сделал самое непростительное в жизни. Надо же было ему именно в этот день, в этот час сесть в этот автобус. Именно в этот! Дохлый черт. В самом деле, черт бы его побрал! Горячее чувство переходило в ледяную тоску по Ане. Некому было слово сказать...

И вдруг он услышал шорох, пугливо и с надеждой покосился на него и увидел Аню в туманном дверном проеме. Закачалась, затряслась голова... Он пошире раздвинул свои глаза. В дверях стояла Света.

— Ушли? Папа! Я не слажу с собой. Я догоню его. Не могу!
— Конечно! — возликовал он.— Ты еще успеешь!

Она опустилась на проматый диванчик и, скинув свои туфли, нащупала и выдернула из-под него тапочки, чтобы идти быстрее, чтобы бежать. А он стал воображать и рассчитывать... Вот она промахнула две полутемные улицы поселка. Их было всего-навсего две, и одна перетекала в дорогу, задевавшую край соснового бора. Потом был мостик, в самом низу, над ручьем, который и весной показывает дно, такой тощий. Хуже Сержика. Дальше дорога забиралась вверх мимо огородных участков рабочих картонажной фабрики. Она долго ползла к шоссе, все круче и круче, и здесь, пожалуй, Света догонит суженого с дружкой... Если она бежала, то уже... Что там происходит?

Он попытался вообразить это, но вдруг отключился. Снова стало тоскливо и одиноко, как и раньше бывало, да не с такой силой. А сейчас — до пустоты! И держала пугающая пустота так цепко, что из нее, казалось, уже не вырваться. Чем она держала? Безрукая, бессловесная, бесчувственная...

На этом последнем он и очнулся, потому что услышал, как гулко, в самые уши, лупит сердце. Еще чего не хватало! Сердце в ушах — это новость. Даже и себя спрашивать не хочется, что это такое... Он глянул на часы. Вот-вот дочь должна вернуться со своими друзьями. Встать, рядовой такой-то! Он нащупал под стулом ботинки, снятые из-за ноги, натянул их и вышел, чтобы встретить гостей и все начать сначала.

Дочь сидела на крыльце, подперев обоими кулаками подбородок.
— Ты что здесь делаешь? — спросил он.

— Сижу,—ответила Света и улыбнулась. Еле-эле.

XXV НАВСТРЕЧУ XXV СЪЕЗДУ КПСС

В наши дни космос перестал быть отвлеченным понятием. Трасса, проложенная в межпланетное пространство двадцать три года назад первым советским искусственным спутником Земли, стала ныне накатанной дорогой. Более тысячи советских спутников, запущенных за этот период, расширили наши знания не только о далеких звездах, Вселенной, но и о нашей собственной планете. На основе космических данных более рационально размещаются промышленные комплексы, строятся буровые вышки, ведется поиск полезных ископаемых, выбираются эффективные сроки сельскохозяйственных работ.

Предстоящая пятилетка примет эстафету дальнейшего освоения космического пространства с целью более широкого применения космической информации для развития производительных сил страны.

раслей знаний, развитие техники были настолько высокими, что запуск спутника — как ни сенсационно выглядело тогда это эпохальное событие — явился естественным и логическим детищем достигнутого ранее, его продолжением, разумеется, на качественно новой, более высокой ступени.

С другой стороны, успехи в науке и технике, обеспечившие создание и запуск первых спутников, одновременно подготавливали базу для широкого использования уникальных условий, которые могли быть созданы для различных исследований на искусственных орбитальных платформах. Если с известной долей условности использовать политэкономический термин, то в данном случае предложение как бы заранее подготавливало спрос. И стоило человеку вырваться в космическое пространство, он очень быстро нашел практическое применение новому достижению. Насколько стремительно этот процесс развивался у нас в стране, можно судить по тому, что уже

XXIV и XXV съезды КПСС в своих исторических решениях наметили широкую программу использования искусственных спутников Земли в интересах различных отраслей науки, техники, народного хозяйства страны.

— Каким, например?

— Сегодня трудно перечислить области человеческой деятельности, где ныне не используются данные, полученные с искусственных спутников.

С помощью космической техники исследуется околоземное космическое пространство и планеты солнечной системы, проводятся измерения формы и размеров Земли, ее гравитационного и магнитного полей, осуществляется дальняя радиосвязь и трансляция телевидения, прогнозируется погода, обеспечиваются воздушная и морская навигации, картографирование, изучаются природные ресурсы Земли. Спутники нашли себе работу в астрономии, металлургии, кристаллогра-

ЗЕМНЫЕ

Юрий КИЕНКО, директор Госцентра «Природа»

Всего двадцать три года минуло с той поры, когда в Советском Союзе был запущен первый в мире искусственный спутник Земли. Но за этот относительно небольшой срок человек так много добился в освоении космического пространства и практическом использовании этого достижения, что сейчас просто трудно представить время, когда не было спутников. Даже само понятие «космос» ныне воспринимается совсем иначе, чем прежде. Теперь оно в первую очередь ассоциируется не с изначальным его смыслом — межзвездным пространством, таинственной Вселенной, — а с чем-то конкретным и очень привычным: очередными стартами ракет, новыми спутниками, многомесячными вахтами космонавтов на орбитальных станциях, с картами погоды, переданными на Землю с высоты в сотни километров и в тот же вечер показанными миллионам телезрителей; наконец, со спортивными событиями, которые происходят где-нибудь на краю света и которые в тот же самый момент можно наблюдать на экранах всех континентов... Пожалуй, в истории человечества трудно припомнить какое-либо другое научно-техническое достижение, которое вот так же быстро и прочно вторглось в повседневные дела людей, стало плодотворно трудиться...

— Я думаю, оперативность, с какой люди стали использовать космическую технику для решений своих земных проблем, вполне закономерна. В эпоху научно-технической революции, которую мы сейчас переживаем, время как бы уплотнилось, сократился промежуток между научным открытием или техническим достижением и их практическим применением. Особенно, если в результате использования такого открытия или достижения может быть получен колоссальный экономический эффект, подобный тому, какой дает эксплуатация космических аппаратов.

К 1957 году, к моменту нашего первого шага в космос, уровень различных теоретических и прикладных от-

ЗА КОРОТКОЕ ВРЕМЯ ДАННЫЕ КОСМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НАШЛИ ШИРОКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ В ГЕОЛОГИИ, СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ, СТРОИТЕЛЬСТВЕ, СВЯЗИ, РЫБОЛОВСТВЕ И МНОГИХ ДРУГИХ ОТРАСЛЯХ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

фии, медицине, биологии, физике... Но, как говорится, нельзя объять необъятное. Потому, если не возражаете, несколько подробнее остановлюсь только на одной из областей применения спутников — изучения естественных производительных сил с помощью дистанционного зондирования Земли из космоса, чем именно и занимается госцентр «Природа».

— Прежде чем вы, Юрий Павлович, расскажете о конкретных работах, не могли бы вы объяснить суть дистанционного зондирования, на чем оно основывается?

— Как известно, все природные объекты имеют свойство поглощать, отражать или генерировать электромагнитные излучения определенного спектрального состава и интенсивности. Эти излучения могут быть зафиксированы специальными приборами, установленными на борту космического корабля. Переданные на Землю

показания приборов можно дешифровать, интерпретировать и по ним судить о размерах, характере, состоянии тех или иных природных объектов, чтобы потом эти данные использовать в интересах народного хозяйства.

— В каких, например, областях?

— При изучении строения Земли и поиске полезных ископаемых: в землеустройстве, при разработке проектов строительства каналов, гидроэлектростанций, промышленных комплексов; изыскании трасс путей сообщения, нефте- и газопроводов; в исследовании морей и океанов для организации более эффективного промысла рыбы и морепродуктов; при изучении почв, эрозийной опасности, определении кормовых ресурсов, сроков созревания посевов и так далее и так далее. Естественно, информацию, идущую со спутников, можно использовать в сочетании с данными, полученными традиционным, наземным пу-

тем. В результате наше представление о том или ином объекте или явлении становится более полным и, если возможно так выразиться, объемным.

Преимущества дистанционного зондирования Земли из космоса при исследовании естественных производительных сил были быстро оценены и наукой и практикой. Достаточно сказать, что ныне «потребителями» космической информации являются более четырехсот научных, проектно-изыскательских и производственных организаций Советского Союза, тысячи ученых и специалистов. Эта область стала ныне сферой международного сотрудничества. Изучение природных ресурсов с борта орбитальной станции «Салют-6» было включено, как известно, в программу полета экипажей, в составе которых работали космонавты Советского Союза и стран социалистического содружества.

— Можно считать дистанционное зондирование Земли из космоса про-

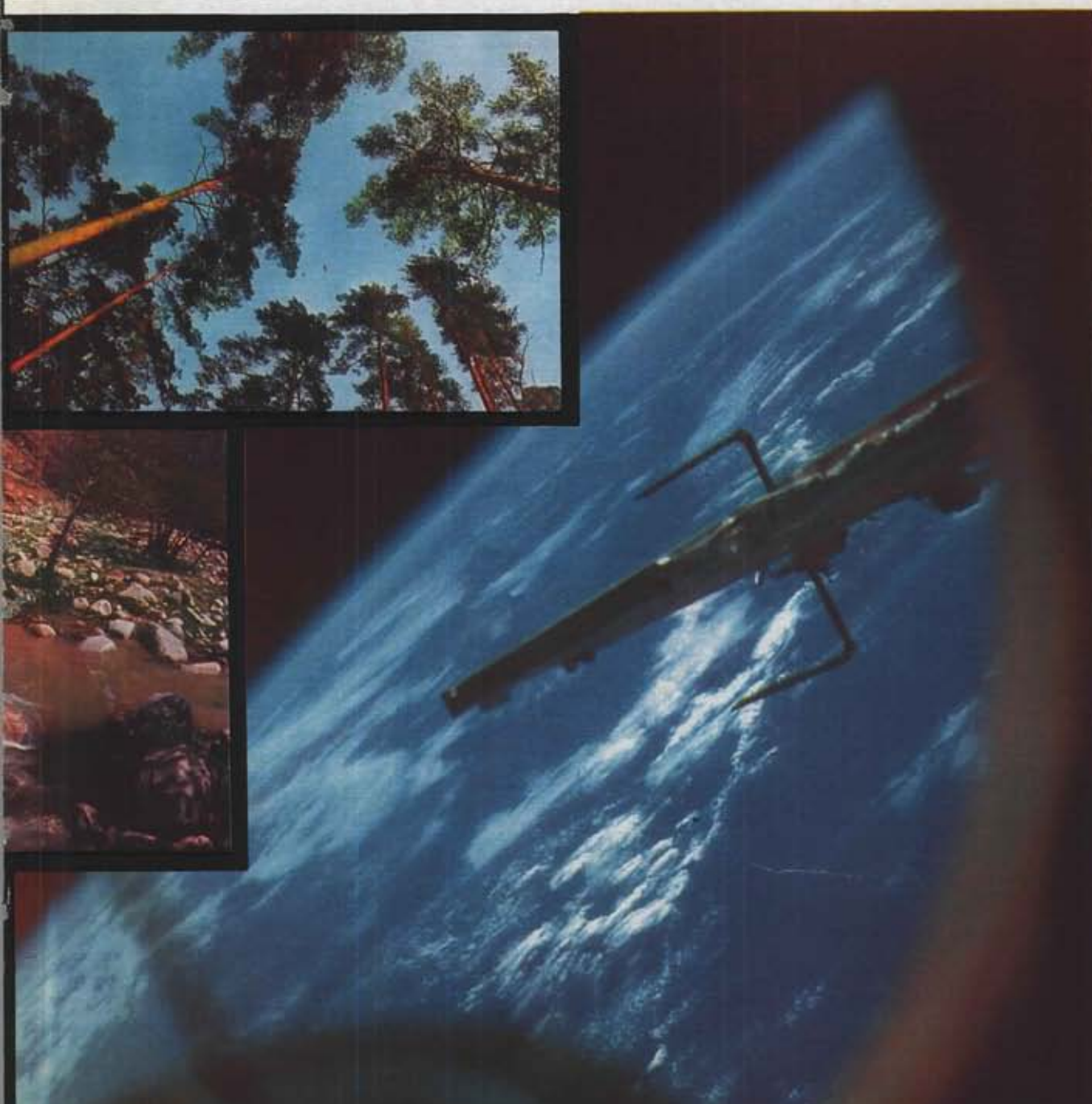
должением аэрофотосъемки и использования авиации в исследовательских целях? Разумеется, продолжением на более совершенной технической основе.

— Да, но со значительными оговорками, даже с известной долей условности. Различия в высоте и скорости полета создают качественно новые условия для проводимых работ. Некоторые области исследования были бы просто невозможны без искусственных спутников. Именно поэтому космическая техника стала фундаментом научно-технической революции в природоведении и создала новое направление в науке — космическое природоведение.

Разумеется в становлении новой отрасли науки огромную роль сыграла и авиация, ее озыт. Человеку было проще сделать шаг от исследовательского самолета к исследовательскому спутнику, чем в свое время найти научное применение «летающей этажерке».

ЗАБОТЫ КОСМОСА

Беседу ведет специальный корреспондент «Смены» Леонид ПЛЕШАКОВ

каким был первый аэроплан, долго остававшийся занятым аттракционом. И все-таки по своему совершенству, по возможностям, которые она дает исследователям, космонавтика обеспечивает настолько высокий качественный уровень техники, что ее трудно даже сравнивать с авиацией.

— Видимо, на этих технических преимуществах в значительной мере базируется и экономическая эффективность исследований природных ресурсов Земли, ведущихся из космоса?

— Несомненно.

— Тогда, может быть, Юрий Павлович, вы коротко остановитесь на них?

— Это необходимо сделать, чтобы в дальнейшем стали понятны экономические выкладки.

Из всех замечательных качеств космических средств как исследовательских аппаратов я бы на первое место поставил высоту их полета, обеспечивающую ранее недоступную «широту взгляда». С высоты в сотни километров они позволяют охватить сразу огромную поверхность Земли. Еще в недалеком прошлом исследователи нашей планеты работали по принципу от частного к общему. Касалось ли это географических открытий или поиска полезных ископаемых, многие годы, а то и столетия пытливые землепроходцы по крупицам собирали информацию об окружающем мире. Точку за точкой, объект за объектом наносили они на карту отдельные участки Земли, и лишь потом из этих крупиц создавалась общая картина стран и континентов. Сколько труда и средств было вложено в экспедиции первопроходцев и мореплавателей, сколько потребовалось на это времени, сколько жизней было отдано при поиске новых месторождений полезных ископаемых, при прокладке новых путей сообщения! А там, куда человек так и не смог пробиться, на карте Земли знаком его бессилия оставались белые пятна.

Космическая техника позволила вести изучение нашей планеты, ее природных ресурсов по совершенно новому принципу: от общего к частному. Охватывая сразу огромные территории, мы можем понять и изучить вначале общие ее закономерности, и на этой основе выявить и локализовать

наиболее перспективные участки, и потом уже начинать их хозяйственное освоение. Как видите, при таком подходе экономическая выгода очевидна: не нужно понапрасну тратить силы и средства на районы, которые явно нельзя использовать.

В космический век утратило свой традиционный смысл понятие «труднодоступная территория». Еще в недалеком прошлом даже простое картографирование высокогорных районов страны, отдаленных территорий Северо-Востока, арктических островов, Антарктики было сложнейшей научно-технической и организационной проблемой. Развитие геодезических сетей, выполнение аэрофотосъемок, обеспечение экспедиций было связано со значительными затратами труда, времени, средств и опасностью. Для составления карт, предположим, Чукотки или Северной Земли совсем недавно нужно было совершать героические усилия. Эта работа воистину была подвигом. Сейчас искусственные спутники в зависимости от заданной орбиты могут пролететь над любой точкой нашей планеты, отснять ее, передать изображение на Землю. Как ни парадоксально это звучит, из космоса наша планета стала для нас ближе.

И опять совершенно очевидны экономические выгоды использования космической техники в этих целях. К тому же космическая техника позволяет получать данные о природных ресурсах, об окружающей среде в значительно больших объемах, чем это можно было сделать обычными, традиционными средствами. Поясню свою мысль примером. За пять минут полета с орбитальной станции «Салют-6» может быть произведена съемка территории суши или акватории моря площадью около одного миллиона квадратных километров. Для выполнения такой работы современным самолетом потребовалось бы около двух съемочных сезонов. К тому же не на любом типе самолета можно долететь до всякого района. Где базировать самолет, если, предположим, нужно отснять центральную часть океана? А тут еще фактор времени. Скорость по нынешним временам — тоже категория экономическая. Пять минут и два съемочных сезона — это далеко не одно и то же. Пять минут — это полет в одном и том же времени года, в одно и то же время суток. А для исследования далеко не безразлично, когда сделана карта района — зимой или летом, утром или днем. Тем более что для решения некоторых вопросов имеет значение именно оперативная информация. Допустим, необходимо знать ежедневные темпы весеннего отступления снежного покрова сразу по всей европейской территории страны. Самолету такая задача не по силам. Спутник ответит на вопрос в считанные минуты. Причем его информация будет предельно точна. Ее можно будет сравнить со сводками вчерашней, позавчерашней или недельной давности. Нетрудно представить, какое это имеет значение для подготовки к весенним полевным работам, речной и морской навигации, прогнозирования погоды и так далее.

К тому же спутник — всепогодная исследовательская лаборатория. Он летит выше «погоды». Облачность, дождь, снегопад, туман — все, что ставит на прикол аэросъемку, — спутника не остановит. Если Земля закрыта облаками сейчас, на следующем витке в них может открыться небольшое «окно», которое позволит сделать необходимые измерения. Но даже и сама облачность несет ценную информацию для метеорологов. Так что даже полет над закрытой облаками Землей — не бесцельный полет. Комплекс всех этих замечательных качеств, которыми обладает космическая съемка — огромная обзорность, скорость, всепогод-

ность, — слагаясь вместе, порой дает совершенно неожиданные результаты, о которых ранее нельзя было даже мечтать. А потому сейчас во многих случаях невозможно сказать, насколько современные космические методы экономически эффективнее прежних, традиционных способов получения информации: не с чем сравнивать, ибо до спутников собрать такие данные было немисливо.

Например, исследования прибрежных зон морей и океанов. На шельфе, как показывают наши и зарубежные исследования, сосредоточены большие запасы различных полезных ископаемых. Чтобы успешно вести их разведку, добычу и организовать транспортировку, необходимо хорошо знать подводный рельеф. Изучать шельф с плавсредств долго, дорого, трудно. Корабли должны ходить над заданным районом плотными галсами, прощупывая эхолотами дно, и только позднее по этим данным на карте нужной акватории будет нанесена сетка глубин. В зависимости от размеров акватории на этот кропотливый труд могут уйти многие годы.

— А самолет?

— С самолета подводный рельеф мелководья в большинстве случаев не виден из-за опико-физических условий формирования изображения при сравнительно близком расположении аппаратуры к водной поверхности.

С орбиты же искусственного спутника при определенных глубинах моря, волнения водной поверхности, угле освещения, прозрачности атмосферы могут быть получены прекрасные снимки, по которым можно судить о глубинах, рельефе дна и на этом основании решать, где, допустим, лучше ставить буровые вышки, какое направление выбрать для подводных трубопроводов, где должны пролежать пути морских судов, обеспечивающих эксплуатацию подводных кладовых.

Нетрудно понять, что это значит для нашей страны, шельфы которой занимают площадь около восьми миллионов квадратных километров.

А с чем сравнить космические съемки морских течений? Ни одно другое средство не даст нам подробной картины. А если проводить съемки через определенные промежутки времени, мы получим динамику этого природного явления, сможем выявить его закономерности, изменения, происходящие под воздействием различных причин.

Только из космоса можно наблюдать общую картину концентрации в отдельных районах Мирового океана фито- и зоопланктона. Где планктон, там рыба. Поэтому оперативная космическая информация о его скоплениях определит рыболовецким флотилиям места наиболее эффективного промысла. Эти же данные, но собранные за значительный промежуток времени, позволят решать и фундаментальную задачу: анализируя закономерности в концентрации и миграции планктона, мы сможем понять их причины, а затем и прогнозировать промысловую обстановку, заранее планировать кораблям лов не в «мертвой» зоне, а там, где наиболее вероятно скопление рыбы.

— Действительно, возможность — или, точнее сказать, способность — дистанционного зондирования Земли из космоса впечатляют. Но хотелось бы знать, в какой мере оправдываются затраты на космос, затраты, как нетрудно предположить, немалые. Скажите, Юрий Павлович, можно в рублях подсчитать отдачу, которую мы получаем от расходов на космос?

— Когда речь заходит об экономическом эффекте, получаемом народ-

ным хозяйством от использования космической информации, нельзя вести счет на рубли или даже на тысячи. Масштабы этого дела столь грандиозны, что на их фоне даже миллионы рублей кажутся мелочью, которой при общих подсчетах можно пренебречь, которую можно «округлить». Сегодня мне не хотелось бы называть какую-то конкретную сумму, которую выигрывает наше хозяйство от применения космической техники. Мы стоим в начале пути. Поэтому не везде, где это возможно, новое достижение находит применение. А там, где оно используется, не всегда удается точно вычислить экономический результат. Одно совершенно ясно: космос с лихвой «отрабатывает» все затрачиваемые на него средства.

— Тогда остановимся на «крупнице», слагающих ее...

— По подсчетам ученых, комплексная интерпретация сейсмологических и космических материалов по району строительства одного из крупнейших горнодобывающих комплексов позволила снизить исходный сейсмический балл с восьми до семи. В результате строительство этого комплекса обойдется на сорок миллионов рублей дешевле, чем планировалось ранее. А если учесть перспективу развития этого горнодобывающего района, то экономический эффект будет еще значительнее.

— Извините, Юрий Павлович, каким образом в данном случае подсчитывалась экономия?

— В районах высокой сейсмичности строительство всегда ведется с повышенным запасом прочности, чтобы сооружения могли выдерживать случающиеся тут землетрясения. Это азбучная истина. Сложность в другом: каким должен быть этот запас прочности? Если он значительно превысит разумные пределы, мы омертвим крупные капиталы. Найти «золотую середину» поможет только точное определение балла сейсмичности данного района. Приведенный пример показывает, что использование космической техники позволяет вычислить его более точно и дает значительную экономии средств.

По экспертным оценкам, экономический эффект от комплексного исследования, а на первом этапе — инвентаризации природных ресурсов на основе космической информации в одном из высокогорных районов Советского Союза площадью около полу-миллиона квадратных километров составляет сто двадцать миллионов рублей.

— Неужели еще возможны «белые пятна» такого размера?

— «Белые пятна» — понятие относительное. Тот район, о котором я говорю, изучен традиционными методами. Его достаточно хорошо исследовали геологи, географы, гидрологи. Но речь идет о комплексном изучении. Геолог может оценить район с точки зрения перспектив возможных полезных ископаемых. Гидрологу важно знать его водные запасы. Но оба они не ответят на вопрос, каковы кормовые ресурсы здешних альпийских лугов, какое время года лучше всего использовать для выпаса скота, где проложить пути для перегона овец отар из долин в высокогорье и обратно, как организовать заготовку и транспортировку животноводческой продукции и так далее. Так что если этот район не был «белым пятном» для геологов, то для животноводов он до последнего времени оставался неведомым континентом, так как лежал в труднодоступных горах и в стороне от традиционных дорог. Космическая съемка помогла не

только выявить неизвестные до этой поры высокопродуктивные пастбища, но и наметить наиболее близкие к ним подходы.

По данным специалистов, использование новой методики геоботанического картографирования степных и полупустынных районов с использованием материалов космических съемок позволит снизить затраты по сравнению с существующими способами на 40 процентов.

А вот пример из области лесного хозяйства. Из космоса возможно оперативное выявление и оценка состояния лесов, пораженных пожарами, болезнями, вредителями.

Использование космической фотографии при изучении и картографировании лесов, по всей вероятности, в течение ближайшего десятилетия позволит избежать ощутимого роста инженерно-технического состава и рабочих, занятых в этой сфере, разрешит избежать значительного увеличения соответствующих производственных мощностей в отдаленных районах страны. Все это даст значительную экономию.

— Вы сказали, что не всегда удается точно подсчитать экономический эффект от использования космической информации. Когда спутники являются единственным средством для получения таких данных — это понятно: не с чем сравнивать. А в иных случаях?

— Можно, я отвечу примером? Недавно Госцентр «Природа» совместно с несколькими отраслевыми организациями провел в ряде районов экспериментальные работы по космическому изучению и инвентаризации природных ресурсов. В ходе этих исследований были открыты новые рудопроявления ценных металлов, определен ряд перспективных нефте- и газоносных структур. На первых из них скважины, пробуренные на основе наших рекомендаций, подтвердили правильность расчетов. Ясно, что экономический эффект будет получен значительный, но конкретные цифры можно будет назвать только позже.

— Выходит, из космоса можно заглянуть и под землю?

— Заглянуть нельзя. Но понять геологическое строение территории в известной степени удастся. При этом используются косвенные признаки и метод аналогии.

— Поясните, в связи с чем на космическом снимке может изобразиться, например, геологический разлом.

— Обстоятельное пояснение заняло бы много места и времени, поэтому я попытаюсь кратко изложить лишь одну гипотезу. Условимся, что мы имеем дело с равнинным районом — степью или пустыней. Когда-то, миллионы лет назад, здесь сформировался разлом земной коры и произошло вертикальное перемещение пород. На границе этих перемещений неизбежно изменяется гравитационное поле. В последующие эпохи при формировании, скажем, золотого рельефа выпадение на земную поверхность переносимых ветром частиц происходило под влиянием изменившегося гравитационного поля. Тяжелые частицы оставались там, где ускорение силы тяжести было меньше, а легкие там, где оно больше. Правоммерно предположить, что частицы имели разный химический состав и цвет. Поэтому линия разлома с большой высоты, из космоса, даже будучи погребенной молодым чехлом рыхлых отложений, как бы просветится в виде границы между темным и светлым полями. Это один из вариантов проявления границ нарушения земной коры

на снимках. Но элементы геологического строения могут идентифицироваться и увлажненностью поверхностных слоев, приуроченностью к ним различных типов растительности и так далее. В общем, в космическом природоведении нет ничего магического, все объяснимо за каждым методическим приемом, поставленным на службу. На космических фотоснимках пустынного района Каракумов было отмечено необычное для этих барханных мест пятно. Оно появлялось на короткое время весной и вскоре исчезало. Сравнивая его оптическую плотность с другими снимками, мы нашли, что она соответствует определенному виду пустынных растений, которые растут лишь в местах, где грунтовые воды близко подходят к поверхности. Это необычное пятно было околонушено и карта передана для поискового бурения. Мы наметили для скважин три точки: одну — за границами пятна, другую — на самом его краю, третью — в центре. Первая скважина, как и предполагалось, не дала результатов, из второй извлекли сырой песок. Из третьей с глубины всего в 8—12 метров хлынула пресная вода. Полученные данные нашли применение при развитии животноводства в этом районе.

— Примеры, которые вы приводите, убеждают, так сказать, во всепроникающей способности космической техники. Но все-таки остается ощущение, что возможности ее человек использует далеко не полностью. Хотя за минувшие двадцать три года понятие «космос» стало привычным, все-таки прежние наше представление о нем порой мешает людям увидеть новые сферы применения спутников в народном хозяйстве. Это как бы психологический барьер, который нам еще предстоит преодолеть...

— В известной степени да.

— Тогда скажите, в каких отраслях народного хозяйства можно ожидать «вторжения» космоса в ближайшие годы?

— Во многих. Ибо космическая информация по своей сути является многоцелевой, межведомственной, пригодной к многообразному использованию. В настоящее время во многих случаях изучение природных ресурсов ведется по традиционным отраслевым, часто не увязанным между собой методикам. Это объясняется использованием различных технических средств и способов работы, что нередко приводит к трудносопоставимым результатам. Космическая информация может быть использована как новая единая техническая основа, на базе которой можно будет вести комплексную, разностороннюю, отнесенную к одному периоду времени оценку природного потенциала естественных ресурсов того или иного региона. Необходимо при этом всесторонне использовать накопленную ранее информацию и применить метод аналогий в процессе дешифровки космических данных. В результате таких работ может быть создана единая комплексная характеристика хозяйственной ценности территории, вскрыты ранее неизвестные ресурсы, составлен своего рода паспорт изучаемого региона. Это особенно актуально в связи с формированием новых и развитием уже существующих территориально-производственных комплексов, в первую очередь на востоке страны и в Средней Азии.

— Другими словами, космос «требует», чтобы все отрасли народного хозяйства «заговорили» наконец на одном языке и объединили свои усилия по использованию природных ресурсов?

— С известной условностью можно сказать и так.

Есть и другие, пока еще не решенные задачи. Даже с точки зрения природоведения сегодня используются далеко не все известные нам «способности» космической техники. Я уже не говорю о том, что они открыты еще не до конца. Проиллюстрирую это примерами из сельского хозяйства. Даже сегодняшний уровень научно-технических разработок и возможности производства позволяют на основе материалов космических съемок решать задачи земельного проектирования и землеустройства, государственного учета и оценки земель, изучать эрозийную опасность и предлагать соответствующие противозерозионные мероприятия: разрабатывать технико-экономические обоснования и проекты мелиорации земель, строительства каналов и ирригационных сетей, водохозяйственных объектов. Об изыскании новых высокопродуктивных пастбищ, грунтовых вод, территорий для создания оазисов я уже говорил.

Это, так сказать, фундаментальные, долговременные задачи. Но космос может решать и массу оперативных. Посмотрите на этот снимок.

Юрий Павлович протягивает цветную фотографию, чем-то похожую на мозаику из желтых, зеленых и красных квадратиков.

— Желтый цвет — убранные поля. Зеленый — поднявшиеся озими. Красный — пшеница на корню. Так выглядит она с высоты в двести с лишним километров. Обратите внимание, красный цвет имеет разную плотность из-за разной степени зрелости. Одни хлеба пора убирать, другие могут еще недельку постоять. По плотности и оттенкам цвета можно определить не только степень созревания, но даже урожайность.

Что это может дать в перспективе? На основе космической информации мы можем получать прогноз погоды во время уборочной страды, определять будущую урожайность в отдельных областях страны, ход созревания разных культур. Все это позволит заранее подготовить в соответствии с урожаем уборочную технику, транспорт, хранилища и, если покажется необходимым, произвести необходимый маневр техникой и рабочей силой, перебросив их из одного региона в другой на время уборки.

Этот пример показывает, что космическая техника дает информацию, которая может быть успешно использована для управления отдельными отраслями народного хозяйства.

Даже если сейчас использование космической техники для изучения природных ресурсов не только полностью оправдывает все затраты на эту отрасль, но и дает значительный эффект, то нетрудно представить, насколько он возрастет в будущем. Конечно, не следует переоценивать ее возможности и видеть в ней единственное, универсальное средство при решении всех наших хозяйственных проблем. Она лишь один из инструментов в руках человека. И от людей зависит, как использовать эту технику с наибольшей пользой.

Думаю, что в мощной индустрии космического природоведения, которую нам предстоит создать в будущем, может найти применение своим силам и знаниям наша молодежь. В этой области открываются широкие горизонты не только перед теми, кто будет летать на космических кораблях или управлять сложной аппаратурой. Найдется интересное дело и тем, кто создаст такую аппаратуру, средства для дешифровки информации, кто найдет новые области применения космической техники. Молодой, ищущий ум может многое сделать в этой совсем еще юной отрасли.

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

(Продолжение. Начало см. в №№ 12—16 журнала.)

ПОЛУФИНАЛЬНЫЙ ДУЭТ

Любители шахмат находятся в ожидании полуфинальных соревнований претенденток на личное женское первенство мира. В сентябре полуфиналистки сядут за шахматные столики. Ниже читателям «Смены» предлагаются фрагменты из партий четвертьфинальных поединков женщин, проведенных минувшей весной. Заметим, что обоим победительницам теперь предстоит встретиться друг с другом.

К такому положению пришла после 14-го хода белых партия нашей Наны Иселиани с лучшей шахматисткой Венгрии Жужей Верещи-Петронич.

14. ...Lc8:c3! 15.b2:c3 d5-d5 16.e4:d5 Cf8-a3+ 17. Kp1-b1 Cd7-b5 18. Fe2-e1 Cb5-c4 19.Ce3-c1 0-0 20.Ch3-f1.

Смелой комбинацией, связанной с жертвой качества и центральной пешки, черные, которыми играла 18-летняя спортсменка из Тбилиси, разрушили королевские бастионы соперницы и создали опасные угрозы.

20. ...Cc4:a2+! 21.Kpb1:a2 Ca3:c1+ 22.Kpa2-b1 Fa5-a3!

Атака ведется вдохновенно, с большой силой. Вскоре белые во избежание мата вынуждены будут расстаться с ферзем...

23.Ld1:c1 Kf6:d5 24.Fe1:e5 Kd5:c3+ 25.Fe5:c3 Fa3:c3 26.Cf1-d3 Lf8-d8! 27.Lh1-e1 q7-q6, и белые капитулировали.

ШЕСТОЙ ТУР

X

Белые начинают и дают мат в четыре хода (3 очка).

XI

Ход черных. Как должна закончиться борьба при наилучших действиях обеих сторон? (3 очка.)

Напоминаем о необходимости сообщать ответ на каждое задание на отдельной открытке. Пользоваться нужно только сокращенной шахматной нотацией, исключая какие-либо словесные примечания. В случае, если участник конкурса обнаружит нерешаемость, побочный ответ и т. п., ему будет полностью засчитано обусловленное количество очков. Настоятельная просьба на лицевой стороне ставить пометку «Шахматный конкурс «Смена-80», тур шестой», а на обороте почтовой карточки (справа сверху над решением) четко указывать свой конкурсный регистрационный номер.

Запомните, пожалуйста, что срок отправления открыток с ответами на X и XI задания истекает 15 ноября 1980 года.

Здесь перед вами позиция, возникшая после 19-го хода белых в партии Нонны Гаприндашвили (у нее были черные фигуры) со своей землячкой из столицы Грузии Нино Гуриели.

19. ...e5-e4! 20.Lf1-d1 Kb4-d3 21.Ce3-d2 Lf8-d8 22.Cd2-c3 La6-a8 23.Cc3:g7 Kp8:g7 24.Fb3-c2 f7-f6 25.f2-f3 Kd5-f4!

Несколькими искусными маневрами черные овладели инициативой. Конница экс-чемпионки мира вкупе со своим ферзем отменно взаимодействует, штурмуя короткую рокировку белых.

26.f3-e4 Fc6-e4 27.Ld1-e1 Fe4-d5 28.Le1-e3 e6-e5! 29.La1-d1 e5-e4 30.q2-q3 Kf4-h3+ 31.Kp1-q2 Fd5-f5! 32.Ld1-f1 Ff5-g4 33.Fc2-e2?

В тяжелой ситуации белые просматривают утрату ферзя, однако спасения у них нет.

33. ...Kh3-f4+, и белые сдались.

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Полковник Пташкин повертел в пальцах карандаш, внимательно прочел надписи на одной из его граней и, подумав еще немного, наконец произнес:

— Согласен, но при одном условии: в машине должен находиться сотрудник милиции, владеющий самбо. Преступники могут быть вооружены...

И Владимир Михайлович протянул нам оперативное сообщение.

«Преступники около четырех часов утра проникли в бухгалтерию магазина через окно, предварительно отключив сигнализацию. По заключению эксперта-криминалиста их было двое. Они вскрыли сейф, забрав около семи тысяч рублей, и тем же путем покинули помещение.

По свидетельству очевидцев, в соседнем переулке сели в автомобиль марки «Жигули» вишневого цвета, номер... Машина принадлежит жителю Москвы. Два дня назад от него поступило заявление об угоне автомобиля от подъезда дома. В Москве и Московской области машина не обнаружена.

По имеющимся сведениям, преступники будут пытаться выехать из города.

Всем службам милиции приняты меры к обнаружению и задержанию преступников...»

— Часто такое случается, Владимир Михайлович?

— Это исключительный случай, тем более с угонм машины. Вам, можно сказать, «повезло».

При нынешнем положении службы ГАИ, ее технической оснащенности, уровне подготовки сотрудников угонять машину вообще-то бессмысленно. О происшествии сразу же становится известно всем постам и патрульным. Преступник может попытаться сменить номер, даже перекрасить машину. Но без специального оборудования это сделать практически невозможно, а на станции техобслуживания без соответствующих документов тем более.

В данном случае предполагается, что преступники будут пытаться покинуть пределы города по Рязанскому шоссе. Операция по их задержанию начнется около полудня. «Так что счастливого полета и мягкой посадки», — сказал нам на прощание полковник Пташкин.

Вылет назначили на утро.

...Прямо по курсу—солнце. Погода летная, как по заказу: ослепительная синь над головой и изумрудная зелень внизу. Пилот закладывает глубокий вираж, и под нами возникают пересекающие друг друга желтые и серебристые ленты дорог.

— Слияние старой и новой Рязанки,—раздается в наушниках голос командира патрульного вертолета ГАИ Юрия Николаевича Савостьянова.

Минуту назад на земле казалось, что

машины ползут медленно, плотным потоком, и шоссе явно узко для них: ни разогнаться, ни обогнать. А уж нарушить правила никак невозможно.

Сверху все выглядит совсем иначе. Сотрудники ГАИ фиксируют с вертолета за день до тридцати грубых нарушений.

— Ведь сверху видно все,—улыбается Борис Николаевич Сычев, командир взвода дорожно-патрульной службы, вспомнив слова популярной песенки, и добавляет:—Все как на макете.

...По сторонам от шоссе то и дело мелькают в зелени кустов и лесопосадок голубые блюдечки прудов и серпантин речушек. Яркими оранжевыми, красными, желтыми точками искрятся палатки туристов. Многие жители города проводят свои отпуска у водоемов Подмоскovie. Побродить по березовой роще, посидеть с удочкой для них истинное удовольствие. Но кое-кого, оказывается, манит сюда не волшебная красота леса и не годичной прочности подмосковный загар.

— Посмотри справа, Миша,—слышу голос пилота Савостьянова.

— Вижу в кустах машину. ГАЗ-69.

Вглядываемся и мы в прибрежную зелень пруда и... ничего не замечаем. Но Михаил Евграфов с высоты ста метров различает даже номера легковых машин, хотя смотрит на них почти отвесно вниз.

Вертолет разворачивается и идет на снижение.

— Браконьеры!—удивленно вскрикнул Михаил.

Точно. Озерцо пересекает пунктир белых притопленных поплавок. С берега их ни за что бы не разглядеть: они под водой, которая к тому же поблескивает на солнце. А сверху видны отлично.

Евграфов берет за микрофон.

— Я—«Орлик-1»! Вызываю «три двадцать четыре». У поворота на птицеферму в кустах машина браконьеров. В озере поставлена сеть. Ориентир—отдельно стоящая ель между двумя кустами орешника. Как поняли?

Товарищи поняли Михаила очень хорошо. Когда мы возвращались по трассе обратно, рядом с «газиком» уже стояла милицейская «Волга».

Обидно, что мы не можем здесь приземлиться и помочь в задержании браконьеров. Экипаж вертолета тоже, чувствуете, сожалеет об этом.

— Конечно,—шутит младший сержант милиции Евграфов,—лучший вариант—это летающий автомобиль. Но пока его не существует, вертолет—глаза нашей службы, а машины—ее руки.

Михаил снова взялся за микрофон.

— Я—«Орлик-1». Всем патрульным. Нахожусь над деревней Жилино.—Михаил прервал связь и повернулся к пилоту:—Юрий Николаевич, развернитесь вправо, поближе к лесу.

Он поднес к губам микрофон.

— Нахожусь над деревней Жилино. Кто подо мною?

— Я—«пять восемьдесят девять»,—раздалось в наушниках.—Вижу вас.

— Давайте за нами,—голос Евграфова звучал тревожно.—Похоже, лес горит.

Вертолет устремился к лесу, над которым поднимался чуть видный дымок. За высокими деревьями оказалась поляна, на которой догорала небольшая копна пересохшего сена.

Вертолет сделал несколько кругов над этим местом.

— Скорее всего мальчишки,—передал Евграфов на землю.—Найдете, спички отберите. Ну, счастливо!

— ...«Шесть двадцать три»! Я—«Орлик-1». Вызываю «шесть двадцать три»! — «Орлик-1». Я—«шесть двадцать три». Слушаю вас.

— Самосвал марки «ЗИЛ», регистрационный номер... Обгон в зоне действия знака «Обгон запрещен». Как понял? Прием!

— Вас понял.

После этого радиодialogа мы спустились с небес в самом прямом смысле. Из патрульного вертолета пересели в патрульную машину ГАИ.

Наш «Москвич» рванул к перекрестку шоссе с проселочной дорогой. Через минуту-полторы со стороны Москвы показался голубой самосвал. Водитель чувствовал себя уверенно. Какое же удивленное стало у него лицо, когда сержант милиции Александр Говоров поднял жезл, предлагая ему поставить машину у обочины.

Александр подошел, представился, попросил предъявить права. Водитель охотно подчинился. Он не чувствовал за собою никакой вины.

— Я так и думал,—спокойно произнес Говоров.—У вас уже есть просечка в талоне за нарушение правил обгона. А вы опять...

— Ничего подобного. Где же я нарушил? Сами смотрите...

Назревал затяжной и, судя по всему, бессмысленный разговор. Его прервал лейтенант Сычев, сопровождающий нас.

— Нарушение произошло на отрезке между развилкой шоссе и деревней Шилово.

— Откуда вы знаете? Там нет поста,—изумился шофер.

— Поста нет, а нарушение есть. Вас видел патрульный, находящийся в вертолете. Зафиксирован номер не только вашей машины, но и нескольких других. Водители, в том числе и тот, который был вынужден из-за вас заехать в кювет, могут подтвердить нарушение правил. Вопросы есть?

Вопросов не было. Как потом выяснилось, водитель самосвала обратил внимание на плакат у дороги, предупреждающий, что шоссе патрулируется вертолетом ГАИ, но не придавал этому большого значения.

— Почему?—спросили мы.—Неужели вы считаете, что такой большой и сложный участок трассы работники ГАИ оставят без присмотра?

— Непривычно как-то,—признался

ПО ПЕРВОМУ СИГНАЛУ С ПАТРУЛЬНОГО ВЕРТОЛЕТА НА МЕСТО ПРОИСШЕСТВИЯ ВЫЕЗЖАЮТ АВТОИНСПЕКТОРЫ.

Борис Сычев
фото В. В.

ОБНА

АНАТОЛИЙ АСАВИЧ
И ПАВЛА ПИЛИПОВИЧ

Попытка задержать!

ПЛАН ЗАДЕРЖАНИЯ ЯСЕН. ТЕПЕРЬ — ПО МАШИНАМ!

— Вижу машину «Жигули» вишневого цвета, регистрационный номер соответствует указанному в ориентировке Управления. Машина движется в сторону Московской области. Начинаю преследование. Всем передвижным постам ГАИ! Следите за мной!

«Москвич» выскок на пригорок. Далеко впереди на большой высоте показался вертолет. Он «вел» под собою преследуемые «Жигули».

Александр Говоров мельком взглянул на лейтенанта Сычева. Тот тоже заметил вертолет и понял, что именно их экипажу придется задерживать преступников.

— Я — «шесть двадцать три», — взял за микрофон командир подразделения, которому выпало возглавить операцию. — Все нормально. Мы идем навстречу. Прижмите его, как увидите нас. Нужно слугнуть его с трассы.

— Вас понял. Вас вижу.

Вертолет, немного обогнав преследуемые «Жигули», резко пошел вниз. Даже со стороны, с расстояния в несколько сот метров показалось, что винтокрылая машина вот-вот свалится на крышу автомобиля. И сидевший за ее рулем не выдержал. Он принял вправо и неожиданно для самого себя оказался перед проселочной дорогой. Не веря, видимо, своему везению, водитель что было сил нажал на газ. «Жигули» исчезли за кустами.

— Отлично, «Орлик»! Теперь не уйдут! — Борис Николаевич бросил микрофон на сиденье.

— Жми, Саша! — радостно и громко крикнул он Говорову.

«Жигули», резко крутанувшись, пытались развернуться — машину занесло к кювету, в глубокие рытвины. И в тот же момент дверца «Жигулей» распахнулась, из машины выскокнул сухопарый, широкоплечий мужчина. Он бросился бежать к лесу, на ходу скидывая пиджак, судорожно оглядываясь.

Вслед за ним кинулся Саша Говоров, а наперерез Сычев.

Мужчина бежал быстро, было заметно, что он вынослив и хорошо тренирован. И все же расстояние между ним и Говоровым сокращалось...

Саша с ходу попытался провести подсечку, но преступник, видимо, знакомый с приемами самбо, опередил его: он бросился Говорову в ноги. Сержант упал, однако успел захватить руку противника.

Схватка была скоротечной, и, как мы ни пытались увидеть ее детально, этого нам не удалось. Говоров навалился на задержанного и, наверное, сумел провести болевой прием. Раздался крик: «Все! Отпусти! Все!»

Задержанного повели к машине. Он шел, низко опустив голову, и мы на мгновение увидели, как мелко дрожат его губы.

...Полковник Пташкин, который помог организовать и провести эту учебную операцию, встретил нас с улыбкой.

— Как вам понравилась работа вертолетных патрулей? Я же говорил, что при современной оснащённости ГАИ машину угонять бессмысленно.

нарушитель. — Мало ли что пишут! Может, так, для остротки.

Нет, не слышно гула двигателей вертолета из кабины автомашины и не видно его, когда идет он над нею на высоте более ста метров: водитель не может себе позволить глядеть наверх — все его внимание приковано к дороге. Так что глубоко заблуждаются те, кто не верит надписи на транспаранте.

Кое-кто может подумать: «А зачем вообще нужно это предупреждение? Пусть нарушители правил движения и подвергаются наказанию. Проку, мол, больше, и в другой раз неповадно будет». Но у работников ГАИ, ответственных за это дело, иная цель — предупреждать происшествия, воспитывать водителей. Не вечно же одни будут нарушать, а другие штрафовать.

— ...«Шесть двадцать три»! — раздается в динамике радиации голос Михаила Евграфова. — Обеденный перерыв!

— И верно, время, — взглянув на часы, сказал Сычев. — Ребята на постах уже пообедали. Передай «Орлику», чтобы летел на площадку.

Не успел Александр взять в руки микрофон, как уже другим — отрывистым, незнакомым — голосом Евграфов произнес:

**СОТРУДНИКИ ГАИ ФИКСИРУЮТ
ЗА ДЕНЬ ДО ТРИДЦАТИ
ГРУБЫХ НАРУШЕНИЙ.**

БУДЕТ И В ТАЙГЕ УЮТ

Специалисты Шекинского деревообрабатывающего комбината позаботились о северянах. Только в прошлом году строители БАМа получили шестнадцать вагончиков-общежитий, сделанных в Шекино. Сибиряки по достоинству оценили новинку.

Внутри домика легко регулировать приток тепла. Если надо, то будет ташкентская жара. А вдруг кто-то предпочтет климат умеренной полосы? Что ж, температура свободно меняется от пяти до тридцати градусов тепла. Достаточно подойти к приборному щитку и повернуть ручку терморегулятора.

Есть в домиках встроенный в стену платяной шкаф, водонагреватель, сушилка, умывальник, санузел, пожарная сигнализация. Помещение рассчитано на четырех человек. Большая партия «инвентарных зданий контейнерного типа» отправится вскоре на Байкало-Амурскую магистраль. По плану будет изготовлено 850 общежитий, 100 столовых, 50 душевых.

Стало быть, возможен и в тайге уют...

Валерий ПЛЕШАКОВ

Фото Николая МЕЛЬНИКОВА

«ГОВОРЯЩИЙ» СНЕГ

Лавинная опасность... Как предотвратить бедствия, творимые многотонными потоками снега, которые время от времени низвергаются с вершин гор в ущелья со скоростью курьерского поезда? Чтобы ответить на этот вопрос, и ведут свои исследования молодые ученые Высокогорного геофизического института.

Работы идут в несколько этапов. На пике Чегет день и ночь несут свою нелегкую вахту сотрудники службы оповещения, работающие под руководством Владислава Белова. Они ведут наблюдения за структурой снежного покрова, его состоянием, несколько раз в сутки собирают и передают вниз метеосведения... На основании анализа всех этих данных и определяется сегодня степень лавинной опасности в данном районе.

Однако точность таких прогнозов пока еще не очень велика. Как говорит директор Высокогорного геофизического института Михаил Чоккаевич Залиханов, на сегодняшний день хорошо разработаны методы определения опасных участков. Предугадать же время схода лавин значительно сложнее. Здесь еще предстоит провести большой комплекс исследований. Над этим работают сотрудники лаборатории физики снега. И работают, оказываясь, чаще всего по ночам: днем физикам мешает солнце. Оно подтапливает снег, меняет его структуру. Ученым же для данного цикла исследований нужен снег, схваченный ночным морозцем. Ведь наиболее опасны лавины, сходящие именно ночью, когда все спит.

— Вот и приходится нам быть ночными совами, — сказал научный сотрудник Михаил Багов. — Кроме того, по ночам бывает тише, меньше посторонних звуков.

Дальше началась уже почти совершенная фантастика! Снег, оказывается, с точки зрения физики, надо считать... жидкостью. Хотя бы потому, что он течет вниз по склону. Течет даже тогда, когда кажется полностью неподвижным. Ученые замерили: даже в этом случае снег смещается на несколько сантиметров в сутки.

И это еще что! При своем движении вниз снег-жидкость еще и... кричит! Да-да, все обстоит именно так: во время своего движения частицы снега цепляются друг за друга, о неровности склона и издают звуки в ультразвуковом диапазоне частот. И эти звуки можно уловить высокочувствительными микрофонами. А если еще расшифровать, понять язык «говорящего» снега, то можно будет сразу же, без предварительных замеров, знать состояние снежного покрова, предугадать его дальнейшее поведение.

Причем снег сигнализирует о своем состоянии не только в непосредственной близости. Лавины обладают даже собственными «радиостанциями». Уже установлено: при сходе лавины снег и лед, кроме ультразвука, испускают еще и электромагнитное излучение. Причем снежные массы «говорят» по-разному. Скажем, у лавин из свежевыпавшего снега максимум излучения приходится на диапазон частот порядка одного мегагерца. Старый же, слежавшийся снег — фирн — ведет «радиопередачи» на более высоких частотах.

Олег СЛАВИН

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ВЕЧНО ЖИВАЯ «МЕРТВАЯ ПЕТЛЯ»

Полный виток самолета в вертикальной плоскости — знаменитая петля Нестерова. «Мертвой» называли ее современники. А оказалось, что она живет и поныне, а имя Петра Николаевича Нестерова — русского летчика, создателя высшего пилотажа, навсегда вошло красной строкой в историю отечественной и мировой авиации.

В Горьком живет дочь прославленного русского летчика Маргарита Петровна Нестерова. Бывшая актриса театра оперы и балета стала создательницей и хранительницей небольшого домашнего музея, посвященного памяти отца. Сначала были систематизированы альбомы с фотографиями, газетными вырезками, архив отца. Большую часть экспонатов передали в различные музеи страны — семейные остались здесь, в доме.

Уже тридцать пять лет существует этот уникальный музей. Маргарита Петровна бережно собирает все публикации о П. Н. Нестерове, сувениры, значки, почтовые открытки и марки, связанные с жизнью и работой отца. Сюда, в Горький, приходят посылки со всех концов страны. Школьники, рабочие, летчики пополняют экспонатами этот музей. И всегда открыты его двери, ни на один день не прекращает Маргарита Петровна свой благородный труд — помогает нам полнее узнать о легендарном летчике.

Виктор ТУРЬЯН.
Фото автора

На снимке: М. П. Нестерова с дочерью Наташей — внучкой знаменитого авиатора.

ПАМЯТЬ...

ГАЛСТУК НА ОГНЕННОМ ВЕТРУ

Железом и кровью прошла война по Белоруссии. Ее огонь унес немало и детских жизней. И вот здесь, на земле непокоренных, ныне цветущей, наполненной птичьими голосами, решено воздвигнуть монумент юным героям войны.

Редакция белорусской газеты «Зірка» и Союз архитекторов БССР объявили конкурс на лучший эскиз памятника. Победителем этого конкурса стал семиклассник из Волковыска Игорь Гулевский.

...Плывет, будто факел, красный галстук, бьется на огненном ветру. Озаряет землю нашу, будущее детей Страны Советов.

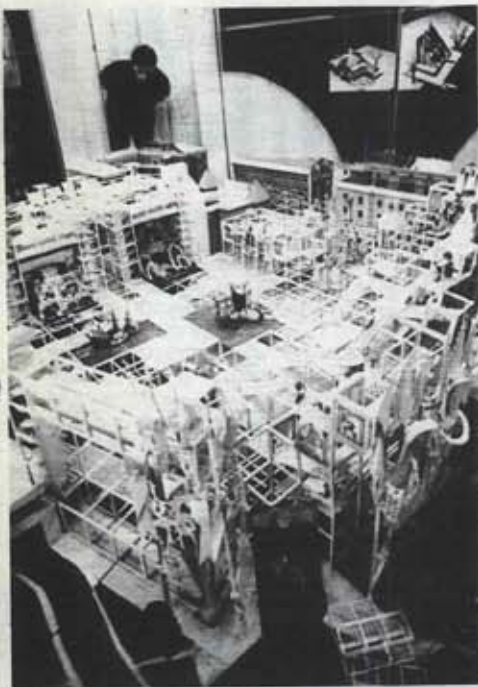
А
ЧТО
У ВАС?

ДОМАШНИЙ ПУЛЬТ

Молодые новаторы Витебского телевизионного завода создали пульт дистанционного управления (ПДУ). Он позволяет телезрителям управлять цветным телевизором на расстоянии до 6 метров без проводов. Управление в данном случае осуществляется с помощью инфракрасного излучения в импульсном режиме. Пульт дистанционного управления обладает высокой помехозащищенностью и имеет оригинальное решение схемы. В нем применены 73 полупроводниковых элемента и 25 интегральных схем серии 155, выпускаемых отечественной промышленностью для товаров народного потребления. Пульт состоит из передатчика и приемника. Передатчик миниатюрен — он помещается... на ладони и весит всего 120 граммов. Пульт может применяться в различных системах автоматики для управления магнитолами и радиоприемниками.

В отличие от существующего ПДУ, изготавливаемого в Минске, данная разработка позволяет выполнять до 15 команд вместо 6 при той же стоимости и использовании менее дефицитных деталей. Уже запланировано серийное производство этого прибора, созданного молодыми новаторами. Ежегодно экономический эффект составляет 50 тысяч рублей.

Иван НИКОЛАЕВ

«На площади появились гвардейцы. Зеваки бежали к боковым улицам. Тибул перешагнул через барьер и стал на карнизе. Он вытянул руку, обмотанную плащом. Зеленый плащ развевался, как знамя».

Это отрывок из сказки «Три Толстяка» Ю. Олеши, из удивительной по своей театральности сцены на Площади Звезды. О ней невольно вспоминаешь, глядя на макет необычного театра. Его авторы — студенты Московского архитектурного института.

Три года назад под эгидой ЮНЕСКО проводился конкурс «Театр будущего — глазами молодых». В работе студентов МАРХИ выдумки немало, но высшую награду конкурса — «Гран-при» ребята получили не только за смелость воображения. Авторы исходили из вполне конкретных условий. За основу был взят участок старой Москвы, ограниченный тремя театрами — Большим, Центральным детским и Оперетты. По замыслу, они объединены конструкциями, похожими на строительные леса. Здание такого «театра» может изменяться не только внутри,

но и снаружи, перестраиваться или менять внешние формы по воле постановщика. Подвижность конструкциям обеспечивает гибкая театральная техника. Причем авторы проекта предлагают использовать механизмы, до сих пор к театру отношения не имеющие, например, порталный кран. В считанные минуты он сможет превратить средневековый город в марсианский ландшафт. С помощью бульдозера и легкого синтетического вещества нетрудно создать и песчаные дюны и глубокие овраги. Для гастрольных трупп появляется чудесная возможность воссоздать внутренний облик своего театра. А в родном доме, как известно, и стены помогают. Театр будущего станет похож на киносьемочный павильон с его неограниченными техническими возможностями.

Он будет максимально демократичным. На празднества и представления он соберет тысячи зрителей. Как и в сказке Олеши, действие можно наблюдать, глядя из окон собственной квартиры. Кресла для зрителей предусматриваются и на крышах домов. Свобода и переменчи-

вость театрального пространства позволят находиться всегда в центре действия, участвовать в нем.

Архитекторы учли и другую тенденцию в развитии театра: стремление к наиболее интимной, индивидуальной среде для театрального действия. Оно прямо связано с уменьшением зрительного зала. По проекту каждая часть конструкции приспособлена под маленький театр. Таким образом, во всем комплексе одновременно может идти несколько спектаклей.

Елена АНТОНОВА
Фото Сергея КИРИЛЛОВА

Боровики... с музыкой

Когда в девятом отделочном цехе Ивановского мебельного комбината затевали устройство комнаты психологической разгрузки, возражений явных ни у кого не было. Один из законов НТР — увеличение роли поточных линий, конвейерного производства.

А в девятом цехе как раз и стоят поточные линии. По роликовой дороге всю смену тянутся непрерывной чередой древесностружечные плиты, покрываются полиэфирным лаком, сушатся. Уснути можно. И действительно, однажды случилось несчастье: задремал работник на мгновение... Именно после этой беды и возник вопрос о психологической разгрузке.

Из тесного закутка с аппаратурой радиомеханики Александр Мариничев провел меня в необычную комнату. Восемь кресел, разделенных лекалоподобными переборками, перед ними черные прямоугольники. Тишина. Внезапно зазвучала тихая музыка, прямоугольники медленно осветились и оказались крупными цветными слайдами, по одному на кабинку.

Можно выбирать березовую опушку под вечерним солнцем, тенистую аллею, россыпь ромашек или алых тюльпанов. Я предпочел по душевной склонности завидную семью крепких боровиков, достоверных до сырости на шляпках. Встретишь в лесу такую — забудешь от радости про все на свете. Но и тут, хоть не в твою корзинку прибыток, сразу хорошеет на душе.

Музыка успокаивает, успокаивает свет зеленых плафонов по бокам. Затем вспыхивают красные, а ритм цветомузыки становится убыстренным, тяжело отбивает его контрабас.

Так проходит десять минут. Все стихает. И будто не стоял я полдня у конвейера, словно действительно только что подышал лесным воздухом.

— Ну, как? — спрашивает Мариничев.

— Сюда бы врачей привести.

— Были, как же. Восторгались. Сказали: «Тут целая диссертация заложена».

К сожалению, диссертация пока не написана.

Но заместитель начальника цеха Дмитрий Дмитриевич Римский уже сегодня говорит:

— У нас нет текучести кадров, хорошо с качеством продукции, коллектив, по свидетельствам со стороны, лучший.

При цехе также есть чайная комната, отделанная деревом в русском стиле, красный уголок с бильярдом, шахматами и... собственной парикмахерской. Такие комнаты будут скоро и в других цехах комбината.

При мне к Римскому пришла Римма Васильчук, инженер, она приехала с Московского мебельно-сборочного комбината № 2 и принесла несколько коробок магнитофонных лент с просьбой записать на них сеансы с музыкальными программами, которые составляет радиомеханик Александр Мариничев.

— У нас точно такие же линии, все похоже. И неплохо вроде. Но нет должного уюта, тут мы от вас отстаем.

Я почувствовал, что, конечно, лестно и Римскому и Мариничеву: «Вот, мол, из Москвы в Иваново за музыкой приехали». Но ведь приехали не просто за музыкой. Приехали к добрым людям, умеющим делать добро. Этому поучиться — никакой дороги не жалко.

Павел МАЛИНИН
Фото Виктора ДЫНИНА

СПУТНИК-ПОЧТАЛЬОН

И в нашей стране и за рубежом вот уже несколько лет действуют космические линии связи. Через ретрансляционные спутники передаются на дальние расстояния метеосводки, телефонные разговоры, программы телевизионные...

В ближайшие годы предполагается ввести в действие космическую линию для передачи писем из Европы в Америку. При использовании такой системы письма, отправляемые в обычных конвертах, распечатываются на передающем пункте, прочитываются электронным «глазом» и в виде радиосигналов передаются на борт спутника связи. Там сигналы усиливаются и возвращаются на землю, уже в приемную антенну, на другой стороне океана. Печатающее устройство со скоростью 80 тысяч строк в минуту переводит полученные сообщения на бумагу, в точности копируя все особенности почерков отправителей. Затем письма автоматически запечатываются в конверты и доставляются адресатам.

Конечно, такая система больше подходит для деловых писем; не содержащих особых секретов, а не для личной корреспонденции. Впрочем, машины могут хранить любые тайны.

Станислав НИКОЛАЕВ

КУШАЙТЕ НА ЗДОРОВЬЕ!

САМАЯ ВКУСНАЯ

Чтобы по достоинству оценить продукцию фабрики «Красный Октябрь», надо сесть за стол, налить чашечку ароматного чая и... положить в рот эту продукцию. Правда, в подобном эксперименте вы не будете первопроходцами, потому что так оценивали изделия предприятия ровно сто двадцать один год назад. Слава одной из самых старых кондитерских фабрик страны растет год от года. Как талисман, ее охраняет мишка, один из тех забавных маленьких косолапых, которых вы хорошо знаете по известной картине Шишкина, что висит в Третьяковской галерее. Сначала все семейство удачно перекопчало на фантик полюбившейся конфеты, а в 1957 году мастера шоколадного дела, используя восемьдесят один килограмм чистого шоколада, отлили самого смешного мишку в полный рост. С брюссельской выставки мишка приехал с большой золотой медалью ЭКСПО-57.

Мишку отливали вручную. При изготовлении же серийной продукции главное слово за механизацией. В цехах работают сорок три поточные линии и двадцать четыре комплексно-механизированных участка. Мало того, созданная на «Красном Октябре» техника становится типовой и широко используется на других кондитерских фабриках страны. Этой сложной техникой на «Красном Октябре» командует молодежь. Ведь в почти трехтысячном коллективе фабрики больше половины — комсомольцы.

Сладкая фабрика на Москве-реке ежегодно вырабатывает почти шестьдесят тысяч тонн шоколада и шоколадных конфет, ириса и карамели, какао-порошка — всех названий вкусной продукции около двухсот!

К Олимпиаде-80 «Красный Октябрь» разработал новые рецептуры конфет ассорти «Лужники», «Регата», шоколада «Спорт», «Финиш», «Волейбол». С олимпийской символикой выпускаются прекрасно оформленные наборы «Первый бал», «Вдохновение» и другие.

Елена ШАПОШНИКОВА,
Рудольф АЛФИМОВ.

Далекое — близкое

К 600-летию
Куликовской битвы

И СИЛЫ БРАЛИ

Виктор БУГАНОВ,
доктор исторических наук,
заместитель директора
Института истории СССР
АН СССР

Велика и трудна история нашего Отечества. Заглянешь в нее, единым взглядом охватишь ее большак — и гордостью и горечью охватит сердце: тут что ни верста, то кровью полита, что ни событие, то урок на тысячелетие, и нравственный и политический. Издалека ешь уроки, черпаешь вдохновение, укрепляешься мужеством и верой в народные силы и мудрость.

Каждый из нас — ученик на Уроке Отечественной Истории, и следует нам четко знать события и факты, запоминать их и осмысливать, чтобы пользоваться этими знаниями ежечасно в дне сегодняшнем. История нашей Родины — это наша память. Человек без памяти — ничто; народ без истории, без национальной памяти немислим. События отечественной истории — могучий источник питания современного патриотизма.

Осмысливая прошлое Родины, лучшие его сыны обращают мысленные взоры к переломным моментам истории, когда боевые подвиги народа высветляют его духовную силу. В годы испытаний русская прогрессивная мысль постоянно обращалась к героическому прошлому Отечества, ища и находя в нем поддержку.

Так, в эпоху отражения нашествия Наполеона вспоминают о славной победе русских войск над полчищами Мамая в XIV веке полководец М. И. Кутузов, поэты В. А. Жуковский и К. Ф. Рылеев.

В грозную пору Великой Отечественной войны советского народа с гитлеровскими захватчиками среди образов великих предков, воодушевлявших наших, советских бойцов, были имена Александра Невского и Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова.

А в дни золотых юбилеев события давно минувших дней как бы снова приближаются к нам, получают новое осмысление, снова наполняют нас раздумьями о судьбах Родины.

Событие, связанное с «Мамаевым побоищем», с победой русского народа под руководством Дмитрия Донского на поле Куликовом, является выдающимся в истории нашего государства. Оно вошло в душу и память народа.

После страшного «Батыева разорения» в конце 30-х — начале 40-х годов XIV века, когда на Руси установилось проклятое иго властителей Золотой орды, после полутора столетий борьбы русского народа с иноземными захватчиками — к 70—80-м годам XIV века наступал момент решающей схватки с врагом.

В условиях непрерывной героической борьбы с ордынскими завоевателями шел процесс объединения русских земель вокруг Москвы, процесс образования великорусской народности, развитие ее культуры, национального самосознания.

В Золотой орде, напротив, нарастали тенденции к распаду, раздробленности между многочисленными потомками Чингисхана. Но иногда появлялись сре-

ди них могущественные временщики, каким был темник Мамай, объединивший в своих руках большую часть Золотой орды. Окрепшая Русь к тому времени не раз бросала вызов своим поработителям. Так было в 1373 году, когда, по свидетельству летописцев, великий московский князь Дмитрий Иванович с братом своим Владимиром Андреевичем, князем серпуховско-боровским, пришли с войсками «на берег к Оке реке и татар не пустили, и все лето там стояли». То же повторилось через три года. Русские земли стали платить дани меньше, чем в прошлые времена. Проявлялось неповиновение, открытое противостояние ордынским властителям. Начались карательные экспедиции Орды. После поражения русских на реке Пьяне враги разорили

А. БУБНОВ.
«УТРО НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ»

У РОДНОЙ ЗЕМЛИ...

Нижний Новгород, его окрестности и все Засурье. На следующий год Мамай, «собрав вой многи», послал их против князя Дмитрия Московского. Ордынское войско, возглавленное опытным Бегичем, направилось к Коломне по правобережью Оки. Московские полки встретили его на реке Воже, правом притоке Оки. 11 августа 1380 года «зело при вечере» воины Бегича переправились через реку и напали на центр русского войска. Мощный контрудар русских из центра и с флангов окончился полным разгромом ордынцев: они, по свидетельству летописи, «побежали за реку Вожу, побросав копья свои, и наши (то есть русские воины.—В.Б.), вслед за ними погнавшись, били, секли, кололи и напололам рассекли и убили их множество, а иные в реке

утонули»; погиб в числе многих и сам Бегич. Победа на Воже снова показала возросшую силу Руси в борьбе с угнетателями. «Дмитрий Донской совершенно разбил монголов на реке Воже... Это первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими» — так отозвался К. Маркс об этом сражении, которое знаменовало собой переход Руси к решительному противостоянию Орде на поле брани.

События 70-х годов, несмотря на их немалое значение, были лишь прологом к тому, что произошло два года спустя после поражения Орды на Воже. Вызов был брошен, приближалось решающее столкновение грандиозных масштабов. Мамай, получив известие о поражении и гибели Бегича,

организовал поход, размах которого поражал современников, русских и иноземных. Он вышел из Орды на Русь «со всеми князьми ордынскими, с всею силою татарскою и половецкою»; в его разноязычном войске находились представители многих мусульманских народов («бесермены»), жителей Поволжья («буртасы»), черкесы и осетины («ясы») с Северного Кавказа, армяне (жили и торговали в городах по Волге) и даже итальянцы («фряги») из Крыма, торговавшие с тем же Поволжьем. Войско, выставленное Золотой Ордой, которая продолжала оставаться могущественным в военном отношении государством, насчитывало огромное число воинов — вероятно, до 150 тысяч человек. С таким войском Мамай замыслил, как сообщает русская «Повесть о побоище на Дону», «разорить русские земли, «как при Батые было», и полностью восстановить ордынскую власть на Руси.

О приготовлениях и приближении вражеского войска Дмитрий Иванович узнал от своей стражи, дежурившей в степи на реке Воронеж, притоке Дона, летом 1380 года, вероятно, в конце июля. Был объявлен сбор сил — в основном войско Дмитрия составляли русские люди: кроме того, с князем вольнским Дмитрием Михайловичем Боброком пришло, вероятно, некоторое число украинцев, а с князем полоцким Андреем Ольгердовичем — белорусы. Под стяги князя Дмитрия Ивановича воины пришли из разных земель Северо-Восточной Руси. Это были в основном ремесленники, крестьяне, которых источники именуют «молодыми людьми», то есть неизвестными, представителями общественных низов. Основной костяк этих ополченцев, народного войска составили москвичи — «небывальцы», по характеристике летописей, люди, не бравшие до этого в руки оружия, не воевавшие в боях. Один из летописцев сообщает имена некоторых простых людей — Юрка Сапожник, Васюк Сухоборец, Сенька Быков, Гридя Хрулец. Именно они и им подобные «молодые люди», «небывальцы» и стали основной силой войска; это был сам русский народ, поднявшийся на защиту Отечества.

Половина или даже две трети земель Северо-Восточной Руси прислали своих ратников в войско Дмитрия Московского. Грандиозное военное предприятие, организованное Москвой, рассматривалось как дело общенародное. Тогда, в конце XIV столетия, без преувеличения можно сказать, велась Отечественная война за освобождение родной земли от тяжелого гнета.

Как принято считать историками, перед походом Дмитрий Иванович Московский побывал в Троице-Сергиевом монастыре, у его игумена и основателя Сергия Радонежского. Авторитет и слава этого человека, высокообразованного дипломата, просветителя, к тому же человека в быту очень скромного и непритязательного, болевшего душой за свою землю, мечтавшего, как и все русские люди, об избавлении от ордынского ига, были исключительно велики. Вести о разговоре Дмитрия с Сергием, который дал ему благословение на борьбу с Мамаем, быстро распространились по градам и селам и вдохновляли народ, способствовали росту его сплоченности и решимости. Игумен дал Дмитрию двух монахов-богатырей Пересвета и Ослябю, которые отправились с ним в поход.

Общая численность русского войска, вероятно, достигала 100 с лишним тысяч человек и была меньшей в сравнении с количеством воинов Мамаю. Таким образом, в предстоящем сражении должно было участвовать более 200 тысяч воинов. Вооружение русских ратников, пеших и конных, составляли копья и мечи, сабли и булавы, сулицы (легкие метательные копья), луки и стрелы; почти все имели щиты, многие — шлемы и кольчуги. Войско состояло из полков, делившихся на тысячи, сотни, десятки. Основная часть военных сил, находившаяся во время сражения в центре боевого построения, входила в большой полк; левый фланг назывался полком левой руки, правый фланг — полком правой руки, авангард — передовым, арьергард — сторожевым полком. Кроме того, существовали резервный, засадный полки, легкоконная разведка.

Хорошо поставленная сторожевая служба — раз-

ведка на южной степной окраине — позволила впервые узнать о подходе Мамаю.

...Дмитрий Московский энергично готовится к отпору — собирает в Москву князей и воевод; на совете они решают послать по городам гонцов с призывом собрать дружины в Коломне к первой половине августа.

План Мамаю состоял в том, чтобы, продвигаясь вдоль Дона к его верховьям, соединиться здесь или у Оки с силами своих возможных союзников, в первую очередь с войском литовского князя Ягайлы. Ордынский предводитель спешил: приближалась осень с холодами и распутицей, которые затруднили бы действия татарской конницы.

В конце августа войско, собранное в Москве, вышло в поход. Стоял ясный и тихий день. В Кремле, на площадях и улицах, стенах и башнях, стояло множество людей; жены по обычаю давали мужьям «конечное целование», понимая, что многие из них не вернутся с побоища. На борьбу с врагом в составе трех отрядов — колонн вышло из столицы более 100 тысяч воинов.

«Кони ржут на Москве, звенит слава по всей земле Русской. Трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпухове, стоят стяги у Дона Великого на берегу. Звонят колокола вечные в Великом Новгороде... Съехались все князья русские к Дмитрию Ивановичу» — такими поэтическими словами Софоний Рязанец в «Задонщине» описывает по свежим следам событий царившее в те дни настроение национального подъема, воодушевления, готовности жертвовать жизнью за Русь.

Колонны войск выходили из Кремля через Никольские, Фроловские (Спасские) и Константино-Еленинские ворота. Отряд Владимира Андреевича, двоюродного брата Дмитрия Ивановича, шел в Коломну по Брашевской дороге, белозерские князья со своими силами — Болвановской, сам великий князь — Серпуховской дорогой. «Тогда ведь как соколы,— повествует «Сказание о Мамаевом побоище»,— оторвались от золотых колодок, из каменного града Москвы и возлетели под синие небеса и воззрели своими золотыми колокольчиками, хотят ударить на многие стада лебединые и гусиные. Это, брат, не соколы вылетели из каменного града Москвы, это выехали русские удалцы со своим государем, с великим князем Дмитрием Ивановичем, а хотят напасть на великую силу татарскую». Автор «Сказания» видит доброе предзнаменование в том, что князю Дмитрию «солнце... на востоке ясно сияет, путь ему показывает», а «вслед ему тихий ветерок веет».

В Коломне на Девичьем поле Дмитрий Иванович на смотре войска назначает в полки князей и воевод. Затем войско двинулось на запад, к устью Лопасни, и здесь переправилось на южный берег Оки. По пути к Дмитрию присоединились «остаточные» отряды. Непрерывно высылались в степь разведывательные отряды — сторожи.

В «диком поле» к югу от Оки ратники шли осторожно — в степи возможны неожиданные нападения ордынской конницы. Оба войска медленно сближались. Русское войско переправляется на южный берег Дона у впадения в него реки Непрядвы. Ратники видели перед собой низменную равнину: здесь, в болотцах, обитали кулики, отсюда и название — Куликово поле. Равнина несколько поднималась к югу, в направлении Красного, то есть красивого, холма. Русское войско расположилось в северной части Куликова поля; в тылу позиции шумели воды Дона, с правого фланга протекали Непрядва с ее притоком Нижним Дубняком, с левого — речка Смолка; по обоим флангам шли глубокие и густые леса, что должно было затруднить маневренные возможности Мамаевой конницы.

На рассвете 8 сентября русские полки заняли боевые позиции. В Зеленой дубраве Дмитрий поставил конный засадный полк.

Утром на Куликовом поле распространился сильный туман — «мгла великая по всей земле, как тьма». Часам к 11 утра туман наконец рассеялся. Затрубили трубы, заиграли зурны, рассыпалась дробь барабанов и бубен. Трепетали на ветру знамена. Дмитрий Иванович «повелел полкам своим выступати», сам он снял великокняжеское платье и доспехи и передал их боярину Михаилу Бренку, облачившемуся в них и ставшему под черным стягом главнокомандующего. Дмитрий Иванович надел платье простого воина и перешел в первые ряды своей рати.

— Княже,— убеждали его воеводы,— не становись впереди биться, но стань сзади или на крыле, или где-нибудь в другом месте.

— Да как же,— отвечал Дмитрий Иванович,— я скажу кому-нибудь: «Братья, встанем крепко на врага!» — а сам встану сзади и лицо свое скрою? Не могу я так сделать, чтобы таиться и скрывать себя, но хочу как словом, так и делом прежде всех начать и прежде всех голову положить, чтобы прочие, видя мое дерзновение, так же сотворили с мною усердием».

Войско Мамаю продвинулось с холмов к северу навстречу русским. Воины той и другой стороны, выставив копы, встали друг против друга: «...и не было места, где им расступиться, и страшно было видеть две силы, сходящиеся на кровопролитие». Сражение по традиции началось поединком. Из ханских рядов выехал богатырь Челубей, из русских — инок Пересвет без кольчуги, в монашеской мантии. Разогнав коней, они ударили копьями, и оба упали мертвыми. Битва началась.

Враг обрушился всей мощью на передовой полк и, несмотря на его героическое сопротивление и собственные потери, уничтожил его. Находившийся среди воинов передового отряда Дмитрий Иванович «прежде всех стал на бой и впереди с татарами много бился»; его со всех сторон обступили враги, его доспехи были избиты, самого Дмитрия «много по голове и по плечам и по животу... били и кололи и секли, но спасся он от смерти, только утомлен был от великой битвы почти до смерти».

Ордынцы ворвались в ряды большого полка, завязалась кровопролитная сеча. «И была брань крепкая и сеча злая, и лилась кровь, как вода, и падало мертвых бесчисленное множество от обеих сторон... Не только оружием убивали, но и под конскими ногами умирали, от тесноты великой задыхались, потому что не могло вместиться на поле Куликовом, между Доном и Мечой, такого множества сошедшихся сил».

Большой полк, в значительной степени состоявший из ополченцев-крестьян и горожан («пешая русская великая рать»), нес большие потери: погиб и Михаил Бренк. Но полк стоял. Его поддержали суздальские и брянские дружины из резервного полка. Не сумев одержать верх в центре, Мамай перенес главный удар на правый фланг русского войска, но и здесь не удалось сломить русских воинов. Наконец, яростная и страшная атака мамаевой конницы смерчем обрушилась на полк левой руки. Наступили самые драматические минуты побоища. «И тут пешая рать, как дерево, сломилась, и начали татары одолевать». Левый фланг медленно отступал к Непрядве, вражеская конница с воем устремилась вперед, не устоял и резервный полк. Мамай, руководивший боем с Красного холма, уже торжествовал скорую победу — его конница обходила с фланга русский центр.

В этот критический момент неожиданно для врага вступил в бой засадный полк князя Владимира Андреевича и Дмитрия Михайловича Боброка-Вольнца. Источники сообщают о нетерпении воинов, стремившихся поскорее вступить в бой, прийти на помощь сражающимся и гибнущим собратьям. Но «мудрый и удалой воевода» князь вольнский Дмитрий Михайлович останавливал их, ждал урочный час. Он настал во второй половине дня, когда уже несколько часов длилось страшное сражение.

— Час пришел! — крикнул Боброк-Вольнец, и свежая русская конница вихрем вырвалась из Зеленой дубравы; ее удар во фланг и тыл ордынцам был настолько стремителен и страшен, что они были смяты и разгромлены; часть вражеской конницы бросилась бежать к Непрядве и потонула в ее волнах, другая — к Красному холму, смывая на пути собственную пехоту. Перелом сражения определился — русские полки, воодушевленные натиском засадного полка, перешли в общее наступление. «И побежали полки татарские, а русские полки за ними погнались, били и секли. Побежал Мамай с князьями своими в малой дружине. И гнали их до реки Мечи (Красивой Мечи.— В. Б.), а конные полки гнали до станов их и захватили имения и богатства их много».

Войско Мамаю было разгромлено наголову и перестало существовать.

Русские воины во главе с Дмитрием Ивановичем, прозванным после Куликовского побоища Донским, восемь дней оставались на месте, торжествуя победу над врагом — стоя «на костях» ордынских. Потери московского войска были велики — по летописным данным, великий князь услышал от своих воевод: «Княже, осталось всех нас 40 тысяч».

После погребения павших воинов Дмитрий Донской с оставшимся воинством возвращается в Москву.

Колокольным звоном, радостными кликами встретила Москва победителей. После Куликовской битвы Русь расправила свои могучие плечи.

Победа русского народа поражала воображение современников и потомков. Слава о Куликовской битве, по словам автора «Задонщины», донеслась до Кафы в Крыму и Железных ворот (Дербента) на Кавказе, до Тырнова — столицы Болгарии и Константинополя — столицы Византийской империи, наконец, до самого Рима. Немецкий писатель XV века Кранц, отражая впечатление, которое произвела Куликовская битва в Западной Европе, записал, что «произошло страшное сражение, какое только известно было на памяти людей».

На Руси одно за другим появляются повести и сказания о Куликовской битве, ее описывают в своих сочинениях летописцы. Художники во фресках, иконах, в миниатюрах изображают события того славного времени.

Несмотря на то, что через два года после Донского побоища, как еще называют источники это сражение, хан Тохтамыш взял и сжег Москву, а впоследствии ордынцы еще не раз «изгоном» (неожиданно, внезапно) нападали на Русь, несмотря на то, что русские князья должны были откупаться от Орды даяниями, а зависимость от нее (конечно, в более слабой форме) продолжалась еще столетие, — Куликовская битва сыграла огромное значение в истории России и сопредельных стран. Она дала новый мощный толчок, с одной стороны, объединению Руси, национально-освободительной борьбе ее народа против Золотой орды; с другой — распаду последней на более мелкие ханства (Казанское, Сибирское, Крымское и другие), борьбу с которыми Россия вела в течение XV—XVIII веков и в конце концов довела до успешного конца.

Куликовская победа — славная страница боевого, героического прошлого русского народа, прекрасный образец стратегического искусства русских полководцев конца XIV века, их умелой тактики в ходе сражения, которое проходило по плану, ими разработанному и последовательно осуществленному. Основной силой, главным героем грандиозного сражения, ставшего одним из важнейших рубежей в истории Отечества, был русский народ, посланный на поле Куликово своих сынов — ремесленников и пахарей, людей простых и подчас не очень опытных в ратном деле, но воодушевленных великой целью, выполнявших и выполнивших наущенную национальную задачу — дать отпор новому нашествию, которое грозило Руси еще одним «Батыевым погромом».

Прямым следствием Куликовской победы, общего нарастания национально-освободительной борьбы русского народа был подъем во всех областях жизни. В это и более позднее время отмечен рост сельского хозяйства и промыслов, городов и торговых; быстрее пошло политическое объединение русских земель вокруг Москвы.

Рост народного самосознания способствует расцвету русской национальной школы живописи, о чем красноречиво говорят творения Феофана Грека и особенно Андрея Рублева. В литературе той поры, в повестях и сказаниях, летописях и житиях святых воспевается славное прошлое русской земли времен независимости Руси (до Батыева нашествия) и прославляются подвиги героев Куликова поля. Возрождаются старые архитектурные традиции: проходит реставрация построек Киева, Новгорода, Владимира. В послекуликовскую пору в единый цикл складываются различные местные сказания — былины, герои которых объединяются вокруг единого центра — Киева во главе с князем Владимиром Красное Солнышко. Тогда же «областные» летописи включают в состав грандиозных общерусских летописных сводов, начинающихся «Повестью временных лет», составленной в Киеве в самом начале XII века.

Куликовская победа дала мощный толчок движению Северо-Восточной Руси к общей национальной цели — объединению и национальному освобождению. Воинский труд, выполненный русским народом в памятный день 8 сентября 1380 года, дал возможность Москве и Руси в целом продолжить и с успехом завершить это двуединое дело — объединить земли в мощное государство и освободить народ от ига Орды.

Окончательное освобождение от иноземного владычества произошло в 1480 году после сражений на реке Угре. Эти два великих события нашей истории стоят друг от друга на столетие, и в нынешнем году мы отмечаем два славных юбилея — 600-летие Куликовской победы и 500-летие национального освобождения России.

ЦИРК — ЭТО ЮНОСТЬ

Имя Валентина Филатова, выдающегося мастера арены, создателя прославленного «Медвежьего цирка», человека, чье творчество войдет яркой страницей в историю советского цирка, широко известно и у нас в стране и за рубежом.

К сожалению, сегодня его уже нет среди нас. Всего несколько дней не дожидаясь артист до 60-летия советского цирка, а также 30-летия созданного им аттракциона «Медвежий цирк». В дни Олимпиа-

ды-80 Валентин Иванович собирался выступить с программой, подготовленной специально для этого спортивного форума, уже были расклеены афиши в крупнейших городах мира, новому аттракциону посвящены памятные медали, значки, жетоны... Но сердце, трижды израненное инфарктами, на этот раз не выдержало.

Публикуемая ниже «Автобиография» В. И. Филатова написана им специально для «Смены».

Валентин ФИЛАТОВ, народный артист СССР, лауреат всесоюзных и международных фестивалей и конкурсов циркового искусства

Сегодня цирк немыслим без дрессированных животных: без них искусство во многом утратило бы свое очарование. История же развития этого циркового жанра у нас в России свидетельствует, что дрессировкой русские люди славились во все времена. При царском дворе существовали даже специальные медвежьи курсы в Невской лавре. И уже тогда русские дрессировщики творили чудеса. Судя по заметке в «Санкт-Петербургских ведомостях», крестьяне однажды привели в город двух медведей, которые исполняли «именно: как сельские девки смотрятся в зеркало; как судьи сидят за столом; на задних лапах танцуют; задними ногами перебрасываются через цепь; борются; ставши на задние лапы и воткнувши между оных палку, ездят, как малые ребята; берут палку на плечо и с оною маршируют...».

Эта старая газетная выдержка уже дает достаточно ясное представление о дрессировке медведей. Позднее появились профессиональные дрессировщики с обширным запасом трюков, при помощи которых создавались художественные образы. Да, да, именно образы, ибо, как и всякое другое искусство, цирковое требует духовной наполненности, вдохновения. Умелыцы, поражающие своим мастерством, но не создающие образов, остаются за пределами настоящего искусства. Цирковому же дрессировщику, помимо демонстрации его подопечными разнообразных трюков, надо еще самому создать образ смелого, но доброго повелителя животных. В нашем цирке господствует гуманная школа дрессировки, которая исключает жестокость в обращении с животными, глумление над ними. Именно эта школа принесла славу таким корифеям манежа, как В. Г. Дуров, Б. А. Эдер, А. Н. Буслаев, И. Н. Бутримов, А. Н. Корнилов... Все они «разговаривали» со своими грозными питомцами ласково, уважительно, любя их всем сердцем и душой. И дед мой, Лазарь Филатов, дрессировщик львов, основатель нашей, филатовской, династии, прививал моему отцу, Ивану Лазаревичу, эту фанатичную любовь и привязанность к животным.

Отец любил изучать их нрав, подолгу с ними возился. Днем, возвращаясь из школы, я часто заставлял отца сидящим на табурете у клеток: он мог часами внимательно следить за поведением питомцев — львов, ягуаров, обезьян, попугаев, медвежат... Не случайно после Октябрьской революции отец стал (помимо работы в цирке) одним из руководителей Зооцентра — организации, снабжавшей животными все зоопарки и цирки Советского Союза.

Но, как это часто бывает, он не хотел, чтобы я пошел по его стопам и стал цирковым артистом (как, впрочем, и другие 12 его детей). «Я из-за цирка столько горя хлебнул, что и не рассказывать», — говорил он. — Недоучка, чунта ел-еле... А пишу-то — в каждом слове ошибка... Так что, сын, учись, получай образование, а о цирке забудь».

Но как я мог забыть о цирке, если в нем родился?!

Первые звуки, которые я услышал, были марши цирковых оркестров да рычание хищных зверей. Первые запахи, которые я запомнил, — запахи цирковой конюшни и свежих древесных опилок на манеже. Как и все дети цирковых артистов, я мечтал о цирке. Подражал фокусникам, акробатам,

жонглерам. В акробатике у меня были кое-какие успехи, и артист цирка Иванов уговорил отца отдать меня к нему в ученики. Учился я прилежно и вскоре уже стал выходить на манеж. Мой дебют состоялся в 1926 году на ярмарке в городе Кинешме, а через два года в Гусь-Хрустальном произошел случай, явившийся, по существу, первым моим «боевым крещением» в работе с животными. Стояло знойное лето. В темном и тесном проходе цирка-шапито медведь Колька вырыл себе глубокую яму, в которой искал спасения от жары. Отработав свой номер и попав с ярко освещенного манежа в полутьму кулис, я на секунду остановился, забыв о существовании этой ямы. В тот же момент медведь с ревом выскочил из своего укрытия и заключил меня в свои объятия. Я отчаянно закричал. К счастью, отец и братья находились поблизости. До сих пор у меня на спине сохранились внушительные рубцы от этой первой встречи с медведем. Все обошлось благополучно, но это происшествие надолго вселило в меня страх к хищникам. И все-таки любовь к разному зверью не покинула меня даже тогда. В нашей московской квартире был самый настоящий зверинец: там жили, — правда, временно — и маленькие ягуары, и львята, и медвежата, а постоянную прописку имели попугаи, обезьянки. Несмотря на отсутствие специального образования, отец был большим знатоком животных. Даже помогал ученым составлять рационы питания зверей.

В Московском зоопарке, кстати, и сегодня слоны получают завтраки, обеды и ужины по «меню», составленному отцом вместе с одним из крупнейших советских ученых-зоологов — профессором Мантейфелем. А о лечении животных и говорить нечего! Чуть что случилось в цирке или зверинце, сразу посылали за отцом: ветеринары не очень-то любят иметь дело с хищниками. Неудивительно, что в такой обстановке любовь моя к животным росла не по дням, а по часам, а об истории с Колькой я вспоминал как о давнем сне. Во мне крепло желание стать дрессировщиком. Да и рассказы отца об удивительной, интересной артистической жизни будоражили воображение. Один такой рассказ — о встречах с М. Горьким — запечатлелся в памяти особенно четко.

В 1903 году на нижегородской ярмарке отец содержал балаган. Главные мужские роли играли отец и А. Н. Орлов — известный на Волге песенник и куплетист, человек необычайно талантливый. С ним отец проработал 12 лет. До этого Орлов много бродяжничал, во время скитаний познакомился с Горьким, они стали друзьями. Когда балаган прибыл в Нижний Новгород, Орлов немедленно отправился на розыски Алексея Максимовича. Оказалось, что писатель уехал в Москву. Орлов списался с ним, пригласил на пасхальные представления, и тот приехал.

В балагане давали пантомиму «Рекрутский набор». Орлов с Горьким прибыли задолго до начала программы. Отец показал писателю зверинец, конюшню, артистические уборные. Горький интересовался буквально всем, вплоть до того, как отапливается балаган. Его очень удивило, что специальным указом полиции в балагане запрещено ставить печи и потому единственным источником тепла служат лампы-«молнии». Узнав, что эти лампы поглощают ежевечерне около двух пудов керосина, Горький рассмеялся:

— На одном керосине прогореть можно!

Смотрел он представление с увлечением, удивлялся фокусникам, весело и заразительно смеялся над шутками клоунов. После представления в балагане состоялся ужин. Артисты показывали Горькому шуточные номера, пародии, танцевали, пели русские песни. Алексей Максимович подтягивал. Потом все отправились на набережную Волги смотреть ледоход. По дороге снова беседовали о цирке.

— Не терплю паноптикумов, — говорил Горь-

кий. — В цирке надо не уродство, а красоту показывать! Слава богу, что у вас в балагане нет ни бородатых женщин, ни женоподобных мужчин, ни сросшихся телами близнецов. Искусство не смеет будить в человеке дурное, некрасивое. Наоборот, оно должно возвышать, очищать его от скверны!

Орлов попросил Алексея Максимовича написать что-нибудь для их цирка.

— А что, если вам попробовать поставить мою новую пьесу «На дне»? — предложил Горький. — Силы у вас хорошие, может получиться очень интересно!

— А где ее играют? — спросил Орлов.

— В Москве, в Художественном театре.

Орлов махнул рукой — куда нам тягаться с таким театром! Но все же предложение Горького всех заинтересовало, и Алексей Максимович сам читал ее артистам.

Вскоре он уехал, а отец и Орлов взялись за постановку. Оба по очереди репетировали роль Барона. Наняли специально хорошую капеллу в 18 человек, включили в текст много песен и плясок.

Шла пьеса с огромным успехом. Ставили ее на манежах Саратова, Орехово-Зуева, Пензы, в Москве... Горький часто приезжал на представления и жил в гостях у артистов цирка по несколько дней...

Итак, я все больше и больше увлекался дрессировкой. Выступал со зверями и попугаями на школьных вечерах самодеятельности, приводил одноклассников домой, показывал им своих питомцев. Отцу не нравилось все это: близился экзамены, а я заканчивал седьмой класс. Родители хотели, чтобы я продолжал учиться, я же упорно твердил, что хочу стать дрессировщиком. В это время известный дрессировщик хищников А. Н. Корнилов репетировал большой цирковой аттракцион в зверинце, расположенном на Ярославском рынке. У отца созрел «коварный» план. Он решил устроить меня помощником к Александру Николаевичу, предварительно условившись с ним, что меня поставят на самую тяжелую и грязную работу — ухаживать за животными. Расчет был такой: потаскает, мол, навоз, намучается как следует и перестанет валять дурака, будет учиться дальше. Однако все получилось иначе: я еще больше полюбил животных, изучая их повадки и нравы, приглядываясь к работе дрессировщика.

Вскоре Корнилов поехал на гастроли в Киров, и я решил последовать за ним. Отец с матерью запротестовали. Окончательно поссорившись с родителями, я сбежал из дому. Так я впервые в жизни один отправился в далекое путешествие на полу пультмановского товарного вагона, разместившись между клетками с птицами, змеями, львами, гиенами, антилопами...

У А. Н. Корнилова я работал с 1936 по 1940 год. За это время ни разу не видел ни отца, ни мать, и поэтому, когда, наконец, снова оказался в Москве, радости и моей и родителей не было предела. Отец внимательно слушал четырехлетнюю историю моих скитаний с Корниловым и сказал:

— Ну что же, Валя, как говорится, от судьбы не уйдешь. Работай и дальше с Александром Николаевичем. Судя по всему, ты уже многому научился и теперь, пожалуй, можешь самостоятельно сделать собственный номер. И начинай с медведей, с тех, от кого «крещение» получил!

Наутро поехали с отцом на Сельскохозяйственную выставку, в Уголок юннатов. Я увидел просторный вольтер, в котором гонялись наперегонки два пушистых медвежонка — Буркет и Дымка. Мог ли я тогда предполагать, что мой первый номер с этими медвежатами послужит в будущем основой для создания большого циркового аттракциона из тридцати мишек, аттракциона, который увидят свыше 40 миллионов зрителей в 37 странах мира!

Итак, забот у меня прибавилось. В первые же дни войны цирк, в котором я работал, эвакуировали на Урал, потом в Сибирь. Рабочих рук в цирке не хватало. Случалось работать и униформистом и даже помощником у одного из самых популярных артистов цирка, Эмиля Теодоровича Кио. Приходилось, согнувшись в три погибели, сидеть в «секретных» аппаратах, перелезая незаметно из одного ящика в другой. Я участвовал в трюке «Сжигание женщины», давал себя «распиливать» пополам электропилой, словом, постиг все тайны «черной и

белой магии». Надо сказать, что Кио всегда требовал от своих ассистентов скрупулезной точности и предельного внимания. Помню, как один из участников аттракциона «Домик на окраине Парижа», видимо, по рассеянности открыл не ту дверь, которую следовало открыть. И публика увидела распластавшихся вдоль стенок и подвешенных к потолку «домика» людей. Зрители от души хохотали, а Кио убежал с манежа и за кулисами до хрипоты кричал на рассеянного помощника. Но такие ЧП случались у него крайне редко — может, два-три раза за всю его жизнь.

Ассистировал я тогда не только Кио, но и другим артистам. После представления шел репетировать с Буркетом и Дымкой. Занятия вел в небольшой комнатенке при конюшне, которая представляла собой нечто среднее между столярно-слесарной мастерской и лавкой старьевщика: повсюду валялись гвозди, куски железа, бруски, инструменты, доски... Среди этого хлама стояло мое детище — медвежий велосипед, смонтированный из двух старых. Это страшилище на колесах насмерть перепугало Буркета и Дымку. Они при первых же моих попытках усадить их на велосипед и привязать ремнями вырывались из рук, кусались и дико орала. Я выбивался из сил, но никак не мог заставить своих «артистов» не только прокатиться на велосипеде, но даже близко к нему подойти. Приучая сидеть в седле, буквально закармливал их сладостями, и так продолжалось до тех пор, пока Дымка однажды сама не вскочила в седло. Усевшись, она сразу же потянулась за сладким. Задние лапы Дымки были затянуты в башмаки, прикрепленные к педалям. Дымка ворчала, но твердо знала, что за каждый поворот педалей получит кусок сахара. Сначала педали крутил я сам, потом приучил к этому Дымку. Но самым трудным оказалось научить ее сохранять равновесие. Пришлось изготовить некое подобие коротких вожжей. Ими я помогал медведице держать руль и двигаться вперед; сам бежал перед велосипедом, тянул его по манежу и направлял. И вскоре — о радость! — Дымка перестала падать. Она «сообразила»: чтобы не упасть, следует поворачивать руль в ту сторону, куда наклонялся велосипед. С миской пахучего светлого меда я бежал перед Дымкой. Чувствуя ароматный запах и видя, как заветное лакомство от нее удаляется, она изо всех сил нажимала на педали. Я бежал и прямо и зигзагами, но Дымка следовала за мной по всем направлениям.

Скоро мои питомцы научились ходить на задних лапах, отдавать салют, «артистично» пить молоко из бутылок, делать стойку. Но для самостоятельного номера трюков было еще маловато. Однажды, гуляя в зоопарке, я остановился у клетки с медведем: косолапый, лежа на спине, перебрасывал с лапы на лапу бревно, иногда подбрасывая его вверх. У меня тут же родилась идея трюка — «медведь-антиподист».

Первым делом нужно было научить Буркета ложиться на спину, но как только я укладывал его, он начинал со мной бороться и частенько валил на пол. Поняв, что без специального приспособления мне Буркета на спину не уложить, я сколотил кресло-шезлонг. Медведь долго не мог понять, чего от него хотят, пугался кресла и однажды, вырвавшись, разорвал намордник и впился зубами в руку. Я его не наказал: ведь укусил он меня не по злобе, а из чувства самозащиты. Забинтовав руку, я продолжал репетицию. Постепенно Буркет привык к креслу и уже позволял укладывать себя в него, а вскоре научился ложиться самостоятельно. Положив на его поднятые вверх лапы полутораметровое бревно, я поворачивал его и после каждого поворота кидал сладкоежке кусок сахара. Впоследствии Буркет научился крутить на задних лапах и бочку.

Перед самым началом войны отец прислал мне телеграмму, в которой сообщил, что переводится в Куйбышев, и предлагал работать вместе с ним на зооэкспозиции. Я, конечно, согласился, и 5 октября 1941 года на арене Куйбышевского цирка состоялся мой первый дебют. Должен признаться, что прошел он очень буднично, некоторые трюки звери выполняли неуверенно, оваций не было. Но с каждым днем выступления проходили все лучше и лучше: в моей программе появлялись новые номера — медведи-борцы и медведи-боксеры.

В начале 1942 года пришла депеша из «Союзгосцирка»: организовать при передвижных зверинцах специальные бригады для обслуживания тружеников колхозов и совхозов. Так я со своими питомцами стал выступать перед механизаторами, хлопкоборцами, рисоводами, чабанами... В конце 1944 года в Краснодарский цирк, где мы гастролировали, местные охотники принесли прямо из леса двух сосунков-медвежат. Они не умели даже ходить. Позже, в Ленинграде, я приобрел еще несколько медвежат, в том числе знаменитого Макса, с которым выступал многие годы.

— Да это же не медведь, а прирожденный ко-

ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ ФИЛАТОВ С ПРОСЛАВЛЕННЫМ АРТИСТОМ «МЕДВЕЖЬЕГО ЦИРКА» ТАЙМУРОМ.

мик! — воскликнул Михаил Николаевич Румянцев, знаменитый Карандаш, когда увидел добродушную морду весельчака Макса, забавлявшего всех своими смешными проделками, кувьркиваниями, ужимками. Макс был ужасный непоседа и добряк. Эти черты нравились Карандашу, ведь и он сам, несмотря на свой уже преклонный возраст, остается непоседой, неутомимым и веселым человеком. Популярность его поразительная — редко можно встретить человека, которому не был бы известен этот клоун. Гастроли Карандаша в том или ином городе сразу поднимают сборы, в цирке начинаются сплошные аншлаги. Карандашу немало лет, но я верю: он долго еще будет радовать нас великолепными шутками, репризами, клоунадами. Ведь как говорил А. П. Чехов: «Где талант — там нет старости».

Итак, с появлением Макса у меня стало 6 медведей, с которыми можно было создавать большой самостоятельный номер. Скажу сразу, что для создания аттракциона «Медвежий цирк» мне потребовалось почти двадцать лет. Дрессировка ведь не ремесло, а большое и сложное искусство. Чтобы дрессировать, мало только любить животных и быть смелым. Нужны глубокие знания основ теории и практики учения о безусловных и условных рефлексах, надо изучить повадки животных, их характер и нравы. Необходимо также быть терпеливым и настойчивым, уметь угадывать и улавливать оттенки настроения животных. Помню, когда я заявил, что научу медведя кататься на мотоцикле,

некоторые коллеги по цирку подняли меня на смех. Я же, присматриваясь к своим питомцам, даже зрительно представлял, как это будет выглядеть — медведи на мотоциклах. Ведь мишки обладают великолепной двигательной способностью мышц, прекрасно видят пространство и обладают хорошим чувством баланса. Все это я узнал из книг, в которых кропотливо выискивал крупицы сведений о животных, о методах дрессировки, хотя сведений таких в то время было очень и очень мало. Постепенно мне удалось собрать о медведях буквально все. Ну, а с годами, с практикой и собственными познаниями все больше расширялись. Всем известно, что излюбленное медвежье лакомство — мед. Не меньше, чем медом, любят они полакомиться стуженым молоком, джемом, повидлом, вареньем и прочими сладостями. Медведи часто болеют, но сами они прекрасные лекари и умеют заботиться о собственном здоровье. Смешные танцы, которые они исполняют перед едой, способствуют тому, чтобы лучше работал желудок.

Свой утренний туалет мишки совершают очень долго и старательно, вылизывая себя с головы до ног, укладывая волосок к волоску. Есть такие места на теле, до которых медведю трудно дотянуться. Но это не препятствие. Мишка смачивает лапу слюной и начинает азартно и сосредоточенно тереть трудно достигаемое место, урча и чавкая от удовольствия. Умывшись, медведь приступает к «утренней зарядке». Бегает по клетке из угла в угол, все время набирая и гася скорость, или начинает подпрыги-

вать на месте сразу на четырех лапах. Если к концу «физкультурных» занятий не появится служитель с первым завтраком — хлеб, каша, овощи, молоко — звери начинают громко реветь.

Молодые медведи, примерно до десяти лет, часто слепнут из-за резких перемен света: на конюшне, в клетках темно, а манеж ярко освещен. Взрослея же, медведи становятся более свирепыми — дают себя знать инстинкты лесных хищников. Поэтому основное правило в работе с ними — собранность, хладнокровие, осмоторительность. «Самое неприятное в работе с медведями, — говорил отец, — это то, что никогда не знаешь, когда и какой из них нападет на тебя. Так что смотри в оба».

Взявшись за дрессировку медведей, я постоянно делал открытия. Я узнал, к примеру, что медведя нельзя принудить сделать какой-то трюк. Он должен обязательно понять, что от него требуют. Репетируя с медведем очередной трюк, ни в коем случае нельзя спешить — он обидится. Да, да, обидится и будет долго помнить эту обиду. А вот если он откровенно халтурит на манеже и его накажешь, как ни странно, — не обидится.

Новый аттракцион «Медвежий цирк» я готовил семь месяцев в творческом содружестве с известными цирковыми режиссерами Г. С. Венециановым и И. Б. Немчинским. С этими двумя «китами» циркового искусства были отретепированы трюки «Медведи в реинском колесе» и «Медведи-роликкобежцы». Пока для нового аттракциона готовились костюмы и реквизиты, я со своими питомцами вылетел на Дальний Восток. Там состоялась «обкатка» новой программы: потом она была показана в москвичам. Премьера «Медвежьего цирка», состоявшаяся на Цветном бульваре 6 ноября 1949 года, имела шумный успех. Затем я отправился с гастролью по стране, а в 1956 году впервые выехал за границу.

Если сложить все дни и месяцы, проведенные на гастролях за рубежом, то получится несколько лет. Поэтому хотя бы вкратце расскажу о самом интересном и памятном.

Первые и самые длительные гастроли были по Бельгии, Франции и Англии. В Европе было ужасно холодно. Опустели улицы бельгийской столицы, пошли на убыль сборы в кинотеатрах, варьете, кафе. Директор Королевского цирка опасался нашего провала, но на первое представление прибыла королева Елизавета, хотя было известно, что она не любит цирка, предпочитая ему театр и симфоническую музыку. После премьеры меня пригласили к ней в ложу. «Я впервые вижу столь высокое искусство цирка, — сказала королева, — и искренне восхищена вашими артистами. Отныне я буду всегда посещать ваши представления». Эта похвала на другой же день была опубликована всеми газетами. И на нашу программу стало невозможно попасть. Билеты заказывались по телефону и телеграфу из Англии, Франции, ФРГ, Голландии, Швеции...

Во Франции мы выступали не в цирках, а на велодромах и в спортивных залах — они вмещали большее количество зрителей. На премьеру пришли известные деятели французской культуры: Рене Клер, Жерар Филипп, Жан Марэ и другие. С Жаном Марэ у нас сложились дружеские отношения. Оказалось, что в молодости он был артистом цирка — первошвейком. Его интересовали трюки, от которых, как говорится, захватывало дух. Артист не пропускал ни одного нашего выступления, приходил за кулисы, советовался, общался с гимнастами, акробатами, эквилибристами.

Весь аттракцион «Медвежий цирк» в целом имел шумный успех, но все-таки больше всего за рубежом полюбили медведи-мотоциклисты.

В самом деле, медведи научились свободно управлять машинами: увеличивают и уменьшают скорость при помощи ручки газа, пользуются тормозами, включают и выключают фары, умеют пользоваться звуковым сигналом. В Японии произошла любопытная встреча с владельцами мотоциклетной фирмы «Тахацу». Придя за кулисы, они попросили показать им медведей-мотоциклистов, которые тут же были представлены. Убедившись, что это медведи, а не одетые в медвежьи шкуры люди, они спросили: «Филатов-сан, видимо, вы управляете мотоциклами с помощью радио?» «Ну что вы, — ответил я, — ни в коем случае». «Но это же невозможно, вы просто не хотите раскрывать свои профессиональные тайны», — настаивали гости. Что оставалось делать? Показал им наши мотоциклы. Поговорив между собой, они предложили — с извинениями, конечно, — заменить советские мотоциклы японскими. Я согласился, и через два дня уже на японских мотоциклах медведи отлично выполнили всю программу. Владельцы фирмы тут же подарили нам мотоциклы, а на другой день рядом с афишами о наших гастрольях появились плакаты: «Мотоциклы фирмы «Тахацу» столь удобны и

легки, что даже медведи быстро научились ездить на них».

Любимец всех медведей Таймур вместе со мной — я сидел в коляске — свободно разъезжал по улицам Лисабона, Парижа, Рима, а медведица по кличке Девочка даже получила в ФРГ права на вождение мотоцикла. Об этом написали все западногерманские газеты. А случилось это вот как. В Штутгарте представления проходили в спортзале, расположенном в двенадцати километрах от города. Как-то во время репетиции мои ассистенты не заметили проехавшую с арены за кулисы медведицу. А та, воспользовавшись тем, что двери на улицу были открыты, выехала на проходящую рядом автостраду и помчалась в Штутгарт. Спихватились мы, когда Девочка отъехала уже километров 5—7. Кинулись в погоню, сообщили о случившемся начальнику полицейского участка. Догнали медведицу уже перед самым въездом в город. Восхищенные ее мастерством, полицейские обратились к своему начальству с просьбой выдать медведице... международные права на вождение мотоцикла.

Конечно, советский цирк великолепен и по праву занимает ведущее место в мире. Однако и за рубежом есть подлинные корифеи манежа. Например, поражает высоким профессионализмом укротитель львов Херкес, английский дрессировщик тигров Джилберт Хоук, дрессировщик крокодилов Кара Кхавака, преспокойно кладущий свою голову в пасть любому из шести крокодилов. Но я испытал чувство глубокой печали, когда бесстрашный Херкес после исполнения номера, накинув на плечи халат, с кружкой в руке пошел в публичку собирать пожертвования на кормление зверей. Такие случаи, когда артист выходит к зрителям за подаванием, приходилось за рубежом видеть часто. И уже совсем становилось не по себе, когда наблюдал, как некоторые дрессировщики доводят животных буквально до иступления, чтобы «выжать» из них все возможное и невозможное. В советском цирке такое отношение даже к хищникам не практикуется. Лично я никогда не прибегал к устрашающим или болезненным приемам, не принуждал животное «работать» из-под палки. Для меня в дрессуре главным, определяющим всегда был уважительный подход к зверям, признание его звериной «личности» и использование его способностей, а не подавление их.

В заключение мне хочется сказать молодым читателям «Смены» вот о чем. В моей обширной почте очень много писем от школьников, воинов Советской Армии, рабочих, студентов, которые хотят стать артистами цирка, попробовать себя в жанре дрессуры. Мой многолетний опыт показывает: начинают в цирке многие, но не всех хватает на огромные усилия, на тяжелый, изнурительный труд и лишения.

Что греха таить, смерть частью смотрела мне в глаза. В 30 лет меня рвали львы — тогда я выступал со смешанной группой хищников, — нанес я сразу 18 ран. Еле выжил. В 1953 году в Свердловске не захотел ехать на мотоцикле «гонщик» Мурат, вздыбился, «положил» лапы мне на плечи. Результат: смещение суставов позвоночника, обрыв хрящей в пояснице. Врачи утверждали, что ноги будут болтаться, как плети. В Саратове самый крупный медведь Мальшика свалился с лестницы, поломав мне несколько ребер. В Туле у медведя лопнул намордник, и зверь не удержался от соблазна схватить за руку. Не раз приходило недовольство собой, но отчаяние, безволие — никогда. Скажу честно, я очень не хотел, чтобы мои дочери Людмила и Татьяна стали артистками цирка и тоже подвергались опасностям, жили кочевой, трудной, суровой жизнью: я мечтал о том дне, когда увижу их педагогами или врачами — кем угодно, но только не артистами цирка. Но, видно, моим планам не суждено было сбыться...

Старшая, Людмила, учась на IV курсе одного из технических вузов, вдруг заявила, что хочет стать дрессировщицей. Было много разговоров, слез, споров... Пришлось уступить, взял ее к себе. Татьяна в 1971 году закончила Институт иностранных языков и тоже пришла в цирк. Ну что ж, видимо, призвание родителей все же передается детям, к тому же и окружение и наши профессиональные интересы не могут не влиять на выбор детьми жизненного пути. Теперь я по-настоящему рад, что династия наша продолжается. Дочери работают с хищниками, со слонами, с обезьянами, с собаками. В их аттракционе есть даже питоны — с ними занимается муж Людмилы Валерий — лауреат Всесоюзного смотра артистов цирка.

Так что, мои молодые друзья, без призвания, без одержимости — одержимости до фанатизма — артистом цирка, тем более дрессировщиком, стать нельзя. Случайному человеку на арене места нет. Ну, а тем юношам и девушкам, которые действительно увлечены цирком и упорно сражаются за свою мечту, я искренне желаю удачи и успехов. Только, друзья, помните, что путь ваш к осуществлению

мечты может оказаться и не прямым и не легким. Конечно, для детей цирковых артистов путь на арену бывает значительно проще. С малых лет они жонглируют кольцами и булавами, бесстрашно пытаются держать равновесие на канате. Многие из них ко дню поступления в цирковое училище уже сложившиеся артисты.

Но я знаю и немало примеров того, как молодые люди, до наступления совершеннолетия лишь несколько раз побывавшие на представлениях в цирке, потом становились первоклассными мастерами арены.

Конечно, многим известен случай с Юрием Никольным. Он с детства мечтал стать артистом. Когда после войны Юра, демобилизованный солдат, пришел поступать в ГИТИС, а затем в Шепкинское училище, его не приняли ни тут, ни там. Да и во ВГИК, кстати, тоже. Формулировка приемных комиссий была проста: «...из-за отсутствия данных». Ему так и говорили: «Извините, молодой человек, не с вашей внешностью сниматься в кино... Будьте благоразумны». Кто мог знать тогда, что этот молодой человек в потерятой шинели станет не только замечательным клоуном, но и известным артистом кино...

Необычен был путь в большое искусство и прекрасного эквилибриста, ныне директора Московского цирка Евгения Милаева. В прошлом рабочий обувной фабрики, он уже в зрелые годы пришел в цирк — опять-таки мечта влекла — и добился выдающихся результатов. Я помню его старый номер «Эквилибристы на лестнице», который стал ярким событием в жизни советского цирка.

Не всем известно, что и Олег Попов до прихода в цирк работал слесарем, а Карандаш рисовал афиши в кинотеатре.

За мою долгую жизнь в искусстве многие юноши и девушки, одержимые цирком до фанатизма, добились осуществления своей мечты, выросли, расправили крылья, стали подлинными мастерами арены, чье творчество служит примером уже для новых поколений артистов. Несколько десятилетий не знал себе равных в мире номер «Икарские игры» под руководством гимнаста-акробата Владимира Плинера, человека, перед талантом которого я преклонялся. Теперь эстафету у прославленного артиста принял его ученик во главе с лауреатом премии Ленинского комсомола Анатолием Кузяковым. Для них характерны и высокий профессионализм, и культура исполнения, и сценическое обаяние, и, что самое главное, постоянное желание совершенствоваться, обогащать номер новыми находками — трюковыми, сюжетными, композиционными, образными...

Перебирая в памяти достижения акробатов, я с удовольствием вспоминаю выступления семейства Запашных. Сегодня на арене блистают их ученики — акробаты-вольтижеры под руководством лауреата премии Ленинского комсомола Владимира Шемшуря. Жонглеры на лошадах... Я застал еще блистательного Н. Никитина, передавшего творческую эстафету Н. Ольховикову. Сегодня в этом жанре нет равных юному Сарвату Бербуду, чей природный баланс, блистательное умение владеть всеми аксессуарами на любой лошади повергли в восторг многих любителей цирка.

Канатоходцы... Сколько их, техничных, бесстрашных, артистичных! Достаточно назвать семейство Волжанских. Уже давно их номер украшает цирковые программы. Но ни сам Владимир Волжанский, ни его дети никогда не почили на лаврах. Не «утихомирились» они и сейчас — буквально каждый сезон открывают новой программой.

А что может быть лучше с точки зрения утверждения национального стиля в цирковом искусстве, чем дагестанские канатоходцы — юные красавицы сестры Гаджихурбановы под руководством Алибека Кантемирова! Алибек учил искусству верховой езды самого Олега Дундича, прославленного героя гражданской войны. Я хорошо знал его сыновей. Среднего, Ирбека, Семен Михайлович Буденный считал лучшим наездником страны. Младший, Мухтарбек, был не только джигитом, но и хорошим акробатом, самбистом, боксером. Его даже приглашали на Олимпиаду в Мельбурн в составе сборной страны. Сегодня «кантемировскую школу» окончили более 200 (!) человек, и вся эта плеяда артистической молодежи успешно выступает в разных номерах, превосходя подчас отцов и дедов.

Молодое поколение советского цирка работает упорно, со страстью, не зная усталости. Так оно и должно быть. Ведь цирк — это юность, творческая чудеса храбрости, ловкости, грации и самоотверженности.

У нашей цирковой молодежи есть главное — драгоценное право эксперимента, поиска, и каждый может воспользоваться этим правом, чтобы открыть новые страницы в прекрасной истории отечественного цирка.

ГОРЬКАЯ ХРОНИКА СЕМЬИ ГИНГОЛЬД

Иохим КАЛЬ,
Джузеппе ГАИЦЦОНЕ,
Пьер КАЛЬДОР,
Хан ВИЛЕК

Начиналась эта история так...
Петер Гингольд, вернувшись во Франкфурт-на-Майне из Франции в начале 1946 года вместе с женой Этти и дочерью Алисой, решил, что все страшное уже позади. Двенадцать лет тому назад его родители, он и шесть его братьев и сестер вынуждены были покинуть этот город, спасаясь бегством от фашистов...

Настает 1933 год. Нацисты приходят к власти. Семья Гингольд эмигрирует в Париж. Во Франкфурте остается лишь Петер. Он выполняет задания КСМГ, уже ушедшего в подполье. В 1933 году его арестовывают во время облавы, и он попадает в следственную тюрьму в Оффенбахе. В сентябре семнадцатилетнего Петера выдворяют из Германии во Францию.

1939 год. Фашистская армия нападает на Польшу. Начало второй мировой войны. Правда, на западной границе еще

арестовывают в Дижоне. В камере палачи СД приковывают его к нарам. Немецкого коммуниста пытаются в течение нескольких недель. Его оставляют в живых только потому, что фашисты принимают его за одного из руководителей движения Сопротивления и надеются получить от него ценные сведения...

Петер Гингольд вспомнил, что на бульваре Сен Мартен есть дом с черным ходом на другую улицу, о котором знали только жильцы дома. Однажды на допросе коммунист Гингольд заговорил. Гестаповцы оживились: арестованный может показать какой-то дом. Он, правда, не помнит его номера, но на улице он его определенно узнает. Медленно подходит Петер к дому № 11. Он замечает, что дверь чуть-чуть приоткрыта. Все происходит молниеносно. Петер распахивает дверь, исчезает в парадном, через черный ход попадает на другую улицу.

Он на свободе.

После четырехнедельного «карантина» Петер по поручению западного комитета организации «Свободная Германия» начинает издавать в Париже подпольную газету «Фольк унд Фатерланд». Петер и Этти на нелегальной квартире печатают газету на самодельном аппарате под самым носом у гестапо и СД.

В Париже Петер и Этти Гингольд принимают участие в восстании бойцов движения Сопротивления. После осво-

«ЗА ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА!», «ПРОТИВ ЗАПРЕТОВ НА ПРОФЕССИИ!», «ПРОТИВ НЕОФАШИЗМА» — ПОД ЭТИМИ ЛОЗУНГАМИ ВЫХОДЯТ НА УЛИЦЫ ФРГ ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ, ОБЕСПОКОЕННЫХ НАСТУПЛЕНИЕМ НА ДЕМОКРАТИЮ, РОСТОМ АКТИВНОСТИ НЕОНАЦИСТСКИХ ГРУППИРОВОК.

все спокойно, но во Франции арестовывают немцев и отправляют в лагеря. Петеру и Этти, ставшим в 1940 году мужем и женой, удастся избежать ареста. Они организуют снабжение политических эмигрантов, которыми заполнены лагеря, продуктами питания, обеспечивают их информацией о происходящем.

Летом 1940 года вермахт захватывает Голландию, Бельгию, продвигается к Франции и 13 июня входит в Париж. В тот день, когда немецкие войска вошли в Париж, в семье Гингольд появляется на свет их первый ребенок — Алиса. Сразу же после родов с ребенком на руках Этти уходит из дома. Она блуждает по безлюдным улицам Парижа, где лишь эхо разносит чеканный шаг марширующих немецких колонн. Нет ни молока, ни белья для ребенка, все магазины закрыты. В кармане фальшивые документы, а на каждой станции метро — патруль...

Петер становится бойцом движения Сопротивления. В начале 1943 года его

бождения города Петера направляют на передовую для ведения агитации среди немецких солдат, чтобы они прекратили бессмысленную бойню и спасли тем самым жизни свои и чужие.

В начале 1945 года Петер Гингольд по поручению комитета «Свободная Германия» переходит линию фронта, чтобы в Верхней Италии примкнуть к партизанам Туринской области. Он становится членом партизанского отряда «Гарибальди» и принимает участие в восстании в Турине.

1946 год. Семья Гингольд вновь собирается во Франкфурте. Вскоре появляется на свет вторая дочь — Сильвия.

В 1952 году французское правительство наградило Петера Гингольда орденом Освобождения.

В 1956 году была запрещена Коммунистическая партия Германии. Для многих тысяч людей запрет имел весьма ощутимые последствия: аресты, обыски. Не избежали этого и Гингольды.

В ноябре 1971 года семья Гингольд получает от властей Дармштадта отказ в предоставлении гражданства. В документе говорится: «По имеющимся у нас официальным данным, вы были активными членами запрещенной коммуни-

МИР КА ПРАВО НА БЕС

«Этти, Петер и Сильвия Гингольд. Портрет одной семьи». Так называется книга, выпущенная кельнским издательством «Паль-Ругенштайн». Вот о чем говорится в предисловии, подписанном философом Иохимом Калем (Марбург), юристами Джузеппе Гаиццоне (Рим) и Пьером Кальдором (Париж), публицистом Ханом Вилеком (Амстердам):

«Изданием этой книги мы хотим внести свой вклад в освещение ключевой проблемы политической жизни Западной Германии нынешнего времени. Эта книга, рассказывающая об учительнице Сильвии Гингольд из земли Гессен, общественная деятельность которой корнями уходит в антифашистское прошлое ее родителей Петера и Этти Гингольд, должна показать истинную сущность практики запретов на профессии. История этой женщины стала документом о нарушении прав, анализом политической опасности, скрытой в этой практике.

ПИТАЛА:

ПРАВВЕ

стической партии, не исключено, что, порвав с идеями этой партии, вы и в настоящее время будете выступать за осуществление ее целей».

В горькую хронику семьи антифашистов вписываются новые страницы...

Сильвия, младшая из сестер Гингольд, после окончания школы поступает во Франкфуртский университет имени Иоганна Вольфганга Гете, где изучает французский язык и политологию. Конечно, на ее развитии не могло не сказаться влияние атмосферы родительского дома. Отец и мать воспитывали ее в антифашистском и демократическом духе, и он стал определяющей чертой ее собственной жизни.

14 июня 1974 года она выдерживает с оценкой «хорошо» второй государственный экзамен, после чего получает право приступить к преподавательской деятельности.

31 июля 1974 года высший государственный чиновник города Касселя без всяких объяснений приостанавливает трудовое соглашение с Сильвией Гингольд, а ее приглашают на «личную беседу» в окружное управление. Затем следует распоряжение, на основании которого Сильвии с начала нового учебного года запрещено работать в качестве преподавателя. 12 августа 1974 года в Касселе состоялось официальное разбирательство дела Гингольд. Это был один из первых случаев такого рода, за ним последовал целый ряд не

13 марта 1976 года Международная федерация борцов Сопротивления проводит в Страсбурге, где заседает Европейский парламент, массовую манифестацию. Со всей Европы съехались противники запретов на профессии, отмены которых они потребовали в воззвании, обращенном к членам Европейского парламента. От имени тех, кто стал жертвами этой практики, на митинге выступила Сильвия Гингольд.

12 мая 1976 года в административном суде города Касселя началось слушание дела Сильвии Гингольд против земли Гессен. Процесс привлек внимание общественности не только в ФРГ, но и за границей. В качестве наблюдателей на процессе присутствуют представители организаций борцов Сопротивления из Франции, Голландии, Бельгии, Люксембурга и Австрии.

В своей речи адвокат указал на то, что в вынесении приговора федеральным административным и конституционным судам против Сильвии Гингольд принимали участие трое судей с фашистским прошлым.

Суд в Касселе выносит решение в пользу Сильвии Гингольд. Это означало, что суд не признал правомерными те положения, которые были выдвинуты

просвещения Крольман предлагает Сильвии Гингольд заключить трехлетнее, так называемое «неполное трудовое соглашение», по которому Сильвия при одинаковой со своими коллегами занятости будет фактически получать лишь две трети положенной заработной платы.

Желание работать у Сильвии так велико, что она соглашается на это предложение, несмотря на его явно дискриминационный характер. Проходит еще около двух месяцев, пока Крольман предпринимает какие-то конкретные шаги по устройству на работу Сильвии Гингольд.

Но...

Едва Сильвия приступила к работе на новом месте, как она почувствовала, что значит носить клеймо «враг конституции»:

домохозяин отказывается сдать ей комнату, опасаясь иметь «неприятности»;

коллеги по работе считают Сильвию очень милой, однако не решаются появляться вместе с ней на людях.

ПОЛИЦИЯ, КАК ОБЫЧНО, ОБЕРЕГАЕТ ОТ ВОЗМУЩЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ПОСЛЕДЫШЕЙ «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА». ПЕТЛЯ ИЗ ПАРАГРАФОВ — ДЕМОКРАТАМ, СВОБОДА ДЕЙСТВИЙ — НЕОНАЦИСТАМ...

менее возмутительных «разбирательств». Все разбирательства начинались одинаково: «Земельное ведомство по защите конституции располагает против вас следующими сведениями...» Эти «сведения» в случае с Сильвией охватывали период в одиннадцать лет. Значит, за Сильвией начали шпионить, когда ей исполнилось семнадцать...

Сильвию Гингольд в первую очередь обвиняли в том, что она была участницей молодежной встречи в Берлине (ГДР), в 1965 году принимала участие в демонстрации протеста против войны во Вьетнаме, поставила свою подпись под требованием о создании организации Социалистической немецкой рабочей молодежи (СНРМ). Ей инкриминировалось и то, что она принимала участие в мероприятиях, посвященных юбилею ГДР и годовщине Октябрьской революции.

4 июня 1975 года адвокату Сильвии Гингольд по поручению министра просвещения Крольмана сообщают, что ее увольняют с государственной службы земли Гессен, так как она является членом ГКП. В обосновании говорилось: «Общезвестно, что цели Коммунистической партии Германии враждебны конституции ФРГ».

министром Крольманом для отстранения Сильвии Гингольд от занимаемой должности.

Несмотря на это, Сильвия остается безработной. Министр Крольман отказывается согласиться с решением суда и подает апелляционную жалобу против этого решения.

Сильвия Гингольд обращается к Вилли Брандту, к партии которого принадлежит и министр Крольман:

«Из интервью, господин Брандт, которое Вы дали одной из французских газет, можно было понять, что после решения суда мое отстранение от работы аннулировано, а правопродок восстановлен. Но это заявление, которое распространяют политики федерального правительства в нашей стране и за рубежом, ошибочно и может ввести в заблуждение. В моем случае запрет на профессию до сих пор не снят, а порядок я могу считать осуществленным лишь тогда, когда все, кого затронул запрет на профессию, будут вновь приняты на работу».

Наконец, 30 июля 1976 года министр

чтобы это не было истолковано как-нибудь превратно,—Сильвия даже обедать ходит одна.

По времени начало ее работы совпадает с предвыборной кампанией по выборам в бундестаг, и ХДС использует случай с Сильвией Гингольд для организации беспрецедентной «охоты на ведьм». В местную прессу хлынул поток писем рассерженных читателей, активисты ХДС грозят забрать своих детей из школы, предвыборное собрание ХДС начинается следующими словами докладчика: «Перед городом стоят две проблемы: во-первых, учительница-коммунистка в школе; во-вторых, нехватка денег в городской кассе...»

В такой обстановке начинает работать Сильвия. С самого начала ей запрещено вести преподавание по ее второй специальности — обществоведению. И на этом, к сожалению, возмутительная история не кончается.

свидетельством хладнокровного унижения человеческой личности. Фактический материал, собранный на страницах этой книги, должен дать четкое представление о целом комплексе проблем, связанных с темой запретов на профессии. Книга рассказывает:

— о факте существования запретов на профессии, что упорно отрицается западногерманскими властями и средствами массовой информации;

— об общественных причинах, породивших этот запрет, и о том, как он осуществляется на практике;

— о реальных врагах конституции, о подставных лицах и тех, кто стоит за ними;

— о необходимости и сложности демократической борьбы;

— о наших оптимистических надеждах на то, что в один прекрасный день с запретами на профессии будет покончено».

Министр просвещения Крольман настаивает на рассмотрении своей апелляции. В его намерения входит, видимо, превратить «дело Гингольд» в прецедент, который мог бы стать образцом при рассмотрении аналогичных дел.

Сильвия вновь должна предстать перед судом, чтобы бороться за право, гарантированное ей конституцией.

В своей речи Пьер Кальдор, французский адвокат Сильвии Гингольд, сказал: «Сильвия Гингольд является членом Германской коммунистической партии. Ее кандидатура была выдвинута от компартии на выборах в бундестаг 3 октября 1976 года. Как следует из решения первых судебных инстанций, принадлежность к партии и политическая деятельность истицы вытекают из антифашистских и демократических традиций ее семьи. Высказываются претензии по поводу ее политических убеждений. Но они никогда, и это является бесспорным фактом, не были причиной нарушения истицей служебного долга. Действия властей — плевок в лицо родителем Сильвии Гингольд, которые всю свою жизнь посвятили борьбе за создание условий, в которых было возможно само принятие конституции. Разве не являются надругательством над жертвами, принесенными ее родителями, красивые фразы об их заслугах, как борцов движения Сопротивления, для создания послевоенной демократии и одновременно профессиональная дискриминация их дочери за убеждения, которые придавали родителям силы в борьбе против фашизма?»

Спустя четырнадцать дней адвокаты Сильвии Гингольд по почте получили решение суда: апелляция министра просвещения удовлетворена. Это означает, что Сильвию Гингольд запрещается принимать на государственную службу в земле Гессен. На нее возлагаются все судебные издержки. Решение пересмотру не подлежит.

При чтении 40 страниц судебного дела создается впечатление, что процесса вообще не было. Ни единым словом не упомянуты аргументы адвокатов. Похоже, будто текст решения был составлен заранее...

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА ГКП ПО ПОВОДУ РЕШЕНИЯ ПЕРВОГО СЕНАТА ГЕССЕНСКОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДА В КАССЕЛЕ ПО ДЕЛУ ПРЕПОДАВАТЕЛЬНИЦЫ СИЛЬВИИ ГИНГОЛЬД

«...Кассельский суд обвиняет Сильвию Гингольд в том, что она совершала поездки в ГДР и СССР. Превращая эти факты в обоснование для запрета на профессию, суд тем самым присваивает себе право выносить приговор относительно государственного устройства ГДР и СССР. Это является грубым вмешательством во внутренние дела других государств, нарушением договоров ФРГ с социалистическими государ-

ствами, принципов Заключительного акта Хельсинкского совещания, а также Устава ООН.

Противоречащая конституции травля ГКП, клеветнические измышления об общественной жизни в Советском Союзе, ГДР и других социалистических государствах имеют целью отвлечь трудящихся от политики боннских партий, направленной против их интересов, сломить сопротивление демократических сил политике массового оболванивания».

ДВА КАНДИДАТА В БУНДЕСТАГ ОТ МАРБУРГА

В апелляции гессенского министра просвещения в качестве отягчающего вину обстоятельства упомянут тот факт, что кандидатура Сильвии Гингольд была выставлена от ГКП на выборах в бундестаг.

Сильвия Гингольд (ГКП). Дочь известных и уважаемых антифашистов. По указанию министра просвещения Крольмана подвергнута запрету на профессию. В ее лице семья в третьем поколении преследуется по расовым и политическим мотивам.

Другой кандидат в бундестаг — Ханс Висебах (ХДС). С 1937 года добровольный член охранного отряда СС «Адольф Гитлер». Осужден как военный преступник, является активным членом общества бывших членов СС.

ИЗ НИЖЕПРИВЕДЕННОГО ОТКРЫТОГО ПИСЬМА, КОТОРОЕ СИЛЬВИЯ ГИНГОЛЬД АДРЕСОВАЛА СВОИМ СОСЕДЯМ, ВИДНО, ЧТО ПРОИЗОШЛО С НЕЙ НЕЗАДОЛГО ДО РОЖДЕСТВА

«Уважаемые сограждане!

После чьего-то анонимного звонка в полицию у меня на квартире появились сотрудники политической уголовной полиции. Звонивший утверждал, что в моей квартире якобы видели террориста Юлиана Пламбека. И будто бы у меня постоянно бывают террористы и анархисты.

Это обвинение настолько невероятное и скандальное, что я обращаюсь к вам, чтобы защитить себя от этой клеветы. Такая «охота на ведьм» является типичной для сложившейся ситуации в нашей стране. Под предлогом борьбы с терроризмом с помощью анонимных обвинений полицию натравливают на ни в чем не повинных граждан, отстаивающих свои демократические убеждения. Сделав их объектом внимания уголовной полиции, наносят удар по их доброму имени. Ни для кого не секрет, что ГКП, членом которой я являюсь, никоим образом не связана с терроризмом и анархизмом, и поэтому все обвинения являются абсурдными и несостоятельными.

Уважаемые сограждане! Не допускайте, чтобы таким вероломным способом расправлялись с гражданами вашего города, даже если они придерживаются иных политических взглядов, чем Вы сами.

Ваша Сильвия Гингольд».

Книга «Этти, Петер и Сильвия Гингольд. Портрет одной семьи» завершается словами пастора Мартина Нимеллера:

«Когда нацисты забирали коммунистов, я молчал, я не был коммунистом. Когда они бросали в тюрьмы социал-демократов, я молчал, я не был социал-демократом. Когда они забирали католиков, я не протестовал, я не был католиком. Когда они пришли за мной, не осталось никого, кто мог бы протестовать».

Перевод Натальи БРУСКОВОЙ.

США: «БОМБА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ»

Это произошло незадолго до рождественских праздников: Артур Мак-Даффи — 33 лет, чернокожий, страховой агент — пропал на своем мотоцикле через перекресток в Майами. На красный свет. Полицейские тотчас же пустились ему вдогонку, настигли «грязного ниггера» и избивали его до тех пор, пока он уже не был в состоянии подняться. Он был мертв. Официальная версия полиции гласила, что Мак-Даффи якобы упал с мотоцикла и разбился насмерть. А когда судебно-медицинская экспертиза констатировала смерть в результате тяжелых ударов по голове, версия несколько трансформировалась: полицейские действовали в целях самозащиты. В конце-то концов ведь их и было всего-навсего десять против одного Мак-Даффи...

«Это бомба замедленного действия, и часы в ней уже пущены», — сразу же сказал окружной судья Леонард Несбитт. Атмосфера в черных гетто США и без того накалена до предела. Четыре года назад Джимми Картер обещал предпринять «энергичнейшие шаги» для уравнивания в правах 12 процентов чернокожих американцев — и победил на выборах в значительной степени благодаря их голосам. Но, как это обычно и бывает с предвыборными обещаниями, предпринято с той поры не было ничего. Напротив: возросший уровень безработицы и сокращение расходов на социальные нужды в пользу увеличения военного бюджета сделали положение людей в гетто поистине трагическим. В последнее время комментаторы все чаще обращались к ситуации, сложившейся перед расовыми волнениями в Уотсе (1965 год) и Детройте (1967 год). Не хватало лишь искры, способной вызвать пожар.

Судья Несбитт на всякий случай перенес процесс над убийцами Мак-Даффи в близлежащий городок Тампа, дабы обеспечатить надлежащий ход дела. Суд и впрямь прошел без сучка и задоринки, в полном соответствии с режиссерским замыслом: двенадцать белых — кровь с молоком — обитателей южных штатов в качестве присяжных, готовые при ничтожнейшем подозрении отправить в тюрьму любого черного, благодушно выслушали аргументы защиты, квалифицировали имевшее место убийство как преступление «из озорства» (ну, порезвились ребята, а этот уж и не выдержал, ниггер) и... оправдали полицейских. В конце концов так это всегда и делалось. И тут бомба замедленного действия взорвалась.

Первые итоги расовых волнений в Майами: 16 убитых, 300 арестованных, сотни раненых. Сожжено несколько полицейских участков, трехкилометровая 27-я авеню лежит в развалинах, квартал, где живут цветные (по иронии судьбы он называется Liberty City — город свободы), оцеплен 4500 тяжеловооруженными гвардейцами. Выход из квартала запрещен с двадцати часов до шести утра, автобусное движение прекращено, школы и заправочные станции закрыты. Майами практически на военном положении. И это лишь вопрос времени: когда искра приведет к взрыву возмущения и отчаяния, накопившихся также и в других гетто США. Ричард Хэтчер, бургомистр чикагского пригорода Гэри, сказал: «Черным наконец осточертело быть «гражданами второго сорта».

«ФОЛЬКСШТИММЕ», АВСТРИЯ

ЮЖНАЯ КОРЕЯ: ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДИКТАТУРЫ

Над южнокорейскими горами занималось утро. В Кванджу стояла обманчивая тишина. Осажденные были взяты в кольцо 17 тысячами солдат, измучены кровопролитной девятидневной борьбой против военной диктатуры и неопределенностью: есть ли еще надежда на успех переговоров?

Огненный град положил начало кровавому финалу мужественного выступления. Те из защитников здания провинциального управления третьего по величине города Южной Кореи, кто остался в живых, пережили под пинками солдатских сапог и ударами прикладов конец своей мечты.

Родившись из студенческих демонстраций против муштры и милитаристского духа, насаждаемых в университетах, протест превратился в борьбу против режима в целом. Он начал разрастаться, когда о своих требованиях заявили рабочие близлежащих угольных шахт. Он обрел, наконец, поддержку со стороны большого числа мелких крестьян, молчавших до сей поры, хотя в городах уже начиналось брожение. Девять дней восстания в 800-тысячном Кванджу относятся к тем событиям и датам бурной истории Южной Кореи, которые будут определять дальнейшую судьбу этой страны.

Когда вокруг Кванджу замкнулось железное кольцо, минуло как раз семь месяцев со времени убийства диктатора Пак Чжон Хи.

Борьба за право стать преемником диктатора вылилась 12 декабря 1979 года в путч, организованный генералом десантных войск Чон Ду Хваном и направленный против определенной части армейской верхушки. Путч сделал его новым властителем страны. Наряду с руководством безопасности вооруженных сил он заодно возглавил печально известную южнокорейскую секретную службу, разогнал псевдопарламент и отправил за решетку самого популярного из лидеров буржуазной оппозиции — Ким Тэ Чжуну. Был арестован также и Ким Чон Пиль, глава демократической республиканской партии, основанной диктатором Паком. Этот самый Ким Чон Пиль, женатый на племяннице покойного диктатора, считался одним из наиболее перспективных претендентов на президентское кресло, в которое предполагалось посадить нового человека после реформы конституции. Его арест и бесславный финал марионеточной игры в парламентаризм были вторым переворотом, осуществленным генералом десантников. И когда после всего этого надежды даже на скольконибудь куцую демократию были безвозвратно утрачены, гнев и отчаяние народа наконец выплеснулись, завершившись событиями в Кванджу.

Что будет дальше? Преданы земле исчисляемые сотнями жертвы: иных, изуродованных пытками, швыряли под двери домов, где жили их семьи, других, безымянных, засыпали землей, поборав в вырытые для этого ямы...

После событий в Кванджу военные не успокоились и, не откладывая дела в долгий ящик, приняли меры, дабы начать новый этап войны против собственного народа. Однако за демонстративной бравадой и самоуверенностью военщины, за ее циничным стремлением убивать — якобы «во имя безопасности и благоденствия страны» — кроется страх: ведь когда-то придется ответить и за преступления в Кванджу и за многие другие, которые вынужден все еще терпеть народ Южной Кореи.

«ВОХЕНПОСТ», ГДР

МАЛЬЧИК НА КАЧЕЛЯХ

Николай ОГАНЕСОВ

ПОВЕСТЬ

НА

— Мне срочно нужно тебя видеть.—сказал он.—Выйди, я сейчас подъеду.
Они встретились на углу, у детского сада.
— Почему ты с чемоданом?—спросила Оля.
Он взял ее за плечи.
— Это правда? Правду сказал мне отец?
Она отвернулась.
— Правду...
— У нас будет ребенок!—Юрий обнял ее, прижал к себе.—Оленька...
Она вырвалась.
— Ты выпил, Юра?
— Немного... Я сейчас все объясню... Понимаешь, я развязался с этим подлецом...
— Каким подлецом?
— Ну, есть такой паучок... долго рассказывать. Только одна вещь и теперь... ты только не волнуйся, тебе нельзя... Ну, короче, у меня могут быть неприятности.
— Ты в чем-то виноват, Юра? Я же вижу...
— Я не сделал ничего дурного... почти ничего. Но так получается, что...
— Ты боишься?
— Не знаю.—Юрий отвел глаза.—Наверное... Он на все способен.
— А что в чемодане?
— Это надо выбросить...
Она отступила на шаг.
— Ты что, Оля? Ты мне не веришь, не веришь, что я честный человек?
— Почему ты не хочешь сказать, что в нем?
— Там хлам, никому не нужный хлам! Но тот человек может использовать его против меня. Олины глаза наполнились слезами.
— Юра, может быть, тебе лучше уехать?
— Уехать? Куда?
— Ну, хотя бы к Шепетисам. Ненадолго...
— А отец?

— ...Я обещала ему навещать Ивана Матвеевича.—Верещак стояла, отвернувшись к окну.—Мы договорились, что Юра уедет на несколько дней в Ригу к знакомым, у которых мы останавливались этим летом, что он переждет там неделю, а я позвоню, если его будут искать...
— Почему вы не сообщили ему о смерти отца?—спросил я.
— Не смогла.—Оля вытерла глаза тыльной стороной ладони.—Откладывала со дня на день.
— Я поднялся со стула. За мной встал Логвинов.
— А теперь, с вашего разрешения, мы пригласим понятых и оформим изъятие чемодана, который оставил Юра. Он у вас дома?
Она утвердительно кивнула и показала на дверь в соседнюю комнату.

6

«Универсам», мимо которого мы проезжали на обратном пути, уже излучал ровный электрический свет. На крыше рядом с синей неоновой вязью красными цифрами горели электронные часы. Они показывали 19.29. Время бежало быстрее, чем нам этого хотелось.

Был час «пик». Сорок минут понадобилось нам, чтобы попасть в другой конец города. Автомашина остановилась в тупике неподалеку от железнодорожного переезда. Шофер заглушил двигатель и погасил фары. Тупик погрузился в темноту. Логвинов зажег карманный фонарик, развернул схему и показал ее мне. Напрасный труд: я никогда не был силен в топографии и мало что понял в пересеченных линиях, стрелках, кружочках и крестиках.

— Вот этим путем мы попадаем в дом,—сказал Логвинов, проводя пальцем извилистую кривую.

Я не решился подсказать более короткий, а для меня и более привычный путь через двор Корякина. Возможно, в их варианте не было такого высокого забора.

Мы молча вышли из машины и двинулись вдоль тротуара. У трансформаторной будки свернули. С трудом протиснулись через узкий проход между ней и стенкой какого-то склада. Крэдучись прошли чей-то двор и, пригнувшись, остановились в темном закутке, где пахло плесенью и прелыми листьями.

— Сюда.—Костя нащупал сухую необструганную доску, державшуюся на одном гвозде.

Он сдвинул ее в сторону и пропустил меня вперед. Шель оказалась мне узковатой, но отступать было поздно. Послышался треск рвущейся ткани, и, оставив на ржавом гвозде солидный клок своего пиджака, я перебрался по другую сторону забора.

Беседка, в которой мы оказались, была расположена в дальнем углу сада. В фиолетовых сумерках кирпичный дом проступал мрачной черной тенью. Холодным слюдяным блеском отражался в оконных стеклах лунный свет.

Логвинов оттолкнулся от дерева и коротким броском пересек освещенное пространство между домом и беседкой. За ним последовал я. Прижимаясь к прохладной кирпичной стене, мы добрались до открытого окна кухни. Я взобрался на подоконник, спрыгнул вниз, на ощупь, пока глаза привыкали к темноте, стал пробираться к ванной комнате.

Скрипнула дверь. Стал различим огонек сигареты, и я уже более уверенно пошел на него.

— Сейчас включу свет,—предупредил кто-то.

Под высоким потолком загорелась тусклая пятнадцативаттная лампочка. На краю ванной сидел Сотниченко, а у двери стояли Логвинов и молоденький сержант в серой милицеевской рубашке.

— Все готово.—Сотниченко протянул мне несколько сколотых скрепкой листков бумаги.—Почитаете?

«Заключение—это хорошо.—подумал я и потрогал дыру в пиджаке.—А вот за костюм жене отчитываться придется. Это факт».

— Ты когда научишься говорить по телефону?—спросил я у инспектора, чтобы подпортить настроение и ему. Но мое замечание не привело его в трепет.

— Да вы не беспокойтесь, Владимир Николаевич,—невозмутимо улыбнулся он.—Эксперты—народ беспокойный, но ни одна живая душа их не видела, будьте уверены.

Это было что-то новое. В следующий раз попробую спросить его об экспертах, может быть, тогда он пообещает с умом выбирать телефонные будки?

— Ладно, с тобой спорить...—Я махнул рукой.—Слушайте внимательно. Как договаривались, каждый действует автономно. Логвинов отвечает за прихожую и комнату Юрия. Сотниченко со своими людьми—за комнату профессора. Как с кухней?

— Порядок,—заверил сержант.—Черная штора на окне. Полная звуковая и светоизоляция.

— Понятых, врача, криминалиста—в кухню. Пусть ждут там. Я беру на себя комнату Елизаветы Максимовны. Все ясно?

— Ясно,—вполголоса ответили присутствующие.

— Теперь главное. Кто бы ни вошел—задерживать только по моему сигналу. Вы поставили дополнительный свет в прихожую?—спросил я у Сотниченко.

— Две пятисотваттные лампы. Включаются из вашей комнаты.

— Значит, сигнал—свет в прихожей,—закончил я.—Все свободны.

В ванной погас свет, а когда я снова зажег его, никого уже не было. Присев на край раковины, я взялся за заключение. Минут через десять сложил его пополам, сунул в карман своего рваного пиджа-

ка, щелкнул выключателем и вышел в прихожую. Пришлось подождать, пока глаза начали различать смутные плоскости стен. Вскоре я обнаружил торчащую из дверного проема голову Сотниченко, а в метре от себя—контур фигуры сержанта. Можно было идти на пост.

В комнате Елизаветы Максимовны я направился к старому плюшевому креслу, намереваясь устроиться в нем, но натолкнулся на чьи-то литье плечи.

— Это я,—сдавленным шепотом сказал владелец чугунного тела—инспектор Рябов. И привстал, чтобы уступить место.

Я усадил его обратно и, втайне удивляясь тому, как безошибочно работники уголовного розыска находят самые удобные позиции, опустился рядом на скатанный в толстый рулон ковер.

Сидели молча. «Это они тоже умеют,—подумал я.—Надо отдать им должное». Ни звука, ни единого шороха не раздавалось в доме. Потекли минуты, бесконечно длинные, безразмерные минуты ожидания.

Когда-то, много лет назад, я начинал с оперативной работы в уголовном розыске. В те годы комиссар милиции напутствовал меня: «Знаешь, как бывает на войне: есть наступление по всему фронту, а есть бой местного значения, за высоту, за улицу, за дом. И в том и в другом случае без твоего выстрела общая победа невозможна». Говорил он много, а запомнились почему-то эти слова. С них началась моя служба в милиции, понимание этой работы, как единственно приемлемой и необходимой для себя, появилось чувство того самого боя местного значения, который решает общую победу. Это прочно осело в памяти, осталось на всю жизнь.

...Смутная, неопределенная мысль тревожила меня. Я знал, что сегодняшняя, как и любая другая засада,—это ожидание, которое может прерваться сейчас, в эту самую минуту, а может длиться часами и сутками, ожидание, исход которого—или победа, или поражение. Пусть все, кто собрался сегодня здесь, в доме Вышемирских, беспрекословно верят в мой расчет, пусть сам я не сомневаюсь в успехе задуманной операции, пусть логические построения, подкрепленные ворохом доказательств, в том числе и вещественных, выглядят безупречными—там, в самом далеком уголке сознания, притаилась мысль: все, что можно было сделать, уже сделано и остается только ждать... Для всех остальных участников операции засада—лишь эпизод из длинной цепочки подобных эпизодов, а для меня—это завершение дела, это ставка, это точка. И надо, чтобы точка легла на конец предложения, то есть туда, где ей положено быть. Иначе весь труд насмарку...

Я посмотрел на Рябова, и мне стало стыдно. «Нехорошо, Владимир Николаевич, нехорошо,—подумал я.—Выходит, для тебя результат важен, а для других нет? Забываешь, что для Рябова это тоже работа, наполненная смыслом. Что бы ты делал без него, без помощников, без огромного аппарата, предоставленного в твое распоряжение: криминалистов, медиков, коллег в других городах? А без своих соседей—слесаря этажом выше, инженера этажом ниже, что бы ты делал? Кто уполномочил тебя на эту работу, если не они? За кого ты ведешь этот самый бой местного значения, если не за будущих Щелкановых и Вышемирских, за свою дочь и за будущую дочь своей дочери?»

Рябов вытянул руку и неслышно постучал по светящемуся циферблату. Он не нервничал, он просто показывал время.

Глава 8.

Суббота, 29 сентября

1

Бой курантов раздался неожиданно и оттого показался слишком громким. Заведенные много дней назад профессором, а может быть, его сыном, часы заметно отставали. По моим новым сутки начались уже семь минут назад.

Удары били по нервам, неслись по дому, обгоняя друг друга, эхом отдавались в каждом закутке и медленно гасли, словно просачиваясь сквозь щели наружу. Наступившая затем тишина стала еще глубже и тревожнее.

С последним ударом в соседней комнате раздался звон бьющегося стекла.

«Окно!» Я выпрыгнул и, прижавшись к стене, замер у двери. «Только бы ребята не подкачали,—назойливо сверлила голову мысль,—только бы не подвели. Сейчас он выжидает... очищает оконную раму от осколков... снова выжидает». Я отчетливо представил себе комнату профессора, человека, стоящего по ту сторону окна, слабый лучик фонарика, проникающий с улицы. «Полез... спрыгнул с подоконника... идет к двери...»

Желтое пятно света, не воображаемое, реальное, скользнуло в прихожую, запрыгало по стенам и полу. Крадущиеся шаги, и в трех метрах от меня возник стукоты тьмы — человек. Осторожной походкой он двинулся вперед, остановился и выключил фонарь. Прихожая снова погрузилась во мрак. Послышались шорохи, возня, прерывистое дыхание.

Я выждал еще две минуты и нажал на выключатель.

Посреди прихожей стоял научный сотрудник музея изобразительных искусств Маркин. Одной рукой прижав к себе рамы с пожелтевшими гравюрами, он болезненно щурился на мощные, закрепленные на штативах лампы, а в другой держал нож, которым за минуту до этого перерезал бечеву с подрамников.

— Бросьте нож, — сказала я.

В ту же секунду он вслепую кинулся к комнате профессора, наткнулся на Сотниченко, бросил рамы на пол, ринулся в нашу сторону. На какое-то мгновение я увидел, как блеснуло в его руке короткое лезвие. В следующую секунду он уже кружил по прихожей, бормоча что-то невнятное, взвизгивая, как пес, которому прищемили лапу, а рядом со мной, держась за бок, удивленно рассматривал залитые кровью руки инспектор Рябов. Все произошло так быстро и неожиданно, что я не сразу понял, что с ним...

2

Рана была неглубокой и не очень опасной, но крови потеряно порядочно, были задеты мягкие ткани, богатые кровеносными сосудами.

— Жить будет, — успокоил врач.

Рябова уложили на носилки. Он слабо улыбнулся нам, и его понесли к машине.

Мы вернулись в комнату Елизаветы Максимовны, где под охраной сидел Маркин. Увидев меня, он вскопчил с кресла:

— Что же это, Владимир Николаевич! Как же!.. Это, знаете ли, некрасиво... Зачем?.. Мы интеллигентные люди... Он протянул ко мне руки, зажатые в наручники, и завопил что есть мочи: — Отпустите меня! Христом-богом прошу, отпустите! Я не хотел... Я этим ножом карандаши чинил! Отпустите!!

Не могу сказать почему, но злость на Маркина у меня прошла. Усталость заглушила все чувства. Скорее всего это была реакция на события последних часов, на ожидание, на ранение Рябова. Я как бы начал жить в двух измерениях. В одном был Маркин, дело Вышемирских, обязанность довести его до конца, и здесь я чувствовал себя беспомощным и почти безразличным. В другом — мои друзья, помощники и, конечно, Рябов. Я старался вспомнить, когда и при каких обстоятельствах мы с ним встречались: помню, здоровались при встречах, справлялись о делах, как-то сидели рядом на районной партконференции, еще был приказ по управлению с благодарностью Рябову за отмену проявленную при задержании опасного преступника, а вот есть ли у него семья, дети, сколько ему лет — не помнил, не знал. «Почему же получается так, — думал я, — что мне известна подноготная десятков подонков, пьяниц, убийц? Почему о Маркине и Зотове я знаю больше, чем о своем товарище? Почему так?»

— Это недоразумение! — истерично продолжал Маркин. — Я не думал никого ранить... не хотел... Оказался здесь случайно... Это ошибка... Я хотел взять что-нибудь на память... Мысль показалась ему спасительной, и он ухватился за нее. — Да-да, хотел взять какой-нибудь пустячок... Вы же в курсе, мы с Иваном Матвеевичем были друзьями, много лет знали друг друга. Я вам рассказывал, Владимир Николаевич. И супругу его, покойную Елизавету Максимовну, тоже знал...

Можно себе представить, чем он закончит речь в собственную защиту!

— Не паясничайте, Олег Станиславович, — прервал его я. — Нам известно, зачем вы явились сюда. Он осекся и, склонив голову набок, напряженно ждал, что я скажу.

— Ваша племянница сообщила много интересного и о вашей записке и о той первой копии, которую снял для вас два года назад Юрий Вышемирский...

— Стерва! Стерва! — взвыл Маркин и затопал ногами. — Грязная тварь! Неблагодарное животное! Дрянь! Дрянь! Дрянь!

У этого брызжущего слюной, дрожащего от бессильной ярости существа не осталось ничего общего с тем благообразным живым старичком, которого недавно я встретил в вестибюле музея. Даже аккуратная, с густой проседью борода сейчас агрессивно торпорчилась, как иголки на спине ехидны, а глаза за стеклами очков источали одну только злобу.

Маркин разошелся не на шутку. Пришлось остановить поток оскорблений.

Рисунок
Валерия СМЕРНОВА

— Поберегите эмоции, вы еще успеете выяснить отношения с племянницей, — сказал я, и он замер, снова свесив голову набок. — Что же касается пустячка, как вы, Олег Станиславович, не совсем удачно выразились, то актом экспертизы установлено, что олеографии, которые вы пытались украсть, относятся к прошлому веку, а автор их — Гюстав Доре, известный французский рисовальщик девятнадцатого века.

— Я не знал, не знал... — встрепенулся он.

— Позвольте вам не поверить. — Я взял протянутый Логвиновым лист серой бумаги. — Вот заключение, подписанное вами двадцать лет назад. Вы осматривали коллекцию и собственноручно составили этот документ. В нем работы Доре вообще не упоминаются. Между тем в любом музее для них всегда найдется самое почетное место.

— Под этим документом есть и другие подписи, — огрызнулся Маркин.

— Правильно. Коробейникова и ныне покойного Шустова. С Коробейниковым ясно: вы взяли на себя заботы по осмотру и оценке картин, и он, полностью доверяя вам, не видел коллекции, зная ее только с ваших слов, заочно подписал акт. А Шустова убедили две ваши подписи.

— Откуда вы знаете?

— Коробейников сам сообщил нам это.

— Черт бы побрал этого идиота! — Маркин почти без сил опустился в кресло. Он явно сдавал позиции. — Видели они коллекцию или нет — не вижу особой разницы. Я добросовестно определил подлинность картин, рисунков и акварелей...

— Разница есть, — возразил я. — Вы не включили в список гравюры Доре. Потому что ни Елизавета Максимовна, ни тем более Иван Матвеевич и Юрий не подозревали, что всегда стоявшие особняком от коллекции гравюры относятся к прошлому веку. Еще тогда, двадцать лет назад, у вас уже была мысль поживиться за счет коллекции Вышемирских.

— Вышемирских, Вышемирских! — передразнил меня Маркин. — Это коллекция Сомова! В крайнем случае его дочери! Но никак не Вышемирских!

В этих словах было столько неприкрытой злобы, что я невольно подумал о том, как долго, должно быть, она копилась в нем.

— Этот проходимец, баловень судьбы женился на Лизе, на девушке моей мечты, на девушке, отец которой предрекал и одобрял наш союз. Перед смертью он лично мне говорил, что спокоен, пока рядом с Лизой нахожусь я. Но тут явился Вышемирский, и все пропало. Он заморочил ей голову, стал ее мужем, стал отцом ее ребенка. А я? Мне досталась роль друга семьи! Мало того, в один прекрасный день он соизволил сделать мне замеча-

ние, что я слишком часто бываю у них дома. У них! Вы слышите?! Я терпел, молча терпел. Потом он стал хозяином коллекции. По какому праву? По праву мужа? Он ни черта не понимал в живописи. Самонадеянный осел! Книжный червь! Для него коллекция была и осталась кучей хлама! Он держал ее как память, только и всего! А я? Я, знавший каждое полотно чуть ли не с детства, знавший каждый мазок на картинах, знавший их подлинную ценность, — я снова был на вторых ролях! Это вы называете справедливостью?! — Маркин яростно вскинул голову. — Этот человек испортил мне жизнь, искалечил меня, разрушил все надежды и планы, из-за него я стал никчемным, жалким, одиноким стариком. Я ненавижу его! Не он, а я должен был стать мужем Лизы, и коллекция по справедливости моя! Моя! Вышемирский и после смерти остался моим должником. Да, я пришел, чтобы забрать то, что должно принадлежать мне! Пусть не по закону, по совести!

— И что же подказала вам ваша совесть? — спросил я.

— Я положил на эту коллекцию всю свою жизнь и имею на нее право!

— И потому вы заставили Юрия делать это? — Я откинул крышку чемодана, изъятую у Верещак, и одну за другой стал вытаскивать картины. — Собрание подделок — вот результат вашей деятельности.

— Моей? — оживился Маркин. — Вы уверены? Только ли моей? И вообще моей ли? Я, знаете ли, и кисти-то в руках никогда не держал. Позволительно ли мне будет в данной ситуации задать один вопрос? — Голос его окреп, в нем появились даже саркастические нотки. — Вы здесь, Владимир Николаевич, простите, чем занимаетесь? Охраной художественных ценностей или обстоятельствами смерти профессора Вышемирского? Если вторым, то какое ко всему этому имею отношение я? Вам не меня, старика, ловить надо, а этого негодяя — друга моей племянницы — Юрия Вышемирского. Подделка — дело его рук. Два года он писал их, чтобы незаметно подменить подлинными и распродать их частным коллекционерам. Я не удивлюсь, если выяснится, что и родного отца убил именно он...

Кого-то напоминал мне Маркин? Что-то в нем было от Мендозова, и от Зотова, и от племянницы. Или они были чем-то похожи на него? Не разберешь.

— Подлинники предназначались не частным коллекционерам, а вам, Олег Станиславович, — сказал я. — Началось это действительно два года назад. Вы знали, что Вышемирский-младший влюблен в вашу племянницу, встречается с ней, но не обращал на это никакого внимания. Но однажды от Риты вам стало известно, что Юрий занимается живо-

писью, и вы решили воспользоваться этим. Когда пришла вам в голову эта мысль? Может быть, во время ежегодного посещения кладбища, куда вы ходили на могилу Елизаветы Максимовны с букетом желтых роз? Ведь вы, Олег Станиславович, любили ее, продолжаете любить до сих пор. Почему же, хотя бы в память о ней, вы не пожалели Юрия, а вместо этого играли на его слабостях, ломали парню жизнь?

— Жалеть этого безвольного подонка! — воскликнул Маркин. — Да я всегда презирал его!

— Он слабовольный человек, вы правы, но не подонки, — возразил я. — Подонком хотели сделать его вы и Зотов, которого вы не знаете, но на которого удивительно похожи. Вспомните, как через Риту вы заказали ему первую репродукцию. Устроили, так сказать, эксперимент. Вы знали, что профессор не сможет обнаружить подлинные подлинников копиями. Кому же удобней и безопасней сделать это, если не сыну. Оставалось убедиться в способностях Юрия как художника и переманить его на свою сторону, сделать его сообщником. Зная запросы своей племянницы, зная от нее о его материальных затруднениях, вы не сомневались, что Юрий склонен на деньги. И он, казалось, склонен. Не думаю, что вам легко было уговорить его на первый шаг.

— Это не ваша забота, — пробурчал Маркин.

— Вы были щедры. Убедившись, что он одаренный художник, вы поняли, что игра стоит свеч. Заплатили пять тысяч рублей. — Я подошел к стене и показал на одну из картин. — Это та самая копия «Зима в деревне» Коровина. Единственная здесь копия, — это установлено сегодня специалистами. Подлинник находится у вас дома. Им-то вы и шантажировали Юрия, дали ему понять, что деньги заплачены не даром, что их надо отработать, что речь идет не об одной картине, а о всей коллекции. Юрий и рад был порвать с вами, но часть денег он растратил на поездки в Крым и Сочи. Денег требовала Рита, денег требовал Зотов, а обратиться за помощью ему было не к кому. Юрий нашел отговорку. Он обещал, что передаст всю коллекцию сразу, как только полностью скопирует ее. Вы верили, но и проверяли. Время от времени, посещая профессора, смотрели копии, которые делал Юрий. Шло время. Вышемирский поссорился с Ритой, стал встречаться с другой девушкой, все реже и неохотней возвращаясь к разговору о картинах, устроился на работу. Наверное, вы терпели бы и дальше, не деньги интересовали вас и даже не коллекция. Вы мстили, вам была приятна мысль, что сын профессора Вышемирского — вашего заклятого врага — втянут в грязную историю. Вы пользовались тем, что отец с сыном не находили общего языка, и это тоже радовало вас. Но вот две недели назад Иван Матвеевич неожиданно завел разговор о передаче коллекции в дар музею. Вы вынуждены были обещать ему собрать комиссию для осмотра картин. Долго тянуть было не в вашей власти. Проходит неделя, начинается другая. Вы ищете возможности переговорить с Юрием, но он избегает встречи, не отвечает на телефонные звонки. Идти лишний раз к профессору вы опасаетесь и посылаете к Юрию племянницу с запиской, в которой угрожаете ему разоблачением...

Маркин нетерпеливо заерзал в кресле.

— Меня, знаете ли, не интересуют переживания этого подонка...

— Хорошо, перейдем к вам, — сказал я. — Узнав от меня о смерти профессора и об отъезде Юрия, вы уверовали, что находитесь вне подозрений. Вас, как магнитом, тянуло сюда, в этот дом. Кроме всего прочего, гравюры, которые не числятся в заключении, оставлять опасно. Вы ищете выхода из создавшегося положения, вам страшно, но и необходимо проникнуть в дом. И тогда вы разыскиваете Леонида Осиповича Головного. Вы решили, что бывший уголовник — самая подходящая кандидатура для исполнения вашего плана. Но сторож парка оказался честнее, чем вы предполагали. Он отказался.

При упоминании о Головном Маркин еще ниже опустил голову и больше не шевелился.

— Мы знали, что вы придете. Сегодня был крайний срок. В субботу должна была начать работу комиссия, в состав которой входили и вы, Олег Станиславович...

3

Автомашина, в которую следом за сгоревшим Маркиным сели два сотрудника уголовного розыска, урча тронулась с места. На повороте последний раз вспыхнули ее фары, и снова стало темно.

Я стоял на веранде и смотрел в небо. Оно было глубоким, почти черным, похожим на обитый бархатом купол с блестящими из фольги. Во всяком случае, так мне казалось.

— Самое время послушать пленку, — прервал молчание Сотниченко. — Как вы, Владимир Николаевич, не возражаете?

Мы вошли в дом.

Сотниченко включил магнитофон в сеть и начал заправлять пленку. Логвинов, заложив ногу за ногу, сидел у письменного стола и нетерпеливо барабанил пальцами по колену. Я знал, что его беспокоит: он был женат всего месяц, а опыт показывает, что женам требуется гораздо больший срок, чтобы привыкнуть к тому, что принято называть ненормированным рабочим днем. Я понимал и сочувствовал ему, но помочь ничем не мог: если предложу идти — он кровно обидится и будет прав.

— Готово, — сказал Сотниченко.

— Подожди, — попросил я. — Прежде попробуем вкратце восстановить события того дня. Начиная, Костя, — обратился я к Логвинову.

— Попробуем, — он перестал выбивать дробь, сложил руки на груди. — Значит, так. Утром, после того, как ушел Юрий, профессор остался один. Спустя некоторое время к нему зашел Корякин. Иван Матвеевич чувствовал себя неважно, их разговор продолжался недолго. Около двенадцати позвонил Черпаков. Договорились встретиться в половине шестого. Чуть позже к Вышемирскому пришла Оля. После встречи с ней он наверняка с нетерпением ждал сына, чтобы переговорить с ним об Оле и о ребенке, которого та ждет... Пожалуй, все.

— Примерно в половине пятого, до того как начался дождь, домой вернулся Юрий, — дополнил Сотниченко. — Следом за ним пришла Елецкая.

— Теперь включай, — скомандовал я, и Сотниченко нажал на белую клавишу.

4

— Итак, вопрос первый, — услышали мы голос Вышемирского. — Редакция журнала «Вопросы литературы» интересует моим мнением об авангардистских течениях в литературе двадцатых годов. — С легким шипением прокручивалась пленка. — Ну, во-первых, так называемый авангард никогда не был явлением единым и целостным. Его представляли писатели, полярно противоположные по духу. С одной стороны, декадентствующие индивидуалисты, с другой — коллективисты и истинные новаторы. В основе творчества первых лежит анархо-индивидуалистическая идеология, в основе творчества вторых — использование позитивных ценностей, накопленных веками человеческого развития... — Последовало молчание. — Суховато получается. Придется отредактировать на бумаге... — Перелистав страницы книги, Вышемирский продолжил: — Показательна в этом смысле творческая судьба Маяковского, Элюара и судьбы их литературных спутников Кручных, Бурлюка, Бретона. Выход первых за пределы футуризма, сюрреализма и литературная деградация вторых, оставшихся в кругу своих псевдонаважнич, представляется закономерной. Подлинные художники никогда не разрывали форму и содержание, они стремились к диалектическому единству...

На веранде послышался шаг.

— Это ты, Юра? — громко спросил Вышемирский.

— Я, — донесся из прихожей голос сына.

— Зайди ко мне...

Стукнула входная дверь, раздался приглушенный голос, затем приближающиеся шаги.

— Ты не один?

— Это не к тебе... — Голос Юрия стал громче, очевидно, он подошел ближе. — Мне надо поговорить с тобой... Срочно.

— Вот как? Представь, мне тоже, и тоже срочно... Я хочу знать, до каких пор ты будешь доставлять мне неприятности? До каких пор прикажешь терпеть твои выходки?

— Выходки? — не понял Юрий.

— Да, выходки! — резко сказал Вышемирский. — Сколько я помню, ты не дал мне ни минуты радости... Неужели у тебя нет ни капли жалости к отцу? Хорошо, не к отцу, просто к больному, старому человеку! Посмотри на себя, на кого ты похож: волосы растрепаны, рубашка расстегнута, от тебя за версту разит вином... Я мечтал видеть тебя сильным, умным, самостоятельным... Сколько раз я просил тебя: веди себя прилично, не забывай, чей ты сын. И что же? Ты так и живешь недоучкой, а теперь вместо глупостей начал совершать подлости! Мне стыдно за тебя! Остановись, пока не поздно, стань наконец нормальным человеком! Неужели это непосильная задача?

— Хватит! — выкрикнул Юрий. — Я пришел не для того, чтобы выслушивать твои нотации! — Он сделал паузу и заговорил тише: — Я пришел за помощью... Постарайся понять меня...

— Понять? — Вышемирский, судя по тону, был

возмущен. — Ты хочешь понимания?! Я не могу и не хочу понимать человека, который заставляет плакать девушку, которая ждет от него ребенка. О каком понимании ты просишь, негодяй!

— Ребенка? Какого ребенка?! Тебе Оля сказала, да? Она была у тебя?!

— ...Кто-то стоит в прихожей. Посмотри, кто там...

— Ты скоро, Юра? — Это был голос Елецкой.

— Какого черта! — закричал Юрий. — Убирайся отсюда! Жди в моей комнате. — Он обратился к отцу: — Папа, я не могу тебе сейчас всего объяснить... У меня совсем нет времени... Потом я тебе все расскажу...

— У тебя нет времени, — без всякого выражения повторил за ним Вышемирский.

— Да пойми ты, наконец... меня преследуют... мне угрожают! Я запутался, помоги мне! Прошу тебя!...

— Что тебе нужно? Говори и оставь меня в покое...

— ...Мне нужны деньги. Извини, папа, но мне не к кому больше обратиться...

— Возьми, — тихо сказал Вышемирский. — Возьми и уходи. Я не хочу тебя видеть...

— Но ты должен меня понять... Я никогда и ни о чем не просил тебя. И сейчас прошу не подкачки, а помощи...

— Тебе нужны деньги — возьми их, — повторил Иван Матвеевич.

Юрий заходил по комнате.

— Ты снова не хочешь понять меня... Вспомни, когда мы остались вдвоем. Мне было тринадцать. Ты помнишь, как я приставал к тебе с вопросами, со своими детскими проблемами... Тогда мне нужна была твоя поддержка, твой совет, твое сочувствие. Я нуждался в тебе, папа. Что ты сделал тогда для меня? Ты был занят работой, поглощен своими делами... А я оставался один, совсем один. Почему ты не научил меня отличать добро от зла, почему не подсказал тогда, что выбор делается не однажды, не сразу, а на каждом шагу, что воздержание от выбора тоже выбор... Тебя это не интересовало... Ты думал, мне достаточно дышать одним воздухом с тобой, чтобы избежать ошибок, думал, что те абстрактные добродетели, которые ты стремился привить мне с детства, могут помочь? «Приходи домой вовремя, веди себя прилично, будь серьезней». Разве этого я ждал? Разве с этим надо было начинать жизнь? Я делал ошибки, я пытался исправлять их сам, без твоей помощи... Это не всегда удавалось, не удалось и сейчас... Сколько раз в трудные минуты я мысленно обращался к тебе, папа, но, кроме «веди себя прилично», ничего вспомнить не мог.

Голос Юрия дрожал от волнения.

— Я любил, папа, но ты не знал этого, я вырос — ты этого даже не заметил. Ты был рядом, но между нами все время существовал барьер, через который мы не слышали друг друга... Я не виновен... просто то место, которое должен был занимать ты, заняли другие люди. Они толкнули меня на подлость... Я продал картину, слышишь, продал... Два года, вместо того чтобы заниматься настоящим делом, я копировал коллекцию, копировал, чтобы отдать подлинники подлцу. Ты его знаешь — это Маркин... Сейчас у меня есть девушка, есть работа, которую я люблю, есть друзья, но там, за дверью, ждут, чтобы я расплатился за свои ошибки... Мне надо отдать долг, пойми, и я не могу обойтись без тебя, без твоей помощи...

— Иди, — прошептал Иван Матвеевич.

— Тебе плохо, отец?

— Иди, сынок, — повторил Вышемирский. — Иди, все будет нормально...

— Мне стыдно просить у тебя деньги, но другого выхода нет...

— Я понимаю... Возьми там, на полке...

По звукам можно было догадаться, что Юрий сдвинул стул, влез на него и потянулся к коробке.

— ...Я люблю эту девушку. И хорошо, что у нас будет ребенок...

Вниз посыпалась книга.

— ...Я скоро вернусь. Спасибо, папа...

Утихли шаги Юрия.

Наступила тишина. И только прислушавшись, можно было различить неровное дыхание профессора. Вскоре оно тоже стихло...

5

Мы молча вышли на веранду.

Небо на востоке поблекло, стало похожим на театральный задник, подсвеченный голубым прожектором. Звезды исчезли. Из глубины заброшенного сада раздавались первые робкие голоса птиц.

Я посмотрел на свисающие с яблоневой ветки качели, и мне показалось, что за секунду до этого кто-то, кого я хорошо знаю, встал с них и ушел. Ушел, не выслушав меня, хотя мне было что ему сказать.

ПОЭТ И СКУЛЬПТОР

ИЗ ЦИКЛА ЭТЮДОВ О ЕСЕНИНЕ

1

Они встретились на старой бакинской улице в конце сентября 1924 года.

По выщербленной мостовой шел напозинавший горца человек. На худощавом, тронутым загаром лице — глубоко сидящие темные глаза, над ними — того же цвета густые брови. Пыльные усы чуть опускались по краям губ и переходили в небольшую острую бородку. Вязаная шапочка на голове, френч с накладными карманами, ботинки, заправные от колен в шерстяные чулки, ботинки из грубой кожи дымящаяся трубка во рту — все это делало его непохожим на местных жителей.

— Кто это? — тихо спросил Есенин у шагавшего рядом Чагина.

Тот не успел ответить, как страшный прохожий поравнялся с ними, вынул изо рта трубку, слегка поклонился Чагину.

— Здравствуй, Степан Дмитриевич! — как всегда, приветливо ответил Чагин и протянул «горцу» руку. — Познакомьтесь. Это Сергей Есенин, поэт, из Москвы. А это Степан Дмитриевич Нефедов, или Эрзя. Профессор. Ведет скульптурные классы в нашей художественной школе.

— Весьма рад, — мягко произнес скульптор, глядя на лицо поэта. — Но, кажется, мы знакомы. И познакомились, помнится, году в пятнадцатом или шестнадцатом — война шла... Не ошибаюсь?

— Да-да-да! — раздумчиво протянул Есенин и вдруг хлопнул себя по лбу. — То-то гляжу: знаю я эти глаза и брови. Все вроде знакомое, а глаза и брови знакомые! Вы ж тогда при каком-то лазарете служили, а мы с Клюевым туда стихи читать приезжали, верно?

— Да, я помогал докторам по челюстным ранениям... Трудное было время... Но ничего, перетерпелось... Вы в Баку впервые?

— Считайте, впервые.

— Город колоритный — и людьми, и бытом, и строениями. Помните землепроходца Афанасия Никитина: «Бака, где огонь горит неугасимый...» Вот хожу — всматриваюсь... Долго здесь пробудете? — Пока не знаю. — Есенин взглянул на Чагина.

— Если Петр Иванович не прогонит — поживу...

— Не торопитесь... Здесь есть что посмотреть... Мимо, почти задевая, прогрохотала высокая колымага, наполненная самодельным кирпичом... Прошли, громко разговаривая и размахивая руками, трое нефтяников в старых замасленных комбинезонах, стуча по камням ботинками — такими же, в каких был профессор. Их выдавали по ордерам в спецмагазинах.

— Будет время, заходите ко мне в мастерскую. Это рядом, Петр Иванович знает.

И, простившись, Эрзя быстро зашагал вниз по улице...

— Редкий талантце. — Чагин посмотрел вслед художнику. — Тут для Дома союза горняков он делает скульптуры рабочих — диву даешься! Представляешь: до революции в Азербайджане не было ни одного национального скульптора, не вылеплено ни одной человеческой фигуры: ислам запрещал. И вот перед тобою как живой рабочий-азербайджанец, скажем, тартальщик. Знаешь, кто такой тартальщик?

Есенин покачал головой.

— Это тот, кто добывает нефть с помощью специальных ведер. Нелегкое, должен сказать, дело. Так вот, фигура: нефтяник за работой — тартанием... Первая в мировой истории скульптура нефтяника-азербайджанца! Каково? Впрочем, увидишь сам... Ты ж старый знакомый...

Вскоре, проходя по Станиславской улице, Чагин предложил Есенину:

— Давай-ка заглянем к Степану Дмитриевичу. Его мастерская здесь, во дворе института. Он и обитает тут же...

Войдя во двор, сразу можно было определить: здесь живет скульптор — вдоль стен дома на подставках возвышались человеческие фигуры в полный рост, бюсты, головы из глины и еще какого-то неведомого материала.

Большая, с высокими потолка комната заставлена тумбами с начатыми работами студентов, в глубине размещались произведения профессора — скульптурные портреты Ленина, Маркса, Энгельса, фигуры рабочих-нефтяников.

— Хозяин дома — крикнул Чагин.

— Дома, дома, отозвался из-за перегородки Эрзя и вышел, отирая руки небольшой мокрой тряпкой. — Пришу!

Есенин приблизился к скульптуре Ленина, обшел ее со всех сторон.

— Нелегко? — Поэт посмотрел на скульптора.

— Весьма. Видел Владимира Ильича давно — еще за границей, в Париже. Впечатление он произвел сильное — живой, серьезный, прямой, в споре резкий... Но познакомиться не довелось... Работаю по памяти... В Батуме не были?

— Нет, не был.

— Будете — посмотрите там мраморный бюст Ильича. Он в городском сквере стоит. Правда, не все в нем получилось, как хотелось... Здесь начал новую работу. Вот Ленин на трибуне, отвечает на записки рабочих... Этот человек давно меня занимает. Лет пять назад на Урале, под Екатеринбургом, дику скалу подыскал — вот, думаю, из чего соорудить памятник Ильичу! Очень жалею, что не удалось...

Есенин понимающе кивал, от этого движения его мягкие, с желтоватым оттенком волосы спадали на лоб, он изредка поправлял их рукою...

Остановившись у автопортрета скульптора, Есенин спросил Эрзя:

— А вы с Коенковым знакомы?

— С Сергеем Тимофеевичем? Ну, как же, как же! С Московского училища живописи. А вы его знаете?

— Знаю. Бывал у него на Красной Пресне, пели под гармошку...

— Да, гармонь он любил, — подтвердил Эрзя. Чагин, поотстав, задерживался около работ и, время от времени бросая взгляд на беседующих, сожалел, что поблизости нет фотографа: снимок был бы редчайшим...

2

Степан Дмитриевич Нефедов был старше Есенина на двадцать лет: он родился в 1876 году в Поволжье. Мордвин по национальности (псевдоним Эрзя — название одного из мордовских племен), будущий скульптор прошел тяжкую школу жизни. По окончании училища живописи, ваяния и зодчества уехал в Италию, тем самым избежав ареста за связь с революционно настроенными студентами. Зарубежные выставки его работ сделали имя Эрзя известным, газеты писали о «русском Родене». После Октября Степан Дмитриевич, как и многие художники, всем сердцем стремился «понять и почувствовать Россию в годы высочайшего парения и чувственно показать направление ее полета в будущее» (К. Федин). В 1918 — 1925 годах, живя на Урале, в Новороссийске, Батуме, Баку, он создал ряд памятников павшим борцам революции, скульптурные портреты Маркса, Энгельса, Ленина, Шота Руставели... Много труда Эрзя вложил в оформление Дома союза горняков Азербайджана.

О дружбе Эрзя и Есенина известно немного. Между тем их общение, мне думается, было небезполезно для обоих, особенно для Есенина. Ведь тот и другой смотрели на жизнь художническим взглядом, вместе с народом радовались и печалились. Тот и другой думали о Ленине, ленинцах, старались найти пути воплощения их образов в слове и камне. У них имелось немало общего, и они не могли не тянуться друг к другу. Так оно и было.

С 1950 года до кончины скульптора (1959 год) с ним часто встречался Борис Николаевич Полевой. На основе живых рассказов художника и разного рода публикаций о нем писатель создал книгу «Эрзя», выходящую несколькими изданиями в Саранске и Москве. Небольшой объем книги не позволил осветить некоторые темы, в том числе тему «Эрзя и Есенин». Она-то и была затронута в беседе автора этих строк с Борисом Николаевичем.

— Степан Дмитриевич, — рассказывал писатель, — всегда тепло говорил о Сергее Есенине, его стихах. Помню, как при мне он не раз напевал за работой строчки есенинского «Клена...», а однажды, неожиданно прервав напев, воскликнул: «Какой глубокий образ — этот клен! Судьба человека тут скрыта, не меньше!» От начала до конца знал «Письмо к матери», читал его вслух. Любил поэму «Анна Снегина», многие ее строчки повторял, особенно о природе...

— Художник Иосиф Ефимович Бобровицкий писал, что Эрзя вместе с другими преподавателями, журналистами «Бакинского рабочего» бывал в Мардакянах у Есенина. Не вспоминал ли Степан Дмитриевич об этих поездках? — обращаюсь я к Борису Николаевичу.

— Вспоминал, но без подробностей. Эрзя, живя в Баку, очень интересовался народным искусством, памятниками архитектурной старины. В Мардакянах и в соседнем с ним селении Шаганы сохранились замки XIII и XIV веков, мечеть Туба-шахи... Так что поездка к Есенину могла быть одновременно и поездкой к шедеврам зодчества. Ведь Есенин тоже не был равнодушен к древнему искусству.

Как вспоминала жена скульптора Елена Ипполитовна Мроз, вечерами Есенин часто приходил в мастерскую Эрзя с балагайкой. Под нее он пел шуточные песни, частушки. А вот стихи, сколько его ни просили, читать не соглашался...

— Да, об этом Эрзя мне рассказывал, — продолжал писатель. — И объяснял так. Есенин слишком высоко ценил свой поэтический дар, чтобы разминивать его на пустяки. Он мог петь озорные частушки, плясать. Но не разбрасываться своими стихами налево и направо. Поэт остерегался метать бисер, боясь, как бы этот бисер, может быть, случайно, не попрали ногами: люди у Эрзя бывали разные. Степану Дмитриевичу, по его словам, нравилось такое уважение мастера к своему творчеству, к своему призванию. «По-иному и не должен поступать истинный талант», — говорил скульптор.

— По воспоминаниям Елены Мроз, Эрзя и Есенин однажды исчезли из города и где-то пропадали три дня. Потом появились, полные восторга от путешествия по Апшерону. Вы об этом знаете?

— Знаю. Эрзя в то время лепил своих рабочих для Дома горняков. Ему была нужна натура. Вот в поисках типажей и отправились друзья по селениям. Есенину тоже хотелось посмотреть жизнь местных крестьян, услышать их песни. Побывали они в нескольких местах, со многими жителями познакомились. Как рассказывал Степан Дмитриевич, «побегом из города» оба остались довольны.

Борис Николаевич вспомнил также слова Эрзя о скульптурной сюите в честь советских республик, которую задумал создать старый мастер.

— Думаю об образе России, — говорил тихим голосом художник (он уже слабел). — Каким ее образ должен быть? Может, взять за основу есенинскую мать? Помните: «Ты одна мне помощь и отрада, ты одна мне несказанный свет...» Или юную Снегину, «девушку в белой накидке»... И то и другое очень заманчиво...

Замысел так и остался неосуществленным...

Мой разговор с Борисом Николаевичем подходил к концу, и тут писатель, улыбувшись, обронил:

— А когда Степан Дмитриевич рассказывал мне о встрече с Есениным в годы первой мировой войны, то добавлял такие слова: «Красивый был парень, ладный, служил санитаром. О нем так в шутку говорили: «Смерть сестричкам милосердия!»

...Возможно, и тогда, в мастерской, Эрзя напомнил Есенину давнюю шутку, и они вместе с Чагиным смеялись над ней светло, от души.

Шутку они любили.

— Знаете, что однажды Эрзя и Есенин придумали? — Я не знал, и Полевой рассказал о таком эпизоде.

В один прекрасный день друзья пошли в «Бакинский рабочий»: Есенину причитался за стихи какой-то гонорар. Пришли к Чагину: так, мол, и так, распорядись... А тот упирается: нет, дескать, денег в кассе. «Ах, нет? Ну, ладно!» Друзья выходят на улицу, встают под окнами редакции. Есенин поет частушки, а Эрзя с есенинской шляпой в руках обходит собравшихся зевак, изображая сбор подаяния. Чагину ничего не оставалось делать, как позвать Есенина и выдать ему гонорар...

Об этой шутке друзей позже рассказывала и Елена Ипполитовна Мроз.

Степан Дмитриевич Эрзя пережил Есенина почти на тридцать пять лет. До конца дней своих он тепло вспоминал о поэте, о дружбе с ним. Особенно подробно старый мастер рассказывал о неожиданной встрече с Есениным на старой бакинской улице осенним днем 1924 года...

НА СЛОВА М. В. КАРИМА.

Музыка Алексея ЭКИМЯНА

Слова Мустая КАРИМА
Перевод Елены НИКОЛАЕВСКОЙ

Эту песню мать мне пела,
На руках меня качая.
Эту песню мать мне пела,
В путь-дорогу провожая.
Полевому многоцветью
Рады люди, рады люди.
А один цветок на тропке
Смятым будет, смятым будет.

Эту песню мать мне пела.

Люди вместе пролагают
Путь широкий, путь широкий.
След травой зарастает
Одинокий, одинокий.
Капля с каплей станут морем

Без границы, без границы.
Если капля одинока —
Испарится, испарится.

Эту песню мать мне пела.

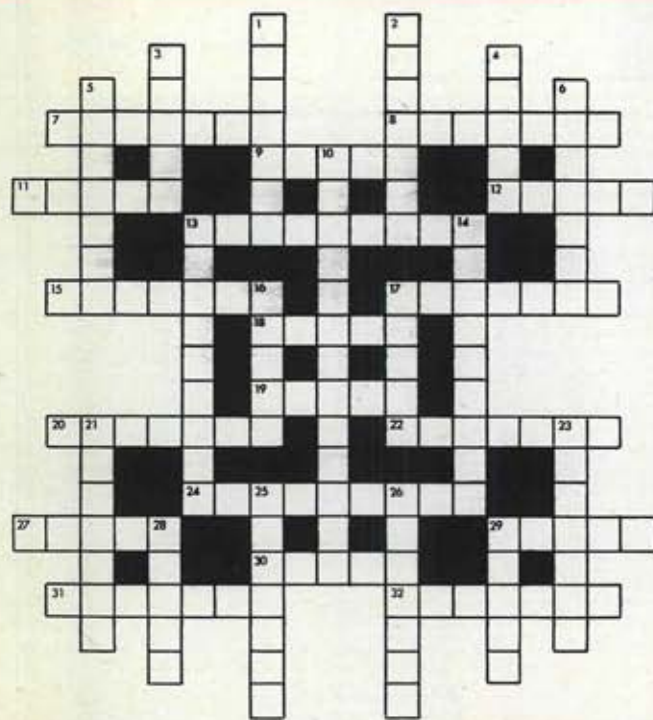
Только в море будешь каплей
Ты живую, ты живую.
Пусть твой след не зарастает
Лебедею, лебедею.
Мать мне пела эту песню —
Мы давно расстались с нею...
И чем дальше голос милый,
Тем звучит он все слышнее.

Эту песню мать мне пела.

МАТЬ МНЕ ПЕЛА

КРОССВОРД

Составил В. ДЕМИДОВ,
Ленинград

По горизонтали:

7. Стихотворение В. В. Маяковского. 8. Овощное растение. 9. Роман Ю. В. Бондарева. 11. Цирковой актер, комик. 12. Столица автономной советской республики. 13. Город в Минской области. 15. Получатель почтовой корреспонденции. 17. Русский адмирал, герой Крымской войны и обороны Севастополя. 18. Цветок. 19. Индустриальный центр в ГДР. 20. Гидротехническое сооружение. 22. Ученническая принадлежность. 24. Прибор, отображающий ход химического процесса. 27. Авиационное подразделение. 29. Лососевая рыба. 30. Остров в Тирренском море. 31. Сорт яблок. 32. Небольшая пила.

По вертикали:

1. Медведь, обитающий в лесах Северной Америки. 2. Засухоустойчивое лиственное дерево. 3. Художник-передвижник. 4. Экваториальное созвездие. 5. Врач. 6. Шахтерский город в Челябинской области. 10. Астрономическое устройство для приема излучения внеземных объектов. 13. Река в США. 14. Звук, периодически перекрывающий световой поток в кинематографических аппаратах. 16. Обширные хвойные леса. 17. Вид театрального искусства. 21. Химический элемент. 23. Местное наречие, говор. 25. Руководство факультета. 26. Междупалубное пространство на судне. 28. Роман А. Барбюса. 29. Пьеса А. Н. Островского.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 16

По горизонтали:

5. Фонотека. 6. Одеколон. 8. Отдел. 9. Уксус. 10. Горал. 12. Иллер. 14. Касситерит. 16. Онега. 17. Ралли. 18. Опыт. 19. Раковина. 21. Кандидат. 22. Прокатка. 25. Плявняк. 28. Краб. 30. Дагер. 31. Идиомы. 32. Астролябия. 33. Вадим. 35. Ларни. 36. Олово. 37. Ельня. 38. Рихтовка. 39. Краковьяк.

По вертикали:

1. Посол. 2. Каллисто. 3. Мону-мент. 4. Росси. 5. Федотова. 7. Нередица. 11. «Алеко». 13. «Лолли». 14. Карикатура. 15. Трансляция. 20. Анна. 21. Карп. 23. Радиатор. 24. Кегли. 26. Ирина. 27. Ясменник. 28. Карловац. 29. «Баджерка». 34. Мотто. 35. Лядов.

Найти свой рисунок и краски

СЕЛО ВИНДРЕЙ

СТОГ СЕНА

Начало творческой биографии художника Александра Чунтомова, вероятно, похоже на многие судьбы нынешнего молодого поколения живописцев. Занятия в художественной студии при Дворце пионеров, затем институт, по окончании — любимая работа. Но каждый год этой в общем-то обыкновенной жизни был наполнен для Чунтомова жаждой творчества, стремлением найти свои краски, свой рисунок....

Работая несколько лет преподавателем в школе, он хотел передать своим ученикам не только навыки рисования, но, что самое главное, научить их видеть красоту жизни в обыденных порой вещах, которые повседневно встречаются нам. А все свободное время Чунтомов отдавал живописи: ходил с этюдниками по Москве, ездил писать в старые города средней полосы России, много работал над натюрмортами.

Соразмерность и гармоничность — именно эти свойства окружающего мира старается передать в своих картинах Александр Чунтомов. Для молодого художника очень важна на этом этапе работа над натюрмортом. И действительно, среди картин Александра этот жанр занимает ведущее место. Чунтомов стремится найти в натюрморте такое композиционное и цветовое решение, которое бы выявило красоту фактуры и формы каждого предмета, изображенного на холсте, не лишив его естественности. Сочетание и расположение вещей не должны быть нарочитыми, иначе появится ощущение муляжности, считает художник. Не теряя своей естественности, они становятся еще и символом какого-то определенного момента жизни. Вот натюрморт «Весна» — распускающийся нарцисс и разрезанный, чуть сохшийся апельсин — зимний плод для наших краев; сочетание этих двух предметов как бы символизирует смену времен года.

...Натюрморт «Сессия». Письменный стол, зажженная лампа, книги, в углу висит форменная куртка студенческого отряда. Соединение предметов не случайно, оно раскрывает перед нами жизнь человека, с ними связанного. Его нет на полотне, но его присутствие ощущается во всем облике комнаты.

Для пейзажных полотен Чунтомова характерны спокойная цветовая гамма, плавность рисунка, неприязнительность сюжета. Он пишет пейзажи средней полосы России, которую считает самым близким его душе краем. «Сток сена» — поле, кустарник, чуть пожелтевшая копна скошенной травы, тихий уголок России. Художнику удалось передать его мягкую чарующую прелесть.

Среди картин Александра Чунтомова есть и портреты. В них проявляется незаурядное мастерство художника в раскрытии внутреннего мира человека.

ПАРАД ЦВЕТОВ

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Портрет «Бабушка» передает своеобразие характера женщины, немало пережившей на своем веку. Ее преклонный возраст находится в полном созвучии с умиротворенной задумчивостью ее облика. Светлый, чуть снисходительный взгляд глаз говорит о сильном и добром характере.

Молодой художник Александр Чунтомов, безусловно, одарен незаурядным чувством колорита, уверенной, твердой рукой. Пожелаем же ему счастливо пройти трудные этапы «взросления», обогатить свое творчество более острым видением проявлений силы и красоты нашего мира.

Мария БОГДАНОВА

ОСЕНЬ